

ОБРАИНЫ РОССІИ.

Серія первая :

Русское Балтійское поморіе.

Выпускъ I.

Изданіе Ю. САМАРИНА.

П Р А Г А

Типографія Д-ра. Ф. Скрейшовскаго

1868.

1925:2547.

Hausm.

1790 1790 1790 1790 1790

513

1790 1790 1790 1790 1790

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Къ читателю	I—X
Русское Балтійское поморіе въ настоящую минуту (какъ введеніе въ первую серію)	I—187

1914

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Вѣдѣмъ извѣстно, что Русская заграничная пресса пріобрѣла у насъ худую, къ сожалѣнію вполнѣ заслуженную славу. И не мудроно. За очень рѣдкими исключеніями, во всѣхъ рукахъ ея ворочавшихъ (Герцена и Шедо-феротти безъ различія) она служила не Россіи, а политическимъ интересамъ и ученіямъ сложившимся внѣ ся, и частью вовсе ей чуждымъ, частью положительно ей враждебнымъ. Съ тѣхъ точекъ зрѣнія, на которыхъ стояли и стоятъ наши заграничные публицисты, Россія созданная исторією ничѣмъ инымъ представляться не могла какъ препятствіемъ, помѣхою, или мертвымъ орудіемъ, чѣмъ то въ родѣ громаднаго тарана, годнымъ только для механическаго употребленія. Въ первомъ случаѣ, нужно было повалить или раздробить ее, а во второмъ — по крайней мѣрѣ нанюжить ее до потери историческаго самосознанія, чтобы воспользоваться ея силами для невѣдомыхъ ей цѣлей.

Теперь, замыслы и виды обращенной къ Россіи заграничной пропаганды всѣхъ колеровъ и оттѣнковъ окончательно выяснились для всѣхъ способныхъ видѣть, и окончательно отвергнуты всѣми способными вразумиться. Это важный успѣхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, у насъ распространилось очень естественное предубѣжденіе противъ самаго орудія приспособленнаго ею къ

II

дѣла и какъ будто навсегда испорченнаго этимъ употребленіемъ его намъ во зло. При такомъ общемъ настроеніи, всякій прибѣгающій къ тому же орудію, разумѣется въ другихъ видахъ, не только имѣетъ право позаботиться объ огражденіи себя отъ подозрѣній болѣе чѣмъ вѣроятныхъ, но даже, до нѣкоторой степени, обязанъ передъ публикою предупредить недоразумѣнія, высказать на первыхъ же порахъ, положительно и ясно, чего онъ хочетъ и чего не хочетъ.

Я сдѣлаю это въ короткихъ словахъ.

Какъ Русскій, желающій посылно служить *моей* родинѣ и въ *мое* время, я не принадлежу ни къ какой политической партіи, даже не признаю разумной причины къ образованію въ современной Россіи какихъ либо партій свойства *политическаго*, въ серьезномъ значеніи этого слова. Я не революціонеръ и не консерваторъ, не демократъ и не аристократъ, не социалистъ, не коммунистъ и не конституціоналистъ. Я убѣжденъ, что долѣебъ днѣви злоба его и что далеко еще не наступило для Россіи время думать объ измѣненіи существующей формы правленія. Вижу, что самодержавная власть (чтобы она сама о себѣ ни думала) никогда не была такъ сильна *нравственно* какъ теперь; думаю, что никакая другая власть, въ настоящую минуту, не моглабы внушить такого къ себѣ довѣрія, ни располагать такъ легко, такимъ добровольнымъ, единодушнымъ и *безпритязательнымъ* содѣйствіемъ народныхъ силъ; вывожу отсюда, что историческое призваніе самодержавія еще не исполнилось и что ему предстоитъ совершить еще многое для блага Россіи; крѣпко держусь той вѣры (все еще держусь, не смотря на все совершающееся и, по видимому, готовящееся въ настоящую минуту) что, *по существу своему*, самодержавіе отнюдь не несовмѣстно съ тою свободою, въ которой мы въ настоящую минуту дѣйствительно нуждаемся, что наконецъ вопросъ теперь не въ томъ: какая форма правленія для насъ лучше, а въ томъ: которое изъ

двух побуждений, периодически сменяющихся въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, окончательно возьметъ верхъ надъ другимъ: довѣріе или страхъ.

Если восторжествуетъ первое, то оно дастъ просторъ нашимъ національнымъ стремленіямъ и, тѣмъ самымъ, укрѣпитъ за нами наши государственныя окраины; ибо Россія, развязанная у себя дома, вѣрная своему историческому призванію, непремѣнно понесетъ и туда *дѣйствительную* свободу для всѣхъ, поставитъ на ноги народныя массы и подниметъ ихъ духъ — а на всѣхъ нашихъ окраинахъ (къ счастью не вполнѣ нами заслуженному) народныя массы все еще за насъ. На оборотъ, второе побужденіе повелобы къ систематическому давленію внутри и къ неразлучному съ тѣмъ послабленію на нашихъ окраинахъ всѣмъ антирусскимъ стихіямъ, тяготящимъ къ заграничнымъ центрамъ. Повторяю: давленіе дома, послабленіе на окраинахъ — одно другимъ обуславливается. Мы это можемъ видѣть на каждомъ шагѣ. Кто нашептываетъ правительству, что оно слишкомъ далеко зашло на пути либеральныхъ реформъ и пугаетъ его полусвободою нашей печати, присутствіемъ крестьянъ на земскихъ собраніяхъ и вссословнымъ выборомъ мировыхъ судей; кто проповѣдуетъ необходимость подтянуть, обуздать и осадить Русское общество, двинувъ противъ него аппараты полицейской власти, тотъ въ тоже время зангряиваетъ съ Польскою шляхтою и молча пасуетъ при встрѣчѣ съ Балтійскимъ рыцарствомъ; равновѣрно, кто внутренно благоговѣетъ передъ Балтійскою и Польскою гражданственностью и лепчетъ про себя мысль украсить Россію пересадивъ на почву ея политическіе идеалы заимствованныя у окраинъ, тотъ, вопреки кажущемуся либерализму своихъ стремленій, по крайней мѣрѣ своихъ фразъ, оскорбляется въ глубинѣ души лепетомъ недавно пробудившейся Русской мысли, и, не будучи въ состояніи усмирить ее вновь, по крайней мѣрѣ отравляетъ ей полусвободу гласнаго вы-

IV

раженія, только что ею полученную через его же руки. Повидимому, у этихъ двухъ людей точки отправленія совершенно различныя; но они приходятъ къ однимъ результатамъ, и потому, разъ встрѣтившись, найдутъ рука объ руку до конца. . . .

„Вотъ новости!“ — подумаетъ можетъ быть иной читатель — „необходимость самодержавія, свобода національныхъ стремленій, укрѣпленіе окраинъ — да это все оффиціальная фразаология извѣстная всѣмъ и каждому изъ Высочайшихъ рескриптовъ и множества всякихъ циркуляровъ. Если пришла охота повторять и парафразировать ихъ, то почему не дѣлать этого дома и съ какой стати, по казенной программѣ, начинать издавіе за границею?“

На вопросъ, я отвѣчу другимъ вопросомъ: когда на крышѣ показывается дымъ, что дѣлать простому обывателю, не должностному лицу, не отвѣтственному блюстителю безопасности и не пожарному служителю?

— „Поднять тревогу, будить народъ, бить въ набатъ.“

— Хорошо! Но если величественный сторожъ, мѣрными шагами расхаживающій по улицѣ, говоритъ, что это все вздоръ и что опасности нѣтъ; если, по особенному свойству своего политическаго темперамента, онъ предпочитаетъ пожаръ всякой тревогѣ, даже бѣготѣ толпы вооруженной вѣдрами, лѣстницами и баграми; если онъ вчера завѣрялъ хозяина, которымъ онъ приставленъ, что пожара не будетъ и непременно хочетъ донести ему завтра, что всё обстоитъ благополучно; если въ ту минуту какъ обыватель собирается звать на помощь и ударить въ набатъ, сторожъ зажимаетъ ему ротъ и вырываетъ у него изъ рукъ веревку — тогда что дѣлать?

— „Иди домой, лечь спать и съ сторожемъ не сеориться. Вѣдь отвѣтчикъ всётаки онъ, а не вы.“

— Положимъ что онъ, по крайней мѣрѣ ближайшій; положимъ даже, что завтра, послѣ пожара, его отставятъ; но за ночь

деревня всётаки сгорить и сторожъ ея не выстронть. Чтожъ дѣлать обывателю, если онъ рѣшительно не хочетъ горѣть?

— „Пожалуй: не теряя времени, перейти въ соедѣннй приходъ, гдѣ нѣтъ такого сторожа, и постараться оттуда подать пожарный сигналъ.“

Второй совѣтъ нравится мнѣ болѣе чѣмъ первымъ и, кажется, разумнѣе перваго.

На окраинахъ Россіи, особенно Сѣверозападной и Балтійской, пахнетъ гарью. Въ одномъ мѣстѣ, недавній пожаръ не совсемъ потушенъ; уголья всё еще тлѣютъ подъ золою, а ужъ многіе, и въ томъ числѣ учредители новыхъ порядковъ, начинаютъ говорить громко, что вся бѣда не отъ поджигателей, а отъ пожарной команды и что нужно поскорѣе разогнать ее, такъ какъ, заливая огонь и срывая горѣвнія крыши, она когдѣ перебила панскія зеркала, загрязнила ковры и разметала заборы. Въ другомъ мѣстѣ, накаплиются горючіе материалы и безыменныя корреспонденціи, разсылаемая оттуда во всё иностранныя газеты, грозятъ намъ всякими бѣдствіями. Это тѣже подметныя письма, писанныя въ Россіи и для Россіи, но перебрасываемая къ намъ изъ за границы. Конечно, въ этомъ случаѣ, дерзаетъ нѣсколько не признавъ силы, а не болѣе какъ невольное и не совсемъ осторожное обнаруженіе записанныхъ побужденій, которыхъ многіе у насъ и не подозрѣвали. Пугаться этихъ угрозъ былобы смѣшно; но, съ другой стороны, не благоразумно былобы и пренебрегать ими.

Наше положеніе на окраинахъ существенно разнится отъ положенія нашего внутри Россіи. Здѣсь, оплошность, ошибка, фальшивая мѣра, вредятъ отрицательно, ослабляя насъ, но ничего не усиливая на нашу счетъ, сдерживая и тормозя естественный ходъ нашего развитія, но всётаки не измѣняя его направленія. Намъ это не въ диковинку и мы, Русскіе, какъ ни-будь оттершимся, переждемъ, и ужъ навѣрное не воспользуемся

VI

ошибкою для увеличенія зла. Это даже не мыслимо, потому что у нас нѣтъ и быть не можетъ антирусскихъ цѣлей. Не такъ на окраинахъ. Тамъ имѣются наготовѣ, въ полномъ сборѣ, силы прямо намъ враждебныя, съ тою именно цѣлью вышколаенныя, чтобъ обращать въ наступательное противъ насъ орудіе всякую нашу ошибку и пользоваться намъ во вредъ каждою потерянною нами минутою. Тамъ, всё что мы дѣлаемъ не въ попадѣ, или чего не дѣлаемъ вовсе тогда какъ слѣдовало бы сдѣлать, приносить намъ ущербъ прямой, положительный, часто неисправимый.

Въ своемъ приходѣ, будить людей нельзя — это ужъ дозволено рядомъ опытовъ, и я перехожу въ другой приходъ, въ гостепріимную Богемію, и ставлю на Пражскомъ Вышеградѣ скромную, пожарную каланчу. — Авось увидятъ сигналъ изъ дому.

„Отчегоже именно въ Прагѣ?“ — спросить можетъ быть иной любопытный читатель. — А вотъ отчего: само собою разумѣется, что я имѣю въ виду, главнѣйшимъ образомъ, моихъ соотечественниковъ, Русскую публику, но не ее одну. Клеветы на Россію и на ея правительство, изобрѣтаемыя въ нашихъ предѣлахъ и распускаемыя за границею на всѣхъ языкахъ, дѣйствуютъ въ Европѣ не одинаково. Во Франціи, въ Германіи и въ Англіи, онѣ встрѣчаютъ, не то чтобы полную вѣру, а полную готовность принять всякій вымыселъ за правду. Тамъ, общественное мнѣніе на столько застарѣло въ своихъ предубѣжденіяхъ и такъ привыкло считать свое враждебное къ намъ расположеніе принадлежностью высшей цивилизаціи, что для него уже нѣтъ и вопроса о правдѣ и неправдѣ. Мы давно осуждены и приговорены по всѣмъ обвинительнымъ пунктамъ, прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ, такъ что, кто бы на насъ ни доносилъ или ни жаловался, Полякъ, Нѣмецъ, Черкесъ или Татаринъ, всё напередъ оправлены. Не такое впечатлѣніе производятъ тѣже распускаемыя про насъ слухи на Славянъ, всѣхъ

вообще (вромѣ конечно Поляковъ). Они смущаются ими и не хотѣли бы давать имъ вѣры; мало того, они часто протестуютъ противъ нихъ, даже не имѣя подъ рукою фактовъ для ихъ опроверженія, а просто по какомуто вѣрному историческому чутью, и потому еще, что находясь сами подъ оналою Европы, они по опыту знаютъ до какой степени безстыдства можетъ довести чувство племеннаго соперничества. Во всякомъ случаѣ, Славяне, и они одни, хотятъ и могутъ выслушивать насъ спокойно и безпристрастно. Съ Франціею, Англіею и Германіею, мы можемъ спорить, договариваться, входить въ соглашенія и сдѣлки какъ держава съ державою, но оправдываться передъ тамошнею публикою и стараться вразумить ее, значилобы только, безъ всякой пользы, жертвовать своимъ достоинствомъ и пускать слова на вѣтеръ.*) Единственная среда, къ которой мы можемъ относиться нашею народною совѣстью, общественнымъ мнѣніемъ которой мы можемъ и должны дорожить, это міръ Славянскій. И вотъ почему я становлюсь ближе къ нему и начинаю свое изданіе именно въ Прагѣ, какъ средоточіи западно-Славянскаго просвѣщенія.

Цѣль моя очень скромна и проста. Я желалъ бы, во первыхъ, дать возможность моимъ соотечественникамъ, по крайней мѣрѣ тѣмъ изъ нихъ, которые бывають за границею, узнавать объ окраинахъ Россіи то, чего имъ не говорятъ дома и о чемъ имъ не позволяютъ говорить; я разумѣю тѣ обвинительные процессы противъ Россіи и ея правительства, которые ведутся теперь преимущественно на Нѣмецкомъ діалектѣ, передъ судомъ западной Европы, вѣрноподанными Россійскаго Императора Нѣмецкаго и Польскаго происхожденія, и тѣ тагъ называемыя у

*) Присутствіе Государя Императора въ Парижѣ и предисланныя его поѣздки амнистіи сосланнымъ Полякамъ, конечно, были краснорѣчивѣе всякой журнальной статьи или дипломатической ноты. А какъ отозвалась на это Франція?

VIII

насъ канцелярскія тайны, которыя, какимито непостижимыми путями, прямо изъ нашихъ министерствъ и главныхъ управленій, перелетаютъ черезъ головы нашей публики въ иностранныя газеты, для назиданія Европы. Во вторыхъ, я желаю бы, въ мѣру силъ моихъ, простымъ возстановленіемъ искаженныхъ фактовъ, противоудѣйствовать антирусской пропагандѣ и знакомить Славянскую публику съ призываніемъ и дѣйствіями нашего правительства въ предѣлахъ тѣхъже нашихъ окраинъ. При этомъ, я претендую на право защищать за границею государственные и народныя интересы Россіи противъ Балтійскаго и Польскаго провинціализма также свободно, какъ на примѣрѣ Гг. фонъ Боккъ, фонъ Сиверсъ и другіе, ихъже имя легионъ, защищаютъ передъ западною Европою свои провинціальныя интересы противъ Россіи. *)

Первая серія открываемаго мною изданія посвящается Русскому Балтійскому поморію; вторая будетъ посвящена Сѣверо-западному краю, третья можетъ быть Польшѣ, Югозападному краю и т. д.

Само собою разумѣется, что при скудныхъ моихъ средствахъ, я бы и не подумалъ приступать къ такой задачѣ, еслибы не

*) Вызывая Русскую прессу на публичный судъ передъ Европою, Г. Егоръ Сиверсъ говоритъ: „я надѣюсь и предполагаю, что когда дѣло дойдетъ до предъявленія съ моей стороны опроверженій, я не встрѣчу на пути своемъ ни вещественныхъ, ни личныхъ препятствій“ (Appel an die Europäische Oeffentlichkeit etc. 1865). Бывшій вице-президентъ Ливляндскаго Готтерихта фонъ Боккъ, въ одной изъ своихъ брошюръ, заявляетъ о своемъ намѣреніи напечатать какойто Сенатскій указъ и прибавляетъ: „если только заплечнымъ мастерамъ Московскихъ Стрѣльцевъ (то есть, такъ называемой Старорусской партіи) не удастся, ваче чаянія, заткнуть мнѣ плотку“ (Livländische Beiträge B. 1. Lief. 11. S. 72 anmerk.). Сколько мнѣ извѣстно, ни Г. фонъ Сиверса, ни Г. фонъ Бокка никто не тревожилъ — и слава Богу! Радуюсь этому искренно, и не столько для себя лично, сколько для чести Русскаго правительства. Пора наконецъ доказать, что намъ нечего бояться и нечего скрывать.

надѣялся, что найдутся люди, лично миѣ незнакомые, но близко знающіе настоящее положеніе дѣлъ въ той или другой изъ нашихъ пограничныхъ областей и раздѣляющіе мое убѣжденіе въ пользѣ приподнимать, хотя бы по временамъ, завѣсу скрывающую ихъ отъ Россіи. Можетъ быть, они не откажутъ миѣ въ своемъ содѣйствіи. Какъ матеріалъ я приму съ благодарностью даже отрывочныя указанія, справки, документы, выписки и простыя извѣстія; но полныя обзорѣнія или монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ, хотябы въ сыромъ и не обработанномъ видѣ, былибы еще нужнѣе и полезнѣе.

Въ особенности, прошу будущихъ моихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ не основываться на слухахъ, а исключительно на несомнѣнныхъ фактахъ, тщательно провѣрять достоверность сообщаемыхъ ими свѣдѣній, указывать на источники (хотя бы для моего только свѣдѣнія а не для обнародованія) и, по возможности, прилагать документальныя подтвержденія.

Для отличія статей доставленныхъ отъ писанныхъ мною, я буду выставлять подъ первыми слово „*сообщено*“, а имена лицъ участвующихъ въ моемъ изданіи будутъ оставаться тайною для всѣхъ, развѣ бы самъ авторъ присланной статьи потребовалъ, чтобъ она являлась за его подписью.*)

Ни числа выпусковъ, ни времени ихъ выхода впередъ опредѣлить нельзя. Это будетъ зависеть, главнѣйшимъ образомъ, отъ степени сочувствія которое я встрѣчу и отъ количества доставляемыхъ миѣ матеріаловъ.

Польскіе пропагандисты давно насъ опередили; они овладѣли почти всѣми органами иностранной журналистики, наполнили книжныя лавки летучими произведеніями своего неистощимаго воображенія и, дѣйствительно, достигли всего чего можно

*) Мой адресъ, за границею: въ Прагѣ, въ редакцію газеты „*Politik*“ а въ Россіи: въ Москвѣ, на Ордынкѣ, въ Толмачахъ, въ домѣ Графини Саллогубъ.

было достигнуто этимъ путемъ, имѣя противъ себя правду. Теперь, слѣдуя ихъ примѣру и въ подмогу имъ, выступаетъ дружная фаланга публицистовъ Балтійскаго поморія, издавна называющихъ себя нашими учителями и образцами. Они, располагающіе несравненно большими средствами чѣмъ Поляки или чѣмъ мы Русскіе, такъ какъ нѣтъ у насъ такой канцеляріи, въ которойбы они не имѣли *своихъ*, переносятъ также свою дѣятельность за границу, выпуская о своемъ краѣ множество брошюръ и корреспонденцій. Нѣкоторые изъ нихъ прямо вызываютъ насъ на публичный диспутъ. Почему бы не принять вызова и не пойти за ними на избранное ими поприще?

Въ одною только я позволю себѣ не послѣдовать ихъ примѣру. Ливляндскіе и Курляндскіе рыцари, за не многими исключеніями, обыкновенно выходятъ на состязаніе съ опущенными забралами — я же не привыкъ къ этому тяжелому убранству и потому подписываюсь полнымъ именемъ.

ЮРІЙ САМАРИНЪ.

Прага,
Декабрь 1867.

Русское Балтійское поморіе

въ настоящую минуту

(какъ введеніе въ первую серію).

Ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, пробывъ безъ малого три года въ Ригѣ, въ то самое время, когда, съ переѣзною главнаго начальника края*), въ системѣ управленія Русскимъ Балтійскимъ номоріемъ совершался крутой переломъ, я набросалъ на бумагу, въ формѣ писемъ, выводы изъ моихъ изслѣдованій о прошедшихъ судьбахъ этого края и моихъ наблюденій о тогдашнемъ его положеніи. Все это было незрѣло, писано съ плеча, подъ влияніемъ раздражительныхъ впечатлѣній и свойственной молодости дурной привычки тыкать правдою прямо въ глаза. Словомъ: *по тогдашнимъ понятіямъ*, это была непростительная дерзость, и покойный Государь, до свѣдѣнія котораго добрые люди довели мою рукопись, продержавъ меня нѣсколько дней къ крѣпости, поступилъ со мною, (опять таки *по тогдашнимъ понятіямъ*) снисходительно и даже милостиво. Недавно опредѣлившійся на службу титулярный совѣтникъ, осмѣлившійся, не будучи къ тому призванъ своимъ начальствомъ, произнести осужденіе дѣйствій выс-

*) При назначеніи Генераль-губернаторомъ Князя Суворова на мѣсто Ген. Головина.

шаго управленія, не могъ избѣгнуть наказанія; но, по крайней мѣрѣ, искренность и намѣренія провинившагося остались незаподозрѣнными. Едвали нужно прибавлять, что я вспоминаю теперь объ этомъ давно прошедшемъ времени не только безъ горечи, но и безъ сожалѣнія. Напротивъ: я благодаренъ судьбѣ, доставившей мнѣ случай видѣть покойнаго Императора съ глазу на глазъ, слышать прямодушную рѣчь его и унести въ памяти, изъ кратковременнаго съ нимъ свиданія, образъ историческаго лица неожиданно передо мною явившагося, въ строгой и благородной простотѣ своего обаятельнаго величія . . .

Послѣ этого, рукопись моя, разумѣется, исчезла изъ обращенія; толки о Балтійскомъ краѣ, возбужденные въ нашемъ обществѣ переходомъ Латышей въ Православіе, вскорѣ совсѣмъ замолкли, и весь этотъ край, надолго, какъ будто исчезъ изъ виду нашей публики.

Девятнадцать лѣтъ спустя, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ и возрѣніяхъ, по упраздненіи крѣпостнаго права, по введеніи въ дѣйствіе земскихъ учреждений, гласнаго судопроизводства и новаго закона по дѣламъ печати, я помѣстилъ въ газетѣ „Москва“ нѣсколько передовыхъ статей, въ которыхъ, между прочимъ, указалъ на жалкое, унижительное положеніе представителя Православной Церкви въ ередѣ Балтійскаго общества и на неминуемыя послѣдствія постепеннаго упадка довѣрія къ Россіи въ тамошнемъ простонародѣ. За эти статьи, въ которыхъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ высматрѣлъ между прочимъ „возбужденіе вражды въ одной части народонаселенія противъ другой“ газета напечатавшая ихъ получила предостереженіе и подверглась трехмѣсячному запрещенію*).

*) Въ предостереженіи 25. Марта 1867 г. выставлены и другіе мотивы, въ томъ числѣ слѣдующій: „мѣры изысканія, которымъ подверглись Ливонская Лютеранская Консисторія и Пасторъ Пробстъ Дебнеръ порица-

Этих двухъ опытовъ было совершенно достаточно для личнаго моего вразумленія, и предиринимать третій, подъ ударами главнаго управленія по дѣламъ печати, я считалъ излишнимъ. Были впрочемъ и другіе факты, лично до меня не касавшіеся, но еще болѣе поучительные.

Въ 1863 году, въ Лейпцигѣ, вышла небольшая брошюра: „Мекленбургъ въ Курляндіи (Mecklenburg in Kurland).“ Авторъ ея, Отто Фоль Рутенбергъ, природный Курляндскій дворянинъ, разбираетъ въ ней разныя мнѣнія выраженныхъ на Курляндскомъ ландтагѣ 1862 года, по поводу предъявленнаго правительствомъ требованія, чтобы крестьянамъ открыта была возможность пріобрѣтать въ собственности земли бывшія въ ихъ пользованіи. Вѣрный своему происхожденію и традиціямъ своей касты, онъ отнесся къ своимъ собратьямъ не только не враждебно, а даже съ полнымъ сочувствіемъ къ общему ихъ стремленію

и *подъ видомъ* желанія обоюдной борьбы между Православіемъ и Протестантизмомъ, хотя *это желаніе не соответствуетъ вовсе существующимъ относительно Православной Церкви въ Имперіи законамъ и противурѣчитъ всему содержанию статей газеты Москва.*“ Еслибы можно было спорить съ административнымъ производомъ, я позволилъ бы себѣ предложить три вопроса. Во первыхъ, почему главное управленіе по дѣламъ печати знаетъ, что газета „Москва“ приняла на себя *видъ*, то есть *не искренно* сожалѣть о преслѣдованіи за мнѣнія, которыхъ она не раздѣляетъ? Сколько мнѣ известно, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ есть частный приставъ, а не духовникъ журналистики и уставъ не даетъ ему права касаться чужихъ, закрытыхъ для него побужденій. Во вторыхъ, хотябы даже желаніе выраженное въ газетѣ „Москва“ и противурѣчило содержанию ея статей (чего я рѣшительно не допускаю), развѣ главное управленіе по дѣламъ печати призвано мстить за нарушеніе законовъ логики? Давноли оно и она (т. е. главное управленіе и логика) вступили въ такую тѣсную дружбу? Въ третьихъ, если простое заявленіе желанія свободной полемики между двумя вѣроисповѣданіями преступно уже потому, что не соответствуетъ дѣйствующимъ законамъ относительно Православной Церкви въ Имперіи, то какъ же могло случиться, что формальное и настойчивое ходатайство объ отпущеніи кореннаго закона церковнаго и гражданскаго (по предмету браковъ между Православными и Лютеранами) не только было выражено Ливляндскимъ дворянствомъ и тамошнимъ духовенствомъ, но было *вызвано* Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, и, благодаря преимущественно его стараніямъ, получило полное удовлетвореніе?

порѣшнше дѣло домашнимъ образомъ, то есть безъ вѣдома *старорусской партіи*, и не подавая повода къ прямому вмѣшательству со стороны правительства; при этомъ однако, какъ человекъ честный, вразумленный историческимъ опытомъ другихъ земель и успѣвшій, за границую, выбросить изъ головы своей многіе мѣстные предразсудки, онъ не побоялся обнаружить вѣсколько крупныхъ фактовъ изъ числа тѣхъ, о которыхъ благоразумные его земляки никогда передъ публикою не проговариваются. Такъ, онъ разсказалъ, въ главныхъ чертахъ, исторію постепеннаго *ухудшенія* быта крестьянъ со дня упраздненія на бумагѣ ихъ крѣпостной зависимости и не утаилъ, что въ послѣднее время, когда правительство, съ полнымъ довѣріемъ къ Балтійскому рыцарству, отдавало ему въ руки разрѣшеніе поземельнаго крестьянскаго вопроса, въ Курляндіи производилось втихомолку, но въ громаднѣхъ размѣрахъ, систематическое отобраніе крестьянскихъ усадебъ; наконецъ, критическимъ разборомъ разныхъ проектовъ предъ-явленныхъ на ландтагѣ, онъ выяснилъ до очевидности, что Курляндское рыцарство имѣло въ виду отнюдь не *выкупную операцію* (въ томъ значеніи каковъ эти слова имѣютъ у насъ и во всей Германіи) а *продажу* крестьянскихъ земель, по возможно высокой цѣнѣ, лицамъ всякаго званія и состоянія. Брошюра эта испытала странную участь, почти такуюже какъ извѣстная книга Мергеля: „Нещастные Латыши (die unglücklichen Letten)“*). Она какъ то очень скоро исчезла изъ обращенія и сдѣлалась почти библиографическою рѣдкостью.

У Рижскихъ книгопродавцевъ ея нѣтъ, они даже не выписываютъ ея, увѣряя, что она разошлась и за границую; да и дѣйствительно, даже тамъ трудно добыть ее

*) Говорятъ, что почти все изданіе книги Мергеля было скупилено и уничтожено Балтійскимъ дворянствомъ.

иначе какъ черезъ антикваріевъ. Прежде однако чѣмъ она улетучилась, брошюра Рутенберга попала въ редакцію Петербургскихъ вѣдомостей, которая изготовила объ ней статью и собралась ее напечатать; но Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, провѣдавъ объ этомъ, призвалъ къ себѣ редактора и потребовалъ отъ него, чтобъ онъ отложилъ свое намѣреніе, дабы не возбуждать въ Русской публикѣ неблагопріятныхъ толковъ о Балтійскомъ краѣ и не подавать повода къ сравненію условій выкупной операціи въ тѣхъ губерніяхъ и въ Россіи. Благодаря этому мудрому распоряженію, Россія, пока можно было поправить дѣло, дѣйствительно ничего не узнала объ основаніяхъ, на которыхъ разрѣшался въ Курляндіи крестьянскій вопросъ.*)

Въ 1867 году, вышла въ Берлинѣ брошюра совершенно иного рода, подъ безконечно длиннымъ заглавіемъ: *Livländische Beiträge zur Verbreitung gründlicher Kunde von der protestantischen Landeskirche und dem deutschen Landesstaate in den Ostseeprovinzen Russlands, von ihrem guten Rechte und von ihrem Kampfe um Gewissensfreiheit* (буквально: вклады изъ Ливляндіи для распространенія основательныхъ познаній о тамошней, мѣстной Протестантской Церкви и о Пѣмецкомъ провинціальномъ штатѣ**) въ Остзейскихъ провинціяхъ Россіи, о ихъ правотѣ и о ихъ борьбѣ за свободу совѣсти). Книжка эта составляетъ довольно удачный „pendant“ къ извѣстному пасквилю „*souffrances et persécutions de l'Eglise catholique en Russie*“ котораго теперь начинаеть стыдиться даже ультрамонтанская партія вы-

*) Предупреждаю, что я передаю слухъ, впрочемъ дошедшій до меня изъ надежнаго источника. Если я ошибаюсь, пусть меня опровергнутъ и я возьму слова свои назадъ. Фактовъ останется довольно и безъ этого.

**) Я перевожу *Landesstaat* словомъ провинціальный *штатъ*, какъ оно переводилось въ нашихъ официальныхъ актахъ XVIII вѣка. Подъ этимъ словъ неопредѣленнымъ выраженіемъ, подразумѣвалась вся совокупность мѣстныхъ учреждений, земскихъ, судебныхъ и даже церковныхъ.

пустившая его въ сороковыхъ годахъ, но который все таки оставилъ по себѣ нѣкоторый слѣдъ въ мнѣніи Европы. Это ни болѣе ни менѣе какъ формальный доносъ на Русское правительство, поданный Германіи однимъ изъ ея Балтійскихъ единовѣрцевъ, съ цѣлью побудить ее къ заступничеству за ея мнимо угнетенныхъ братьевъ. Тутъ, всѣ мотивы, въ оф-ціальныхъ бумагахъ едва проглядывающіе подъ маскою вѣрноподаданческой преданности, высказываются нагло и дерзко, разумѣется съ приправою безстыднѣйшей клеветы и глубочайшей ненависти къ Россіи и къ Православной Церкви. Въ началѣ предисловія, авторъ жалуется на недостатокъ участія со стороны Германіи къ *ея северовосточной колоніи, къ Нѣмецкимъ Остзейскимъ провинціямъ Россіи*; онъ указываетъ на ихъ значеніе для *распространенія и укрѣпленія Нѣмецкаго духа и Нѣмецкой жизни*, а въ концѣ заявляетъ „что необыкновенная сила, выказанная горетью Нѣмцевъ въ упорномъ и успѣшномъ ихъ противодѣйствіи всѣмъ направленнымъ противъ нихъ покушеніямъ, почерпается ими *изъ сознанія того призванія свыше, которое, по предопредѣленію Божественнаго промысла специально пекущагося о судьбахъ Германіи* (nach der göttlichen Ordnung der deutschen Dinge) вышло на долю ея колоніи, подвигающейся на отдаленномъ Балтійскомъ взморьѣ.“ За предисловіемъ слѣдуетъ рядъ документовъ, совершенно для насъ новыхъ и крайне поучительныхъ. Мы узнаемъ изъ нихъ, между прочимъ, что праша Лютеранской Церкви (въ томъ копейно смыслѣ и объемѣ въ какомъ онѣ истолковываются въ Ригѣ и Дерптѣ) права обеспеченныя *международными трактатами* и составляющія *коренное условіе* политической вѣрности мѣстнаго Протестантскаго населенія, давно уже нарушены и безпрестанно нарушаются Русскимъ правительствомъ: это доказано тамошними юристами, признано всею интеллигенціею края и сообщается Германіи къ свѣдѣнію и руководству. Да-

лѣе, разсказывается подробно, почти по днямъ и по часамъ, какъ завязалась, раскинулась и проникла въ разныя вѣдомства и въ высшее Петербургское общество, ловкая интрига недавно увѣнчавшаяся, при ревностномъ содѣйствіи высоко поставленныхъ лицъ, отмѣною общаго закона о бракахъ между Православными и Лютеранами, не задолго передъ тѣмъ (при изданіи 3^{ей} части свода мѣстныхъ узаконеній) формально распространеннаго и на Балтійскій край; сообщаются подлинныя протоколы (разумѣется слѣдователей Лютеранскаго вѣроисповѣданія и Нѣмецкаго происхожденія) о дѣйствіяхъ Православнаго духовенства при крещеніи и миропомазаніи младенцевъ рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ; наконецъ, пропечатывается рапортъ на Высочайшее имя флигель-адъютанта Графа Бобринскаго, посланнаго для изслѣдованія положенія Православной паствы въ Лифляндіи и его же отчетъ объ этой поѣздкѣ. Для Россіи, все это, разумѣется, государственныя тайны, о которыхъ ей не подобаешь вѣдать, а теперь, эти секреты, въ Нѣмецкомъ переводѣ, обѣжали Германію, заняли видное мѣсто на выставкахъ Берлинскихъ и Лейпцигскихъ книгопродавцевъ и вся Нѣмецкая публика восторжествовала, прочтя въ нихъ признаніе самаго правительства въ безнравственности средствъ будто бы имъ употребленныхъ и нынѣ еще употребляемыхъ для обращенія Латышей въ Православіе и для удержанія ихъ отъ возврата въ Лютеранство. Эта курьезная брошюра вышла безъ подписи, но въ Лифляндіи имя автора извѣстно всѣмъ*). Вскорѣ по выходѣ ея за границу, она появилась въ Ригѣ и разошлась очень скоро. Книгопродавцы, не выкидая спроса, разсылали ее по домамъ, что однако не помѣняло Рижской газетѣ заявить

*) Съ тѣхъ поръ какъ это было писано, вышло четыре новыхъ выпуска и авторъ, Г. фонъ Боккъ, вице-президентъ Лифляндскаго Гоггерихта, назвался по имени.

печатно, что она объ ней ничего не знает^{*)}). У насъ, Livländische Beiträge значатся въ цензурномъ каталогѣ въ числѣ книгъ запрещенныхъ и къ обращенію не допущенныхъ, чтобъ не раздражать Русскаго, національнаго чувства противъ уроженцевъ Балтійскаго края. Забота конечно похвальная и увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ. Пасквиль, въ которомъ, удачнымъ подборомъ свидѣтельствъ и документовъ, придано было нѣкоторое правдоподобіе самой безстыдной клеветѣ, остался безъ обличенія, на которое онъ, такъ сказать, папращивался и которое было бы легко^{**)}); Русское національное чувство избавилось отъ раздраженія вреднаго для здоровья, а тѣмъ временемъ, за границею, Нѣмецкое національное чувство быстро накаливается и раздражается противъ Россіи — точъ въ точъ какъ во Франціи передъ Польскимъ мятежемъ и во время мятежа.

Въ послѣдніе три года, между Московскими газетами и Рижскими тянулась почти непрерывная полемика объ отношеніяхъ Балтійскихъ губерній къ Россіи, о силѣ мѣстныхъ такъ называемыхъ привилегій, о степени обязательности законовъ издаваемыхъ правительствомъ, о правахъ Русскаго языка, о положеніи Русскихъ обывателей края и о другихъ такого же рода вопросахъ, какъ видно, доселѣ неразрѣшенныхъ. Оказалось, что понятія Русской прессы, по всѣмъ этимъ предметамъ, рѣшительно расходились съ Балтійскими провинціальными воззрѣніями, какъ извѣстно, господствующими и въ высшихъ сферахъ нашей администраціи. Повидимому, имѣя се на своей сторонѣ,

*) Rig. Zeitung 1867 No. 90.

***) Въ предпоследнемъ своемъ выпускѣ, издатель Ливляндскихъ вкладовъ, заявляя, что Русская журналистика отвѣтила молчаніемъ на его нападенія, объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: „опытъ доказать еще разъ, что Русскій начинаеть грубить когда съ нимъ обращаются учтиво, но что стоитъ лишь ему самому нагубить, чтобъ заставить его замолчать (Livl. Beitr. V. II. Lief. II S. 57). Усердно благодаримъ нашу цензуру, своимъ о насъ попеченіемъ, выслужившую намъ эту аттестацию.

Балтійская пресса могла бы и не обращать вниманія на безсильные протесты какихъ нибудь двухъ или трехъ газетъ; но, къ изумленію, она отнеслась къ дѣлу иначе. Почувала ли она, что эта ею такъ называемая *старорусская* партія есть всё таки ни болѣе ни менѣе какъ сама Россія, начинающая сознавать свое политическое совершеннѣе; повѣялъ ли на нее изъ за границы духъ хвастливой самоувѣренности обуившей родную Германію — какъбы то ни было, она вышла изъ себя, разгорячилась, растерялась, и, тѣснимая запросами своихъ противниковъ неумоимо обличавшихъ ея извороты, начала очень не кстати выбалтывать свои сокровенныя, заднія мысли. Такая непростительная неосторожность ставила въ самое неловкое положеніе, не столько Рижскую и Дерптскую интеллигенцію, сколько ея Петербургскихъ патроновъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, отречься за нее отъ приписываемыхъ ей поползновеній и ручаться за политическую ея благонамѣренность, въ виду цѣлаго ряда собственныхъ ея признаній? И вѣдь ничто не помогало. Оттуда, изъ Петербурга, подмигивали, подавали условные сигналы, подсылали надежныхъ людей проповѣдывать сдержанность, а расходившаяся пресса все не одумывалась; или, можетъ быть, она и одумалась, но слишкомъ поздно, когда дѣло зашло такъ далеко, что ей самой стало почти невозможно добровольно отказаться отъ полемики или даже переменить тонъ. Еще годъ или два такой полемики, и — чего добраго — Россія пожалуй узнала бы всё тайны своей Балтійской окраины. Пора было придумать противъ этого предупредительныя мѣры, и дѣйствительно придумали. Кто именно? — трудно рѣшить. Сама ли тамошняя интеллигенція выпросила себѣ запрещеніе спорить, или ея покровители прибѣгли къ этому способу, чтобъ выручить ее и себя изъ щекотливаго положенія — это еще не выяснено; во всякомъ случаѣ, какъ нельзя болѣе кстати, послѣдовало сна-

сительное для нея распоряженіе, извѣстносъ всемъ читателямъ, чтобы Нѣмецкія Балтійскія газеты прекратили національную борьбу съ газетами старорусской партіи*).

Такимъ образомъ, положенъ былъ конецъ неосторожнымъ откровенностямъ; дана была возможность Балтійской прессѣ раскланяться съ своими противниками и сойти съ поприща состязанія почти съ триумфомъ, по крайней мѣрѣ, не подвергшись ни малѣйшему порицанію; подавъ былъ вполне основательный поводъ сочувствующей ей заграничной прессѣ протрубить на все лады, что разбитая старорусская партія, въ сознаніи своей немощи, натравила на свою соперницу литературную полицію; наконецъ: у Русскихъ газетъ отнята была возможность продолжать разоблаченіе правды о Балтійскомъ краѣ.

Но этимъ дѣло кончиться не могло.

Два противника долго между собою спорили; вдругъ, одному изъ нихъ велеть молчать и этимъ прекращаютъ споръ, конечно не безъ причины. Кто нибудь употребилъ свободу слова во зло, а можетъ провинился оба. Но литературная полиція ни въ чемъ не упрекаетъ Балтійской прессы, а только отнимаетъ у нея слово. Ктожъ провинился?

На этотъ вопросъ дала отвѣтъ Сѣверная Почта въ передовой статьѣ 9/21 Ноября 1867 года. Газета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ ни на кого прямо не глядитъ и никого не называетъ по имени; она только раскладываетъ передъ публикою богатые матерьялы, принасенные сю для будущаго приговора, имѣющаго обрушиться на когого. Матерьяловъ дѣйствительно такъ много, что разбѣгаются глаза и становится жутко. Послушайте: „вредныя, по своей раздражительности формы,

*) Я привожу версію иностранныхъ газетъ, такъ какъ Русскій текстъ у насъ, кажется, официально обнародованъ не былъ.

крайность взглядовъ и направленій, поверхностная оцѣнка постановленій, опрометчивое осужденіе системы законодательства и управленія, произвольное и оскорбительное сравненіе дѣлъ Прибалтійскихъ губерній съ дѣлами западнаго края, возбужденіе не основательныхъ подозрѣній, распространеніе не основательныхъ нареканій, неправильная постановка вопросовъ, невѣрная оцѣнка правительственныхъ распоряженій“ и т. д. Какъ послѣдствія всего этого: „распространеніе въ Прибалтійскомъ краѣ опасней на счетъ цѣлаго ряда принудительныхъ мѣръ, водвореніе мысли, что правительство систематически стремится къ стѣпенно гарантированной свободы Протестантскаго вѣроисповѣданія и Нѣмецкаго языка, отголосокъ тойже мысли въ заграничной печати, возбужденіе племенной неприязни, упорное заявленіе подозрѣнія и недовѣрія, усилія возстановить одинъ классъ общества противъ другаго“ и т. д. и т. д. А все это оттого, что „нѣкоторыя газеты *постоянно обращаются къ дѣламъ Прибалтійскаго края и обсуждаютъ или возбуждаютъ вопросы, имѣющие отношеніе къ этимъ дѣламъ*“ — такими словами начинается статья. Какія же это однако газеты надѣлали столько бѣдъ? Балтійскія не *обращаются* къ дѣламъ Прибалтійскаго края; это ихъ специальность, домашняя ихъ среда, въ которой онѣ живутъ. Стало быть: виною всему газеты Русскія*).

Дѣло ясно: правительство, или точнѣе, вѣдомство уполномоченное отмѣривать Русскому обществу паѣкъ свободы на умственное его продовольствіе, желаетъ избавиться отъ нашихъ медвѣжьихъ услугъ. Мы мѣшасмъ ему. Безъ насъ, побесѣдовавъ наединѣ съ Балтійскою интеллигенціею, какъ слѣдуетъ, по Нѣмецки, оно гораздо скорѣе стоворилось бы съ нею и порѣшило бы всѣ вопросы къ обоюдному

*) Такъ понята была статья Северн. Почты во всей Германіи, да и нельзя было понять ее иначе.

удовольствію; потомъ, по подписаніи мировой, можнобы было объявить намъ, въ общихъ выраженіяхъ, объ этомъ счастливомъ событіи, и намъ оставалосьбы только благодарить и славить. Кажется, я понялъ вѣрно?

Отказаться отъ роли непрощенныхъ наблюдателей и убраться по добру по здорову пока насъ окончательно не вытолкали, былобы конечно сообразно съ Русскою лѣнью и даже, въ пѣкоторомъ отношеніи, благоразумно; сомнительно только, чтобы дѣла отъ этого дѣйствительно попли лучше. Я даже позволяю себѣ думать противное и объясню почему.

Еслибы шла рѣчь о заграничномъ займѣ или о заключеніи договора съ иностранною державою, всякій бы по-нялъ необходимость тайны и вредъ огласки. Но дѣла, къ которымъ Сѣверная Почта совѣтуетъ намъ не *обращаться*, вовсе не такого свойства. Въ Балтійскомъ краѣ, прежде всего, предстоитъ выяснитъ понятіе объ отношеніи одной части государства къ цѣлому государству и про-вести въ жизнь практическіе выводы изъ этого понятія. Иными словами: нужно, чтобы три губерніи, въ настоящее время разобщенныя съ Россією *и стремящіяся къ еще большему разобщенію съ нею* (и это докажу въ своемъ мѣстѣ) убѣдились наконецъ, что онѣ составляютъ не передовое укрѣпленіе Германіи, какъ онѣ охотно себя величаютъ, а западную, приморскую окраину Россіи, и потому призналибы себя всецѣло, безоговорочно и навсегда связанными въ настоящемъ и въ будущемъ съ судьбою послѣдней. Что ни Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, ни какія либо иныя власти не должны бы имѣть другой цѣли*);

*) Говорю: не *должны* имѣть и думаю, что *не имѣютъ*, но въ Балтійскихъ губерніяхъ думаютъ иначе. Г. фонъ Беккъ, вице-президентъ Аландскаго Говгерихта, повѣствуя между прочимъ слѣдующее, ссылался на свидѣтельство очевидца, притомъ одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ центральной комиссіи для судебной реформы. На одномъ изъ засѣданій

тому непрерываемымъ свидѣтельствомъ служить знаменательныя слова педавно произнесенныя самимъ Государемъ Императоромъ въ г. Ригѣ. Въ изисканіи и примѣненіи законодательныхъ и административныхъ мѣръ къ ея достиженію, правительство свободно; ничье мнѣніе его не связываетъ; но для успѣха, нужно одно, существенное условіе, важность котораго вполнѣ можетъ быть оцѣнена нами именпо теперь, съ тѣхъ поръ какъ мы лишились его въ сѣверозападномъ краѣ. Нужно, чтобъ мѣстная интеллигенція убѣдилась окончательно въ томъ, что дѣйствія власти исходятъ не изъ случайнаго расположенія или возрѣнія того или другаго лица, хотябы и самаго Самодержца, а отвѣчаютъ на потребности *сознанныя* всею землею, и что поэтому, въ будущемъ, не мыслимо повтореніе такого перелома въ нашей внутренней политикѣ, какой произошелъ на другой день по кончинѣ Императрицы Екатерины II, когда ея преемникъ, однимъ взмахомъ, сбиль въярѣвавіе плоды долготѣнихъ ея насажденій.*) А

упомянутой комиссіи, бывший Генераль-Губернаторъ Графъ Шуваловъ выразилъ мысль, что введеніе суда присяжныхъ *было бы самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для оживленія Латышей*, такъ какъ уже *окончательно признано, что языкомъ судопроизводства долженъ быть и оставаться Нѣмецкій*. .. Я — продолжалъ Графъ Шуваловъ — *стою за введеніе присяжныхъ*, но, еслибы и былъ на мѣстѣ Государя, *который не хочетъ, чтобы сельское народонаселеніе нѣмѣлось*, то я исполнилъ бы желаніе дворянства и, не устанавливая присяжныхъ, не далъ бы Осетейскимъ провинціямъ могучаго орудія германизаціи“ (Livl. Veitn. V. I. Lief. III S. 20). Если это правда, то не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію, что Генераль Губернаторъ себя призваннымъ учить Нѣмцевъ какъ лучше нѣмѣнчить Латышей (точно они нуждаются въ этой наукѣ) въ противность известной ему волѣ Государя; а если ученый юрисконсультъ, призванный правительствомъ на съѣздъ въ качествѣ дѣлѣ судебной реформы, или его пріятель, вице-президентъ Гергерихта, прилагаетъ, то пусть эта новая клевета прицѣпится къ длинному списку всякаго рода напраслилъ пущенныхъ въ ходъ тѣмъ же публицистомъ, и пусть то лице, котораго на сей разъ клевета коснулась, испытаетъ на себѣ общую участь всѣхъ Русскихъ дѣятелей въ Балтійскомъ краѣ, большихъ и малыхъ.

*) Такого же рода переломъ, разумѣется въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, совершился въ 1847 году, при назначеніи въ Ригу Князя Суворова.

можетъ ли установиться такое убѣжденіе и есть ли какое нибудь основаніе ожидать добровольнаго отреченія отъ надеждъ, къ сожалѣнію находящихъ себѣ въ прошедшемъ полное оправданіе, если, съ той точки зрѣнія, на которой упорно держится интеллигенція окраины, она не будетъ ни видѣть, ни слышать Русскаго общества, стоящаго за спиною правительства и поддерживающаго своимъ сочувствіемъ дѣйствія власти? Для уясненія моей мысли, я приведу прамѣръ. Въ Балтійскомъ краѣ издавна распущенъ и тщательно поддерживается слухъ, будтобы Государь Императоръ, будучи еще Наслѣдникомъ престола, сказалъ когда то, что „въ его царствованіе конечно не останется въ Остзейскихъ губерніяхъ ни одного Православнаго Епископа.“ Я знаю, что это мнѣ, подобный многимъ другимъ, избобрѣаемымъ Нѣмцами агитаторами съ цѣлью смущать народъ; не менѣ того, не далѣе какъ въ прошломъ году, авторъ брошюры изданной въ Берлинѣ смель не лишнимъ напомнить печатно объ этомъ мнимомъ обѣщаніи.*) Мудрено ли, что пока подобныя слухи бродятъ въ краѣ и находятъ вѣру, правительственныя распоряженія по отводу мѣстъ для постройки церквей и помѣщенія Православныхъ школъ встрѣчаютъ упорное недовѣріе, парализуются систематическимъ противодѣйствіемъ, и приводятъ къ результатамъ, въ которыхъ стыдно признаться? И это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока всѣ тѣ кому подобаетъ объ этомъ знать не услышатъ и не убѣдятся, что церковная хоругвь, выдруженная на Балтійскомъ поморіи, охраняется не только волею Самодержца, но еще и другою силою, имъ же вызванною, имъ воспитанною и ему преданною — я разумѣю общественное мнѣніе Православной Россіи. Дѣятель одаренный нѣкоторою долею политическаго такта, увидать бы въ

*) Livl. Beitr. B. 1. Lief. 1. S. 88.

содѣйствіи этой силы, не посягательство на свободу правительства и не помѣху, а подкрѣпленіе и оправданіе его дѣйствій; онъ не сталъ бы на нее коситься, даже если бы способъ ея выраженія былъ ему лично не сочувственъ; онъ понялъ бы, что именно въ Балтійскомъ краѣ, нужно, чтобы все мѣстное, интеллигентное общество, такъ сказать, перевоспиталось по отношенію къ Россіи, что для этого недостаточно законодательныхъ и полицейскихъ мѣръ и, что желанное сближеніе въ понятіяхъ и воззрѣніяхъ никогда не послѣдуетъ, пока Балтійское общество, съ одной стороны, Русское съ другой, будутъ стоять другъ противъ друга и безмолвствовать. Онъ не побоялся бы предоставить обѣимъ сторонамъ одинаковую, полную свободу сужденія и спора, со всѣми ея неизбежными увлеченіями и крайностями, хотябы наконецъ для того, чтобы домашніе вопросы и недоразумѣнія разрѣшались и улегались дома, не разжигая за предѣлами государства международныхъ страстей. Все это такъ очевидно, что противоположный образъ дѣйствія, эти старанія цензурной полиціи развести спорящихъ по угламъ, отнять у нашей журналистики охоту и возможность *обращаться* къ дѣламъ Балтійскаго края, спрятать ихъ отъ насъ и порѣшить ихъ за спиною Россіи, не только не укрѣпляютъ въ обществѣ довѣрія къ правительству, а производятъ обратное, прискорбное дѣйствіе.

Есть и другая причина мѣшающая намъ послѣдовать внушенію Сѣверной Почты и заставляющая насъ напрягать взоры, чтобы высмотрѣть правду сквозь напущенный туманъ, застилающій отъ насъ нашу Балтійскую окраину. Это свѣжее воспоминаніе о томъ, какъ мы, весьма недавно, едва было не проспали Польши съ сѣверозападнымъ краемъ. А, кажется, чего тамъ не было? Намѣтчики и Генераль-Губернаторы облеченные заслуженнымъ довѣріемъ власти; при нихъ: разнаго рода полиціи, самыя тайныя, просто

тайныя и явныя, тысячи глазъ и ушей, казенныя перья, казенныя деньги и ружья, словомъ: полный аппаратъ власти, вооруженной всеми атрибутами, и, въ добавокъ — невозмутимое безмолвіе Русскаго общества, никакого съ этой стороны нескромнаго любопытства, никакого подобія политической прессы. И чтоже? Эта всевидящая, всюду проникающая власть ручалась за спокойствіе края, въ то время какъ заговоръ копался подъ ея ногами; она скрѣпляла своими завѣреніями и пересылала въ Петербургъ вѣрнопопданническіе адреса мѣстныхъ сословій, въ то время какъ эти сословія смыкались въ мятежническую организацію, припасали оружіе и обмѣнивались сигналами съ своими заграничными пожаками. Принимая за признакъ благонамѣреннаго консерватизма ревность, съ которою ся чиновники высматривали не гнѣздится ли гдѣ нибудь въ деревняхъ зловреднаго коммунизма, любуясь азартомъ, съ которымъ дворянскіе предводители накидывались на крестьянъ *якобы бунтовавшихъ*, то есть вызывавшихъ къ правительству о защитѣ и помощи, она, эта всевѣдущая власть, распиналась за вѣрность своихъ сослуживцевъ и отвергала съ негодованіемъ всякое сомнѣніе въ ихъ политической благонадежности; а между тѣмъ, эти предводители систематически портили народъ, соблазняя его обѣщаніями и страшая его грозною Русскою военной силы; эти чиновники по особымъ порученіямъ обѣзжали край съ казенными подорожными для формировація будущихъ шаекъ, а секретари передавали конфиденціальныя бумаги организаторамъ возстанія. Поплатившись такъ дорого за это ослѣпленіе, не пора ли наконецъ уразумѣть, что оно происходило не отъ случайныхъ причинъ, *а отъ свойства зрительнаго органа власти*, отъ котораго, по особенностямъ его конструктора, цѣлые порядки явленій ускользаютъ очень часто и очень легко, по крайней мѣрѣ гораздо чаще и легче чѣмъ отъ цѣлаго общества?....

Я однако чуть не забылъ, что намъ запрещено напоминать, по поводу Прибалтійскихъ Губерній, о западномъ краѣ и что такое сопоставленіе объявлено Сѣверною Почтою *произвольнымъ и оскорбительнымъ*.*)

Такъ какъ я не хочу прибѣгать къ натяжкамъ а тѣмъ менѣе къ оскорбленіямъ, и всётаки не усматриваю причины отказаться отъ права сближать однородныя явленія для взаимнаго ихъ уясненія, то позволю себѣ, въ отвѣтъ на приговоръ газеты Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, высказать разъ навсегда въ чемъ, по моему мнѣнію, заключается сходство и въ чемъ разница.

Послѣ недавняго, горькаго опыта нашего въ Польшѣ и въ западномъ краѣ, мы безспорно значительно поуmnѣли. Мы на примѣръ знаемъ, что когда въ какомъ либо вѣдомствѣ или присутственномъ мѣстѣ начинаютъ группироваться чиновники съ фамиліями на *вичъ* или *ски*, то не мѣшаетъ смотрѣть въ оба, какъ бы Польская справа, разбитая на другихъ пунктахъ, не свила себѣ въ этомъ мѣстѣ новаго гнѣзда; мы намотали себѣ на усъ, что пѣнье возмутительныхъ гимновъ въ костелахъ служитъ признакомъ начинающагося броженія и предвѣщаетъ близкое появленіе процессій на улицахъ, а потомъ и вооруженныхъ шаякъ въ лѣсахъ. Все это очень вѣрно высмотрѣно; а такъ какъ ничего подобнаго въ Балтійскихъ губерніяхъ не видно, да и предполагать нельзя, то мы выводимъ отсюда, что между ними и западнымъ краемъ ничего нѣтъ общаго. Такое заключеніе, мнѣ кажется, не вполне основательно; оно доказываетъ, что въ нашей памяти отпечатлѣлся собственно только *мятежъ*, въ типическомъ образѣ шляхтича, съ закрученными усамъ и откидными рукавами, тогда какъ, про закулисныя пружины и общіе пріемы политической интриги, которыми иногда дѣйствительно

*) См. цитованную выше статью 5/21 Нояб. 1867.

подготавливаются революціонные взрывы, а иногда, совершенно иными средствами, втихомолку, без всякаго нарушенія благочинія, без выстрѣловъ, безъ набата и шитыхъ знаменъ, преобразуется духъ цѣлой страны — мы какъ будто ужъ начинаемъ забывать. При всемъ ихъ разнообразіи, эти приемы сводятся окончательно къ четыремъ главнымъ: пропагандѣ въ деревняхъ, пропагандѣ въ министерствахъ и столичныхъ гостиныхъ, подрыву личныхъ репутацій и наконецъ: журнальной агитаціи за границу. Обыкновенно, начинаютъ съ пропаганды въ деревняхъ. Цѣль ея: отвлечь отъ правительства и отъ господствующей народности довѣріе и сочувствіе массъ. Для этого не требуется ни особеннаго краснорѣчія, ни правдоподобія вымысловъ, ни убѣдительности доводовъ; дѣло сподручно всякому; но необходимо, чтобы за него брались многие, одновременно, на разныхъ пунктахъ, и долбили бы постоянно по одному мѣсту, пуская въ ходъ всякаго рода небыллицы приспособленныя къ понятіямъ простонародья, перетолковывая въ дурную сторону распоряженія власти, благоразумно умалчивая о дѣйствіяхъ ея явно благопріятныхъ для большинства, наконецъ — это самое эффектное средство — выискивая, даже создавая новоды обносить народъ передъ правительствомъ и наводить на деревни военныя экзекуціи, хотя бы замаскированныя простою переменною въ дислокаціи войскъ (какъ это теперь дѣлается въ Балтійскихъ Губерніяхъ). Этого рода пропаганда дѣйствуетъ конечно медленно, но вѣрно, и хороша тѣмъ, что высмотрѣть ее изъ Петербурга довольно трудно.

Второй приемъ, пропаганда въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, употребляется для предупрежденія или обезсиленія всякаго противодѣйствія со стороны мѣсть и лицъ, отъ которыхъ можно ожидать его, для устраненія серьезнаго обсужденія представляемыхъ проектовъ, для испрошенія разрѣшеній на всякаго рода ходатайства

екстралегальнымъ путемъ, вообще: для образованія въ центрѣ правительства какого нибудь, по возможности, изолированнаго и независимаго учрежденія (Статсъ-секретаріата или комитета) въ которомъ бы сосредоточивались всѣ дѣла известной области, и въ которомъ бы засѣдали, разумѣется, только люди безгласные или такіе какіе нужны. Рука объ руку идетъ пропаганда въ гостинныхъ. Здѣсь, на легкой; воспримчивой почвѣ, опытными руками разбираются сѣмена сомнѣній въ правотѣ самыхъ законныхъ требованій правительства и опорочиваются употребляемыя имъ средства. Запавшее сомнѣніе скоро порождаетъ ложный стыдъ, потомъ раскаяніе, а эти чувства располагаютъ къ уступкамъ въ видахъ искупленія мнимыхъ несправедливостей.

Третій пріемъ служитъ для раздѣлки съ лицами, въ какомъ бы то ни было отношеніи, опасными для интриги, и которыхъ нельзя ни провести, ни подкупить, ни застрашать. Въ этихъ случаяхъ, почти всегда удается голословное заподозриваніе въ радикальности убѣжденій, въ политической неблагонадежности, въ возмутительныхъ замыслахъ, словомъ — доносъ.

Въ довершеніе, подогрѣвается заграничная журналистика, которая переноситъ домашнее дѣло въ область между-народныхъ вопросовъ и ставитъ мѣстную интригу подъ защиту общественнаго мнѣнія разжалобленной Европы.

Пусть теперь придумаютъ для этой тактики какое хотять названіе, хоть самое мягкое. Пусть это будетъ не агитация, не интрига, а пожалуй „естественная заботливость объ охраненіи мѣстныхъ, временно освященныхъ особенностей“ (какъ выражается обыкновенно Сѣверная Почта) — я спорить не буду; но позволю себѣ сказать, что тотъ лишь кто слѣпы, или нарочно закрываетъ глаза, можетъ не узнать въ очерченныхъ пріемахъ стратегическаго плана

издавна усвоеннаго Балтійскою интеллигенціею и приводимаго ею въ исполненіе съ полнымъ усѣхомъ.

Попробуйте сблизиться съ простымъ Латышемъ настолько, чтобъ онъ отложилъ свою подозрительность; постарайтесь заставить его разговариваться, разумеется не въ присутствіи Орднунгсъ-рихтера, а въ избѣ, корчмѣ или на охотѣ, и вы услышите о Русскомъ правительствѣ, о Россіи, о Православной вѣрѣ, курьезы такого же точно свойства и тойже фабрикаціи, какими наполняются столбцы мелкихъ и дешевыхъ газетъ закупленныхъ Поляками. Вы спросите: „отъ кого научился ты всей этой мудрости?“ и получите въ отвѣтъ: „право не умѣю сказать — всё говорятъ: пасторъ, кистеръ, форминдеръ, управляющій, арендаторъ, лѣсничій, малоли кто! Даже въ нашихъ Латышскихъ газетахъ пишутъ“ — „И ты всему этому вѣришь?“ — „Да какъ сказать! Не то чтобы твердо вѣрилъ, можетъ и привираютъ; а все побавляюсь вашихъ. У васъ вѣдь всё казаки, такіе вотъ какихъ нагоняютъ лушить нашего брата нагайками . . . Царь вангъ (всегда *вангъ* или *Русскій*) добрый — это мы слышали, да гдѣ ему узнать про насъ? Не доберешься до него; наши вотъ много разъ пробовали, всё какъ то не удавалось“ и т. д. — Я говорю это не по догадкѣ, а на основаніи наблюденій, свѣдѣній и свидѣтельствъ самыхъ достовѣрныхъ, изъ разныхъ источниковъ, говорю съ полнымъ убѣжденіемъ. Изъ пасторатовъ и помѣщичьихъ усадебъ, черезъ посредство прикащиковъ, писарей, кистеровъ, школьныхъ учителей и всякаго рода церковныхъ и мызныхъ служителей, черезъ Латышскія газеты издаваемые Лютеранскимъ духовенствомъ, особенно же черезъ онѣмѣченныхъ Латышей и Эгговъ,*) идетъ по всему краю антирусская пропаганда, начавшаяся давно

*) Такіе теперь ужъ попадаются. Это послѣдній продуктъ Нѣмецкой фабрикаціи, самое надежное орудіе для угнетенія массъ.

и значительно усилившаяся съ 1845 года. Цѣль ея: потрясти въ массахъ ихъ сочувствія и надежды обращенныя къ правительству и къ Россіи.*) Она работаетъ безъ усталы, не пренебрегая ничѣмъ и, своими комментаріями, сопровождающими каждое слово и дѣйствіе власти, придаетъ имъ такое значеніе, какого конечно въ Петербургѣ никто и не подозрѣваетъ. Близко незнакомому съ процессомъ образованія народныхъ понятій, доказать это довольно трудно; ибо каждый фактъ, который бы я могъ привести, взятый отдѣльно, непременно долженъ показаться случайнымъ и ничтожнымъ; значеніе и силу онъ приобретаетъ только въ массѣ другихъ фактовъ совершенно однородныхъ и безпрестанно повторяющихся. Поэтому, не общая того чего дать нельзя, то есть полнаго доказательства, я представлю нѣсколько случаевъ, за достовѣрность которыхъ могу поручиться, въ видѣ примѣровъ взятыхъ на удачу, прося читателя мысленно помножить каждый изъ нихъ на сотни тысячъ. По поводу недоразумѣній возникшихъ въ Рижской епархіи относительно примѣненія Высочайшаго повелѣнія, которымъ отмѣнены были предбрачныя обязательства о крещеніи въ Православной вѣрѣ дѣтей рождающихся отъ смѣшанныхъ браковъ, состоялось другое Высочайшее повелѣніе такого содержанія: „чтобы при заключеніи браковъ (между Православными и Лютеранами) не возбуждалось произвольныхъ и неправильныхъ затрудненій посредствомъ требованія предварительнаго исполненія или соблюденія такихъ условий, исполненіе или соблюденіе которыхъ не требуется или доселѣ, мѣстнымъ духовенствомъ (Православнымъ), не требовалось.“ Это значило, чтобы наши священники не вмѣняли въ непременную обязанность Православнымъ (жениху или невѣстѣ) быть у исповѣди и у Св. При-

*) Подробнѣйшія свѣдѣнія читатели найдутъ во второмъ выпускѣ, въ запискахъ Латыша.

частія до сочетанія бракомъ, и не вызывали бы ихъ къ себѣ для увѣщанія. Между тѣмъ, въ Лютеранской церкви, по заведенному порядку, не бывшихъ на конфирмаціи не вѣнчаютъ и пасторы никогда не упустили вызывать къ себѣ своихъ прихожанъ заявлявшихъ желаніе вступить въ бракъ съ Православными, для увѣщанія и отклоненія ихъ отъ такихъ браковъ. Все это такъ естественно, что еслибъ даже вздумали запретить это, то запрещеніе осталось бы мертвою буквою. Приведенное Высочайшее повелѣніе относилось исключительно до Православнаго духовенства; но Лютеранское, по домогательствамъ котораго оно было испрошено, поспѣшило огласить его по всѣмъ приходамъ, съ присовокупленіемъ къ нему комментарий въ родѣ слѣдующаго: „вы видите, что *Русскій* царь гораздо благосклоннѣе расположенъ къ намъ чѣмъ къ *Русскимъ* понамъ, и ближе принимаетъ къ сердцу интересы нашей вѣры чѣмъ *Русской*. Понамъ, онъ строго запрещаетъ удерживать своихъ отъ браковъ съ нашими, а намъ не мѣшаетъ оберегать своихъ отъ браковъ съ *Русскими*.“ Въ Петербургѣ скажутъ, что это нелѣзно и улыбнутся; но вѣдь и распространяется этотъ толкъ не въ Петербургѣ, а въ Лифляндскихъ деревняхъ. Повѣрьте: пасторы хорошо знаютъ съ кѣмъ они имѣютъ тамъ дѣло. Латышъ ребѣнокъ, у котораго все еще первый вопросъ на умѣ: что думаетъ *Царь*, какъ *онъ* смотритъ на дѣло, что *онъ* скажетъ и чего *онъ* желаетъ? Со временемъ, очень можетъ быть, что ожиданія Латышей обратятся въ иную сторону, и что они научатся интересоваться въ тойже степеніи какимъ нибудь другимъ лицомъ, хоть бы на примѣръ Королемъ Прусскимъ*); но пока, имъ все еще смер-

*) Въ сороковыхъ годахъ, въ Царствѣ Польскомъ, одна деревня, въ продолженіи многихъ лѣтъ, подавала жалобы на своего помещика и на мѣстныхъ чиновниковъ губернатору, фельдмаршалу, самому Государю. Наконецъ, не получая удовлетворенія, и видя, что всѣ просьбы возвращаются

тельно хочется проникнуть въ мысли Русскаго Царя, а истолкователи его мыслей и его желаній — пасторы и помѣщики.

Вотъ другой примѣръ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проѣзжая черезъ Ливляндію, Государь Императоръ былъ на охотѣ и ночевалъ, кажется, въ лѣсу. Мѣстные дворяне приготовили для него павильонъ и испросили позволенія, въ продолженіи ночи, поочередно, стоять на караулѣ съ ружьями у дверей спальни (я ручаюсь за достовѣрность не факта, а слуха ходившаго по всему краю). Что могло быть благонамѣреніе и чтобы догадался, что это была своего рода политическая манифестація направленная противъ крестьянъ? А вотъ что было распущено на другой день въ пародѣ и что обошло окрестность: Русскій царь не довѣряетъ Латышамъ и потому призвалъ къ себѣ на ночь дворянскую стражу. Кому извѣстна натянутость отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ Балтійскомъ краѣ, кто знаетъ, что искусственный порядокъ вещей въ тамошнихъ селахъ поддерживается коѣкакъ только потому, что простой народъ все еще ожидаетъ дѣйствительнаго улучшенія въ своемъ быту именно отъ Русскаго Царя и только отъ него, тотъ пойметъ какое впечатлѣніе на массу долженъ былъ произвести этотъ распущенный слухъ. Но, разумѣется, о такихъ мелочахъ Ордунгсъ-рихтеры (мѣстные помѣщики) не доносятъ, и Губернаторы (тоже мѣстные помѣщики) посовѣстились бы утруждать въ своихъ отчетахъ Высочайшее вниманіе подобными брѣднями грубой черни. А между тѣмъ, брѣдня, мало по малу, дѣлаютъ свое дѣло; капля за каплею, падая въ одно мѣсто, пробииваетъ камень; когда нибудь онъ намъ понадобится, этотъ

окончательно къ тѣмъ же темнымъ войтамъ и чиновникамъ, крестьяне, съ отчаяніемъ, обратились къ Прусскому Королю. Это было официально дозвано. Такой же случай былъ и въ Вольнской Губерніи; но тамошніе крестьяне обратились къ Австрійскому Императору, должно быть по софдетву.

камень, его же небрегоша зиждущіе, и только тогда мы замѣтимъ, къ не малому своему изумленію, что онъ треснулъ во всю длину. — Вотъ еще фактъ, въ другомъ родѣ, изъ самыхъ мелкихъ. Одинъ пасторъ недавно *прослушивалъ**) мальчиковъ обучающихся грамотѣ и велѣлъ имъ принести съ собою тетрадки, чтобы судить о ихъ почеркѣ. Въ числѣ другихъ, явился девятнадцатилѣтній юноша, который учился у Православнаго священника и писалъ по Русски. Пасторъ всѣми остался доволенъ, но когда ему была подана Русская тетрадка, онъ вышелъ изъ себя, бросилъ ее на полъ, а ученика вытолкалъ въ шею. Скажутъ, что объ этомъ и подавно не стоило бы говорить. Въ самомъ дѣлѣ: велика бѣда! Если и вытолкалъ, такъ вѣроятно потому, что ученикъ нагрубилъ экзаминатору, или, можетъ быть, послѣднему не понравилась небрежность почерка. Вѣдь нельзя же доказать, что онъ остался доволенъ именно Русскимъ пошибомъ? — Все это можетъ быть и я даже убѣжденъ, что еслибы дѣло было изслѣдовано Орднунгсъ-рихтеромъ или совѣтникомъ Лютеранской консисторіи, то непременно оказалось бы, что кругомъ виноватъ ученикъ и что, для сгоже пользы, нужно, чтобъ онъ учился письму не у Православнаго священника а у школьмейстера; но повторяю: вся сила въ томъ, что такихъ *случаевъ*, ничтожныхъ и ничего не доказывающихъ, можно бы насчитать сотни и тысячи. Каждый изъ нихъ взятый порознь почти неуловимъ, а если вы захотите составить себѣ понятіе о значеніи многихъ такихъ случаевъ въ совокупности, то вамъ поможетъ Лифляндскій корреспондентъ Г. фонъ-Бокка, заявляющій между прочимъ слѣдующее: „довольно знаменательно, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, крестьяне у насъ точно помѣшались на Русскомъ языкѣ, т. е. непременно хотѣли

*) Мѣстный терминъ, значить: экзаменоватъ передъ конфирмаціею.

учиться по Русски (правительство и Русское общество конечно объ этомъ ничего не знали, да и не хотѣли знать). Въ то время, мы должны были уступить этому стремленію и, въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ приходскихъ школъ, ввели Русскій языкъ въ число предметовъ обученія. Но видно, что потребность была однако не очень сильна, потому — что народъ этимъ удовольствовался и теперь никто уже не спрашиваетъ учителя дѣти по Русски и какъ учатся. Совсѣмъ не то съ языкомъ Нѣмецкимъ! Черезъ нашу приходскую школу прошло 187 учениковъ; всѣ они очень изрядно говорятъ по Нѣмецки и, теперь, начинаютъ ощущать потребность въ женахъ также по Нѣмецкій ладъ образованныхъ (*deutsch gebildeten Frauen*) Теперь, сами крестьяне просятъ объ открытіи Нѣмецкой школы для дѣвочекъ. Въ нашемъ приходѣ насчитывается уже 28 хозяевъ образованныхъ въ Нѣмецкомъ духѣ и они теперь прискиваютъ себѣ женъ къ нимъ подходящихъ. Другая община тоже изъявила желаніе, чтобы въ ея школъ введено было обученіе Нѣмецкому языку . . . Все это очень знаменательно, особенно въ настоящее время, когда насъ хотятъ осчастливить сверху *православнымъ* языкомъ (*mit der orthodoxen Sprache*) — наша (Нѣмецкая) школа процвѣтаетъ; согласитесь, что это настоящій шагъ впередъ, *притомъ шагъ на пути къ Германизму*. . . . Надобно прибавить, что съ другой стороны, крестьяне вразумляются отгалкивающимъ видомъ Русскихъ школъ (*das abschreckende Bild der Russischen Schule*) . . . Въ послѣднее время, предусмотрительные люди сочли за нужное кобчто сообщить наиболѣе развитымъ крестьянамъ о попользовеніяхъ русифицировать край;* но, узнавъ что отъ нихъ ожидаютъ, крестьяне презрительно улыбулись.**)

*) Легко можно себѣ представить *что* сообщалось и въ *какомъ видѣ* сообщалось!

**) Livl. Beitr. В. II Lief. 11 S. 70, 71.

Итакъ, фактъ заявленъ и на свидѣтельство торжествующаго очевидца, кажется, можно положиться: еще недавно крестьяне настоятельно требовали, чтобъ ихъ учили по Русски; теперь, они совершенно охладѣли къ Русскому языку и стараются преобразиться въ Пѣмцевъ. Это значить, что прежде они тянули къ Россіи, а теперь тянутъ къ Германіи. Въ какихъ нибудь двадцать лѣтъ, совершился въ ихъ настроеніи рѣшительный переворотъ. Спрашивается: сдѣлалось ли это случайно, такъ, само собою, безъ чьего либо старанія, или эта пѣшь громко заявляемая побѣда мѣстнаго Германизма надъ Россією была плодомъ той неувимой пропаганды, о которой ничего не знали и не знаютъ наши Генераль-губернаторы?

Я упомянулъ о систематической клеветѣ на народъ и о военныхъ эксекуціяхъ, какъ о средствѣ застраиванія крестьянъ грозою Русской власти: знаю напередъ, что мнѣ не повѣрятъ, а скажутъ, что это клевета; но не угодно ли сперва прочесть со вниманіемъ слѣдующія двѣ бумаги списанные мною съ подлинниковъ.

Въ 1848 году, отъ 28 Мая, за № 2603, Остляндскій Губернаторъ (тамошній матрикулированный дворянинъ) по объѣздѣ двухъ уѣздовъ, писалъ Генераль-губернатору Князю Суворову*) „ich erachte mich für ver-

*) Считаю себя обязаннымъ довести до свѣдѣнія Вашей Свѣтлости, что я нашелъ въ окрестностяхъ Гапсала крестьянъ въ *замытно дурномъ расположеніи*. А именно: Пашлепскіе крестьяне — тѣ самые, у которыхъ происходило столкновение съ карауломъ въ Гапсалѣ — оказались виновными въ нѣсколькихъ *неаживилъ* слушаніяхъ (противъ кого?). Выборные отъ другой общины *жаловались на тягость лежащей на нихъ податной недоимки* и говорили о невозможности очистить ее при томъ *скудномъ количествѣ земли*, которымъ они пользуется, хотя, не далѣе какъ за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, они заключили *добровольные контракты* (мы знаемъ, что значить добровольный контрактъ съ неграмотными крестьянами не имѣющими закономъ опредѣленнаго права на землю!) каковыми контрактами приняли на себя укладъ подушныхъ. Третья община жаловалась на *притѣсненіе съ требованіемъ усиленныхъ работъ* и происходившій при этомъ *противозаконный наказаній*, тогда какъ, съ другой стороны, управляющій имѣніемъ, *онъ же*

pflichtet, Ew. Durchlaucht zugleich zu berichten, dass ich in der Hapsalschen Gegend eine sehr merkliche Verstimmung der Bauern gefunden habe. Namentlich hatten die Bauern von Paschlep — eben dieselben, welche den Conflict mit der Wache in Hapsal gehabt haben — sich wiederholentlich kleiner Ungehorsamsfälle schuldig gemacht. Die Deputirten einer anderen Gemeinde beschwerten sich über ihre grosse Kopfsteuer-Restanz und sprachen von der Unmöglichkeit, dieselbe bei den beschränkten, von ihnen besessenen Ländereien zu entrichten, obwohl sie erst vor wenigen Jahren freiwillig Contracte mit der Uebnahme der Kopfsteuer abgeschlossen hatten. Eine dritte beschwerte sich über Bedrückung durch erschwerte Arbeit und widerrechtliche, bei dieser Gelegenheit vorgekommene Bestrafungen, während der Verwalter dieses Gutes, welcher Arrendator ist, seinerseits über mangelhafte Leistungen und Ungehorsam geklagt hatte. Ich habe allen diesen Sachen den gesetzlichen Gang angewiesen, und wenn sie auch eine befriedigende Erledigung erhalten sollten, so scheint mir dennoch die Anwesenheit von Truppen nothwendig, um sogleich dem leisesten Ausbruch von Excessen auf wirksame Weise entgegenzutreten zu können. Ich wage deshalb meine bereits mündlich ausgesprochene Bitte Ew. Durchlaucht zu wiederholen, dass baldmöglichst wenigstens ein Linienregiment

и арендаторъ (и вѣроятно орудующій, по передачѣ отъ помѣщика, вотчинною, патримоніальною юрисдикціою?) жаловался на несправности въ работахъ и ослушанія. Всѣмъ этимъ дѣламъ я далъ законный ходъ, но, хотя бы они даже получили удовлетворительное разрѣшеніе, я всё таки нахожу присутствіе войскъ необходимымъ, дабы немедленно, самымъ рѣшительнымъ образомъ, сдержать малѣйшее обнаруженіе беспорядковъ. Потому, осмѣливаюсь повторить Вашей Свѣтлости мою, передъ этимъ словесно выраженную просьбу о скорѣйшемъ командированіи въ Эслянд. Губернію по крайней мѣрѣ одного линейнаго полка въ мое распоряженіе, для размѣненія его по тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ, по настроенію крестьянъ, это окажется нужнымъ.

ins Esthländische Gouvernement abcommandirt und nach meiner Anordnung in diejenigen Theile desselben hinverlegt werden könnte, wo es, wegen der Stimmung der Bauern, eben erforderlich wäre.“

На это отношеніе послѣдовалъ отъ Князя Суворова слѣдующій отвѣтъ отъ 8го Іюня за № 2952: М. Г. И. Е. отъ 28 минувшаго Мая за № 2603 В. Пр. по совершениі объѣзда части вѣренной Вамъ губерніи, изволили сообщить мнѣ, что Вами замѣченъ между крестьянами Гапсальскаго Уѣзда нѣкоторый духъ неудовольствія и *строптивости* и, посему, просили объ исходатайствованіи расположенія въ Эстляндіи одного полка, въ видѣ мѣры предосторожности отъ какихъ либо могущихъ возникнуть безпокойствъ — Имѣя въ виду полученное мною нынѣ Высочайшее Государя Императора повелѣніе, воспрещающее дѣлать какую либо перемѣну въ дислокаціи войскъ резервной дивизіи 1го пѣхотнаго корпуса, имѣющаго пребыть въ Лиф. и Курл. Губерніи, и изъ числа коихъ единственно можно было бы командировать, по желанію Вашему, одинъ полкъ во вѣренную Вамъ Губернію, я не нахожу возможнымъ входить въ настоящее время съ официальнымъ ходатайствомъ о семъ, тѣмъ болѣе, что я вполне увѣренъ, что подобное ходатайство, при однихъ лишь неопредѣлительныхъ опасеніяхъ, *моглобы произвести въ теперешнихъ обстоятельствахъ невыгодное на высшее правительстве вѣщаніе на счетъ благоустройства самаго края и существующаго въ ономъ спокойствія*. Объ имѣнн же подъ рукою войскъ, въ случаѣ усмотрѣнія мною какой либо въ этомъ дѣйствительной потребности, я, вмѣстѣ съ симъ, *отнесся партикулярнымъ образомъ къ Г. Генералъ-квартирмейстру* (кажется Графу Бергу?). Перехода за тѣмъ къ мѣрамъ для прекращенія какихъ либо могущихъ возникнуть частныхъ неустройствъ, я убѣжденъ, что В. П. согласитесь со мною, что на первое время, и пока не будетъ

въ виду особаго повода къ близкимъ опасеніямъ, мѣстные способы въ распоряженіи Вашемъ находящіяся, оказываются вполнѣ достаточными. А посему, я полагаю бы, въ случаѣ крайней необходимости и совершенной недостаточности мѣстныхъ полицейскихъ средствъ, посылать на мѣста гдѣ болѣе всего опасаться можно нарушенія порядка со стороны крестьянъ, въ достаточномъ по усмотрѣнію Вашему числѣ, *воинскихъ чиновъ отъ Ревельской команды внутренняго гарнизоннаго баталіона или отъ инвалидныхъ командъ въ губерніи расположенныхъ.*“

Итакъ, въ одной деревнѣ, неважныя ослушанія, противъ кого — неизвѣстно; въ другой: заявленіе о тяжести подушной недоимки и о недостаткѣ въ землѣ, въ третьей: жалобы на обремененіе работами и противозаконныя наказанія. Эти *три* случая происходили въ *двухъ* уѣздахъ. Ни одинъ изъ нихъ еще не разслѣдованъ и потому неизвѣстно дѣло ли говорятъ крестьяне или нѣтъ? Но они *жиловались*, слѣдовательно намѣреваются бунтовать; слѣдовательно: надобно ихъ наказать, двинувъ на губернію и размѣстивъ въ ней, по крайней мѣрѣ, одинъ полкъ. Такое натравливаніе Русской вооруженной силы на народъ, обращающійся къ правительству за помощью, не только не возбуждаетъ въ Генераль-губернаторѣ ни негодованія ни изумленія, а напротивъ представляется ему на столько естественнымъ и основательнымъ, что побуждаетъ его войти въ сношеніе съ Генераль-квартирмейстромъ; но онъ дѣластъ это *партикулярно*, безъ огласки, и не исполняетъ ходатайства Губернатора собственно потому, что высшее правительство получило бы невыгодное понятіе о благоустройствѣ края, то есть: догадалось бы, можетъ быть, что крестьяне бѣдствуютъ (какъ это и обнаружилось нѣсколько лѣтъ спустя). Такъ разсуждали и дѣйствовали не агенты помѣстнаго дворянства, не стряпчие провинціальной интриги, а мѣстные представители государствен-

наго начала, начальник губернии и Генераль-губернаторъ*). И это была не случайность, а административная традиция, издавна укоренившаяся въ краѣ, особенно въ сороковых годахъ, при Баронѣ Шаленѣ (творцѣ знаменитаго крестьянскаго побоища въ Беверсгофѣ) и против которой принималъ строгія мѣры предшественникъ Князя Суворова генераль Головинъ, *der berühmte Golovin*, какъ называютъ его Балтійскіе публицисты. Дѣйствительно, у него, въ этомъ отношеніи, были оригинальныя понятія; онъ, на примѣръ, никакъ не допускалъ, чтобъ изобрѣтеніе небывалыхъ бунтовъ входило въ атрибуты полиціи

*) Мнѣ уже не разъ приходилось и придется часто въ послѣдствіи упоминать о Князѣ Суворовѣ, котораго продолжительное управленіе, такъ сказать, дало тонъ нашей мѣстной администраціи въ Прибалтійскихъ Губерніяхъ; поэтому я позволю себѣ сказать два слова въ объясненіе обстоятельства касающагося моихъ къ нему отношеній. До меня не разъ доходилъ слухъ, будтобы, найдя меня въ Ригѣ, онъ *принялъ меня какъ сына*, и будто бы я отплатилъ ему за его благосклонность черною неблагодарностью, то есть систематическимъ порицаніемъ его дѣйствій. Такъ какъ это неправда, то само собою разумѣется, что самъ Князь Суворовъ этого сказать не могъ; но такъ какъ слухъ идетъ отъ людей съ нимъ знакомыхъ и ссылающихся на него, то настоящимъ опроверженіемъ, и не только сниму съ себя незаслуженное обвиненіе, но и устраню всякій поводъ приписывать его Князю. Онъ засталъ меня въ Ригѣ прикомандированнымъ, по распоряженію тогдашняго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, при которомъ я служилъ, къ комиссіи ревизовавшей городское управленіе; я имѣлъ честь представиться ему вмѣстѣ съ членами этой комиссіи; потомъ, по приглашенію Князя, обѣдалъ у него одинъ разъ, вмѣстѣ съ бывшимъ при немъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, П. А. Волуевымъ. Никакихъ другихъ сношеній между нами не было; никогда никакихъ порученій Князь Суворовъ мнѣ не давалъ, ни о какихъ дѣлахъ меня не спрашивалъ, никакихъ дѣлъ мнѣ не сообщалъ. Административная, официальная его дѣятельность въ Ригѣ принадлежитъ исторіи; я считаю себя въ правѣ относиться къ ней также свободно, какъ относится, на примѣръ, издатель Лифляндскихъ владѣній къ управленію Ген. Головина, Гр. Перевскаго, Гр. Протасова и Гр. Шувалова, съ тою однако разницею, что я никогда не позволяю себѣ ни оскорбительныхъ эпитетовъ, ни заподозриваній намѣреній. Затѣмъ, будучи убежденъ въ томъ, что управленіе Князя Суворова принесло Россіи неопредѣлимый вредъ, я этого не скрываю, повторяю теперь и постараюсь доказать фактами документально засвидѣтельствованными и бумагами имъ самимъ подписанными.

и до конца оставался того мнѣнія, что Русская армія существуетъ вовсе не для возбужденія въ крестьянахъ ненависти къ Русскому имени. За то недолго онъ и держался на мѣстѣ.

Нѣтъ! чтобъ ни говорила (Уверная Почта, а перелистывая бумаги, изъ которыхъ я привожу эти выписки, мнѣ кажется, что я читаю отрывокъ изъ исторіи нашей администраціи въ сѣверозападномъ краѣ, до ся отрезвленія и прозрѣнія, то есть передъ началомъ мятежа. И тамъ и здѣсь разигрывается, какъ бы по нотамъ, одна и таже твердо затверженная партитура.

Въ сферѣ высшаго управленія, въ Петербургѣ, результаты достигнутые Балтійскою тактикою еще осязательнѣе. Достаточно указать на Комитетъ по дѣламъ Остзейскимъ, въ теперешнемъ его составѣ и при теперешнемъ, установившемся въ немъ порядкѣ производства законодательныхъ дѣлъ. Этотъ Комитетъ составляетъ какъ бы маленькое укрѣпленіе *in partibus Russorum*, выстроенное въ самомъ центрѣ высшаго правительства, и въ стѣнахъ котораго Балтійская интеллигенція нашла себѣ неприступный операціонный базисъ и вѣрное убѣжище отъ всякихъ нападеній извнѣ. Услуги, въ этомъ отношеніи оказанныя ей Остзейскимъ Комитетомъ (дѣйствующимъ иногда въ расширенномъ, а иногда въ сокращенномъ составѣ) до сихъ поръ еще не были оцѣнены по достоинству. Благодаря ему, для законодательныхъ дѣлъ Балтійскаго края установился какой то совершенно особенный, домашній порядокъ производства и разрѣшенія. Этимъ только обстоятельствомъ и можно объяснить себѣ, что удалось, на примѣръ, не то что отмѣнить, а такъ сказать заклеймить въ сводѣ законовъ капитальную статью о смѣшанныхъ бракахъ, не только безъ участія, но даже безъ вѣдома того высшаго учрежденія, до котораго дѣло прямо касалось, или, что цѣлыя уложенія о крестьянахъ, минуя Госу-

дарственный Совѣтъ, восходили на Высочайшее утверждение и вводились въ дѣйствіе *ex viâ опыта*, на срокъ болѣе или менѣе продолжительный. При этомъ обыкновенно заявлялось, что не стоитъ очень строго разсматривать постановленія, которымъ сами составители придавали значеніе опытовъ, и о достоинствѣ которыхъ предстояло еще впередъ имѣть окончательное сужденіе; а между тѣмъ, этими постановленіями, вводившимися въ видѣ опытовъ, разрѣшалось помѣщикамъ отрѣзывать участки отъ крестьянскихъ земель *безвозвратно и безвозвратно*. Государственный Совѣтъ, или Главный Комитетъ по дѣламъ крестьянъ, пожалуй призадумался бы подвергать цѣлый народъ такого рода опытамъ; но на то именно и нуженъ специальный Остзейскій Комитетъ, чтобъ разрѣшать не задумываясь все что подвергается ему изъ Риги.

Пропаганда въ высшемъ столичномъ обществѣ, кажется, окончательно исполнила свое дѣло и достигла всего чего только можно было отъ нея ожидать.*) Мы склопили головы передъ обличеніями; повѣрили всѣмъ неблицамъ, которыми заѣзжіе бароны раздражали наше воображеніе

*) Объ успѣхахъ ея въ самое важное для Ливляндіи время, мы находимъ у издателя Ливляндскихъ вкладовъ слѣдующее свидѣтельство: „въ зиму 1845—1846 года, Ливляндскій Ландмаршалъ фонъ Лилленфельдъ и секретарь дворянства фонъ Енгельгардъ отправились въ Петербургъ съ целью, не только поискать помощи у правительства отъ бедствъ Православной пропаганды, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и подѣйствовать спасительно (разумѣется для Ливляндіи) на высшее Петербургское общество разоблаченіемъ происходившихъ у насъ мерзостей. И действительно, эта такъ сказать *salonная миссія* шла отлично до возвращенія покойнаго Государя изъ Палермы. Петербургское общество, повидимому, совершенно убѣдилось (разумѣется въ позорныхъ предѣлахъ Православнаго духовенства и приняло горячо сторону Ливляндіи (Livl. Veit. B. II. Lief. 11 S. 81, 82).“ Такого рода миссіонеры, Остзейскіе и Польскіе некогда не переводятся въ тѣхъ же кругахъ; и теперь какъ и тогда, наше высшее общество слушаетъ ихъ развѣся уши, не подозревая даже какое безконечное презрѣніе оно внушаетъ имъ своею ребяческою доверчивостью, а еще болѣе легкостью, съ которою оно выдаетъ имъ головою все *свое* (т. е. Русское) и всѣхъ *сознать*.

и повинились во всемъ: въ подговорахъ къ вѣроотступничеству, въ пагломъ нарушеніи всевозможныхъ правъ и договоровъ, въ низкой зависти къ Нѣмецкой цивилизаціи, въ намѣреніи испортить ее прививкою къ ней нашего Русскаго варварства и т. п.

Остается только всѣ эти наши провинности поскорѣе искупить.

„Ces bons Allemands, toujours si fidèles et toujours méconnus! Nous leurs devons une réparation ne fut-ce que pour sauver notre honneur et repousser toute solidarité avec ce soit disant parti Russe qui n'est au fond que la révolution déguisée.“

„Ah madame! Nous le savons bien, vous êtes dans les bons principes, si tout le monde pensait et sentait comme vous! Mais hélas! . . .“

Кто не слышалъ въ Петербургскихъ гостиныхъ безконечныхъ варіацій на эту тему? А извѣстно, что Русскій человѣкъ высшаго полѣта пьянѣетъ отъ удовольствія и безъ оглядки вдается во всякій обманъ, когда Нѣмецъ или Полякъ дастъ ему чувствовать, что онъ, Русскій, un accident heureux parmi les siens.

Третьимъ орудіемъ, клеветою и политическимъ доносомъ, die loyale Baltische Ritterschaft владѣетъ также беззастѣнчиво какъ и Польская сирава, но нѣсколько ловчѣе. Разверните любую брошюру Балтійскаго издѣлія, изъ числа выходящихъ во множествѣ за границую, и прочтите что въ нихъ разсказывается про всѣхъ безъ исключенія Русскихъ, которымъ приходилось имѣть дѣло съ мѣстною, провинціальною интригою и которые передъ нею не пасовали (какъ на примѣръ: про покойнаго Гр. Уварова, про Преосвященныхъ Иринарха, Филарета и Платона, про Генераль-губернатора Головина, про Ханькова, про Графа Толстаго, про Шафранова и другихъ) или даже про тѣхъ, которые, хотя и не имѣли случая заниматься дѣлами Бал-

тійскаго края, но могли казаться опасными для переду (на примѣръ про Милютина) или наконецъ про тѣхъ, которые, не состоя даже на службѣ и не имѣя никакого значенія въ официальномъ мѣрѣ, слѣдили за Рижскими газетами и печатно обсуждали, на сколько это у насъ возможно, ихъ политическія теоріи (на примѣръ про Вольдемара, Каткова и Аксакова). Даже прежнія, признанныя заслуги не обезоруживаютъ систематической клеветы, дѣйствующей въ томъ отношеніи безъ лицепрїятія, что нѣтъ такого лица, почему либо безпokoящаго ее, для очерненія котораго она бы не подобрала приличнаго рецепта. Графъ Шуваловъ, будучи Генераль-губернаторомъ, вторилъ жалобамъ Балтійскаго дворянства на какія то возбужденія крестьянъ къ переходу въ Православіе, обнаруживалъ негодованіе на распоряженія правительства по надѣленію землею батраковъ и всячески противодействовалъ приведенію этой мѣры въ исполненіе (всѣ это по свидѣтельству заграничной Балтійской прессы) — въ то время онъ былъ угодень. Но Графу Шувалову довелось взять въ руки испорченное его предшественникомъ дѣло о судебной реформѣ; онъ попытался (очень неудачно) провести мысль, что *главы* основанія судоустройства принятыя для всей Россіи должны быть примѣнены и къ Балтійскому краю; онъ отстаивалъ учрежденіе присяжныхъ, и за это ему теперь приходится испытывать на себѣ comment on s'y prend pour démolir une réputation politique. Огласить его агентомъ Русской революціи было бы конечно не совсѣмъ ловко; но вѣдь это только одинъ изъ примѣровъ, а есть и другой — „Графъ Шуваловъ (объявляетъ издатель Лифляндскихъ вкладовъ) въ засѣданіяхъ коммиссіи обсуждавшей судебную реформу, иначе де никогда не отзывался о священной особѣ Монарха какъ съ точкою, но очень замѣтною ироніею, *кѣ счастью*, оставившию слѣды въ протоколахъ коммиссіи, и этимъ де оскорбилъ онъ болѣе всего благо-

родныя чувства (das loyale Gefühl). Остзейскихъ провинцій.**) — Я нѣсколько не опасуюсь послѣдствій этой клеветы за Графа Шувалова; къ тому же, отъ печатнаго слова, да еще сопровождаемаго ссылкой, можно всегда защититься; но наименованье, для котораго существуетъ спеціальныи терминъ, часто встрѣчающійся въ конфиденціальныхъ перепискахъ агентовъ Балтійскихъ сословій съ ихъ довѣрителями — эти Privat-Insinuationen, отъ нихъ какъ уберечься, особенно тому кто не пользуется выгодами личнаго положенія Графа Шувалова?

Указывать на систематическое возбужденіе заграничной Нѣмецкой прессы, кажется не предстоить надобности. Оно-то собственно и подало поводъ къ открытію настоящаго изданія. Не говоря уже о крупныхъ газетахъ и обзорнѣяхъ, нѣтъ такого городка отъ Вислы до Рейна, гдѣ бы мѣстный листокъ, издаваемый для самаго ограниченнаго круга читателей, въ послѣднее время не помѣщала пасквилей на Россію въ формѣ корреспонденцій изъ Риги или Митавы и не подбивала Германію къ заступничеству за ся будто бы обижаемыхъ единоплеменниковъ. Это должно быть извѣстно всѣмъ, но чтобъ дать понятіе читателямъ о томъ, до какихъ слоевъ проникла эта журнальная агитація, я приведу случай, котораго былъ свидѣтелемъ. Въ Берлинѣ, въ Октябрѣ 1867 года, происходило Собраніе общества Нѣмецкихъ работниковъ (des deutschen Arbeitervereins). Тутъ были въ сборѣ мастера, ремесленники, мелкіе торговцы и, въ очень ограниченномъ числѣ, художники. Они обсуждали, съ точки зрѣнія своихъ промышленныхъ интересовъ, разные современные вопросы и, въ томъ числѣ, нынѣшнюю политику Пруссіи. Одинъ изъ ораторовъ, нѣкто Швейцеръ, развивалъ ту мысль, что нѣсколько крутой и не совсѣмъ кон-

*) Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 14.

ституціонный образъ дѣйствій министерства искупался возвеличеніемъ Пруссіи, на которую теперь всѣ сосѣднія державы смотрять съ уваженіемъ и страхомъ. На этомъ, десятки голосовъ перервали говорившаго криками: „und Russland, Russland (а Россія, Россія)?“ Познакомому съ настроеніемъ современной Германіи, трудно бы было понять въ какомъ смыслѣ указаніе на Россію употреблялось въ этомъ случаѣ какъ возраженіе; но ораторъ понялъ это сразу и отвѣчалъ не задумываясь: „господа, если бы Пруссія, по поводу Пфемцко-Русскихъ провинцій, захотѣла придратъя къ Россіи *въ настоящую минуту*, (съ особеннымъ удареніемъ на эти слова) то либеральное мнѣніе не могло бы этого одобрить, повторяю: въ настоящую минуту.“ Значить: и газетная агитація свое дѣло сдѣлала; она успѣла убѣдить Германію въ томъ, во первыхъ, что на нашемъ Балтійскомъ поморіи частью совершаются, частью готовятся какія то вопіющія беззаконія; во вторыхъ, что дѣйствія нашего правительства оскорбительны для Германіи, и въ третьихъ, что по своему историческому призванію, она имѣетъ поводъ вступиться въ дѣло. Это первый моментъ. За этимъ, обыкновенно слѣдуютъ запросы, предлагаемые въ представительныхъ собраніяхъ вожаками крайнихъ партій, людьми отчаянными. Такихъ запросовъ было уже нѣсколько — это второй моментъ. Прусское Министерство разъ уже на нихъ отвѣчало и отклонило отъ себя всякое вмѣшательство;*) вѣроятно отклонитъ въ другой и въ третій разъ; но запросы будутъ продолжаться. Наконецъ (таковъ обыкновенный ходъ дѣла) правительство дружески къ намъ

*) Балтійскіе публицисты остались очень довольны отвѣтомъ Графа Бисмарка, которому они приписываютъ слѣдующія слова: „еще до битвы подъ Танненбергомъ (1810) нынѣшняя восточная Пруссія, *также какъ и Остзейскія провинціи нынѣ принадлежащія Россіи*, составляли части Прусской земли (Preussisches Land) *какъ вышнее владѣніе Немецкаго Ордена*. Wesentliche Verschiedenheit der Bedeutung, Wirkung etc. etc. Vortrag, gehalten zu Quedlinburg 3. Januar 1868. Berlin, S. 35 u. Livl. Beitr. B. I Lief. III S. IX.

расположенной державы обратится въ Петербургъ съ ласковою просьбою сообщить ему что нибудь, въ формѣ, если не завѣренія, то хоть бы объясненія, чѣмъ бы оно могло унять у себя докучливую оппозицію и зажать ей ротъ. Я не говорю, чтобъ это могло случиться теперь, когда Пруссіи угрожаетъ ежеминутно разрывъ съ Франціею; но утверждаю, что общественное мнѣніе Германіи настроено и подготовлено къ такого рода запросу для переду. Такъ какъ мы дѣйствительно ничего такого не замысливаемъ и не творимъ въ чемъ бы не могли громогласно сознаться, то почему бы и не успокоить нашихъ добрыхъ сосѣдей? Но, разумѣется, мы этимъ никого не удовлетворимъ, а вызовемъ опять таки дружескій совѣтъ поступить такъ то, или не дѣлать того то, во имя спокойствія Европы и ради поддержанія тѣснаго союза съ державою желающею намъ всякаго добра. Вѣдь и Наполеонъ говорилъ намъ, что онъ лично вовсе не желалъ возбуждать Польскаго вопроса, но что общественное мнѣніе Франціи lui forçait la main. Только бы завязался разговоръ или обмѣнъ мыслей о Балтійскомъ краѣ, а тамъ, мы быстро скользнемъ по отлогому, къ несчастію очень намъ знакомому скату, и какъ разъ очутимся на скамьѣ подсудимыхъ передъ трибуналомъ Европы. Конечно, можетъ быть и въ этотъ разъ найдется Князь Горчаковъ, который подниметъ насъ за руку, поставитъ на ноги и выведетъ съ торжествомъ изъ залы, но всегда ли можно на это рассчитывать?

По поводу Балтійской агитаціи за границею, я не могу не обратить вниманія на тѣсный союзъ заключенный между пропагандою Нѣмецкою и пропагандою Польскою. Въ Пруссіи, Познанскіе Поляки, кажется, первые подняли голосъ за мнимо угнетенныхъ Балтійцевъ и продолжаютъ въ своихъ газетахъ оплакивать заранѣе горькую участь ожидающую Лютеранство и Нѣмецкую національность.

Въ свою очередь, въ отплату за эту добрую услугу, Балтійскіе публицисты поносятъ память покойнаго Графа Муравьева, указываютъ Европѣ на *уметіе* Латинскаго духовенства и негодуютъ на *насилъственное* введеніе въ западномъ краѣ Русскаго языка. Разверните любую заграничную брошюру Балтійскаго издѣлія и вы найдете въ ней всѣ знакомые вамъ мотивы Польскаго изобрѣтенія; вы узнаете, на примѣръ, что Русскіе вовсе не Славяне, а выродившіеся Монголы, или Туранцы; что еслибы Русскія шптриги не мѣшали дворянству, то крестьяне въ Балтійскихъ Губерніяхъ давно бы были облагодѣтельствованы своими помѣщиками и сдѣлались бы собственниками; что Русскій Императоръ считается главою своей Церкви не только въ мірскихъ, но и въ духовныхъ дѣлахъ, иначе (буквально) *Кесаремъ-Папою*; что Латинству и Протестантству давно бы пора отложить всякія междоусобныя распри и, опознавъ себя взаимно какъ одно цѣлое, именно какъ *западное Христіанство* (das abendländische Christenthum), объявить войну восточному Христіанству (т. е. Православію*) и *Москалю*, этому исконному и непримиримому общему ихъ врагу (gegen den Erz- und Erbfeind, den Moscowiter).**)

Чтобъ разбить эту стачку, мы дѣлаемъ все что можемъ и гораздо болѣе чѣмъ бы слѣдовало. Мы, на примѣръ, поясняемъ, что предоставивъ право, на известныхъ

*) Dem orientalischen Cäsaro-Papismus gegenüber, wie er beiden (dem Protestantismus und Römischen Catholicismus) gleich tief feindlich, in Russland entgegen — nicht nur, sondern auf den Nacken tritt, bilden Römischer Catholicismus und Protestantismus ein durch die Gemeinschaft des Feindes und der Gefahr zu engster Solidarität verbundenes Ganzes. — Wesentliche Verschiedenheit der Bedeutung etc. gleichnamiger Factore des öffentlichen Lebens etc. etc. von W. v. Bock. Berlin 1868. Seite 10. Livl. Beitr. B. I Lief. II S. 36, 177. Lief. III S. 1, 2, 299.

***) Wesentl. Verschiedenheit etc. etc. S. 1, 30. Livländ. Beitr. B. I Lief. I S. 10, 110. Lief. III S. 1, 2. B. II Lief. I S. 1, 30, etc. etc. — Appell an die Oeffentlichkeit v. Sievers. S. 9, 16.

условіяхъ, приобрѣтать имѣнія въ западномъ краѣ исключительно лицамъ *Русскаго* происхожденія, мы, подъ этимъ выраженіемъ, подразумѣвали и лицъ *официально* называющихъ себя Нѣмцами. Руководствуясь тѣмъ же взглядомъ, администрація Сѣверозападнаго края недавно еще благопріятствовала имѣнничеству Ковепской Губерніи по системѣ Графа Кейзерлинга, съ переводомъ крестьянъ изъ Латинства въ Лютеранство и съ учрежденіемъ Нѣмецкихъ школъ и порядковъ; но и это не помогаетъ. Правда, Балтійскіе дворяне не брезгаютъ дешевыми имѣніями и пользуются распространенными на нихъ льготами — это своимъ чередомъ; а тѣмъ временемъ, за границею, агенты ихъ продолжаютъ подвизаться рука объ руку съ Поляками, подъ однимъ знаменемъ, да еще въ добавокъ они же, по поводу нашихъ уступокъ, печатно надъ нимъ издѣваются — и по дѣломъ.*) Всего этого Сѣверная почта вѣроятно не знала, когда укоряла Русскую журналистику въ произвольномъ и оскорбительномъ сопоставленіи Балтійскаго края съ Сѣверозападнымъ . . .

„Нонимасмъ къ чему вы ведете“ — скажутъ иные читатели (это обыкновенный отвѣтъ въ подобныхъ случаяхъ) — „вамъ нужны политическія слѣдствія, военно

*) „Несмотря на то, что Россія въ своихъ Польскихъ и Литовскихъ владѣніяхъ приняла за дѣло еще съ большимъ острастемъ чѣмъ въ Остзейскихъ провинціяхъ, въ ся рукахъ, опытъ руссификаціи оборачивается въ процессъ Германизаціи (sein Russificierungsversuch ihm unter den Händen in den Germanisationsprocess umschlägt). Поляковъ вытѣснили, но такъ какъ ожидаемаго прилива чистой Русской крови на рынокъ Литовскихъ имѣній не оказалось (?), то были вынуждены (?) прибѣгнуть къ *символической* будтобы, въ указѣ о продажѣ имѣній, подъ категоріею лицъ Русскаго происхожденія подразумѣваемыхъ и Нѣмцы, уроженцы Остзейскаго края“ (Wesentliche Verschiedenheit etc. etc. S. 37).

„Ожидать отъ насъ, чтобъ мы, оставаясь Нѣмцами, въ тоже время были душою и сердцемъ Русскими (Russes de coeur et d'âme, какъ выражался покойный Государь) все равно, что требовать, чтобъ квадратъ, не измѣняясь въ своей формѣ, сдѣлался треугольникомъ.“ — (Livl. Beitr. В. II S. 118, 119). — Вотъ вамъ и благодарности за все наши уступки и побрякки.

судныя комиссіи, военное положеніе, ссылки, конфискаціи — нуженъ прежде всего Муравьевъ для Балтійскаго края. Такъ чтоли? Этого вы добиваетесь?“ —

Нѣтъ, господа, не этого. Я не хочу ни слѣдствій, ни военносудныхъ комиссій, ни военного положенія, ни ссылки, ни конфискацій. Напротивъ: я нахожу несправедливымъ, возмутительнымъ, и въ тоже время крайне несполитичнымъ, послѣ двадцатилѣтняго бездѣйствія и двадцатилѣтнихъ поблажекъ, опрокидываться на отдѣльныя личности, на удачу выхваченныя изъ ряду, на какого нибудь Вальтера или Дебнера, ничѣмъ кромѣ большаго прямодушія не отличающихся отъ другихъ, и вмѣнять имъ въ преступленіе ихъ слова или поступки, тогда какъ тоже самое, около нихъ, говорятъ и дѣлаютъ всѣ, въ глазахъ начальства, съ его вѣдома, подъ часъ даже съ его одобренія.*) И если ужъ зашла рѣчь о Муравьевѣ, какъ о лицѣ типическомъ, то я не только не желаю Муравьева для Балтійскаго края, а напротивъ: потому именно позволяю себѣ относитья критически къ противоположному типу Мирковичей, Назимовыхъ, Суворовыхъ, Ливеневъ и Барановыхъ, что образъ дѣйствія, или точнѣе бездѣйствія, послѣднихъ всегда и неминуемо приводитъ къ печальной необходимости прибѣгать къ системѣ перваго. Я нахожу, что жалка та политика, которая умѣетъ только потворствовать или карать, вымѣщая на другихъ естественныя

*) Баронъ Ливень, отправляя въ ссылку Безбардиса, говорилъ ему между прочимъ, что онъ самъ (Генералъ-губернаторъ) стоитъ за непримѣнное отнѣженіе Латышей (по разказу свидѣтеля) а Оберъ-президентъ Вальтеръ, за ту же мысль выраженную въ проповѣди, устраненъ отъ должности. Все Литванское духовенство, ежедневно и ежечасно, въ журналахъ и съ кааедръ, поноситъ Православную Церковь — этого не замечаютъ или не хотятъ слышать, а пасторъ Пробсть Дебнеръ подвергнуть высканію за то, что онъ, въ своей книгѣ, судя о Церкви, о ея обрядахъ, о почитаніи креста и иконъ, какъ судя о этихъ предметахъ всѣ Протестанты. Гдѣ же справедливость?

послѣдствія собственныхъ своихъ послабленій; и желать бы вызвать борьбу не съ лицами, а съ общественными силами; ибо я вижу ясно, что противъ насъ, въ Россіи и за границу, въ деревняхъ и въ городахъ, въ гостиницъ и въ министерствахъ, работаетъ неутомимая, антирусская, политическая и общественная пропаганда, и я убѣжденъ, что противодействовать ей съ успѣхомъ можно только (не малодушнымъ задабриваніемъ и не карательными мѣрами) а прямо и рѣшительно заявленною системою національнаго, Русскаго законодательства, національной, Русской администраціи, и допущеніемъ той свободной, національной, общественной пропаганды, которая такъ противна Сѣверной Почтѣ. Слова мои кажется ясны и, я надѣюсь, что на сей разъ ихъ не перетолкуютъ.

Повторяю: политическая агитація, опознанная нами въ грубѣйшей ея формѣ уличнаго скалдана и мятежа, имѣеть въ своемъ распоряженіи много иныхъ средствъ, не менѣе если не болѣе дѣйствительныхъ, но къ которымъ мы, къ сожалѣнію, какъ будто не успѣли еще приглядѣться. Иной разъ, можно даже подумать, что мы преднамѣренно игнорируемъ ихъ, забывая, что если иногда цѣлыя полосы земли проваливаются мгновенно въ море отъ вулканическихъ сотрясеній, то еще чаще случается, что море, незамѣтно, заливасть неукрѣпленный берегъ и шагъ за шагомъ отвоевывасть его.

Вотъ въ чемъ сходство и въ чемъ несходство. Затѣмъ, я очень хорошо знаю, что мы не увидимъ въ Балтійскомъ краѣ питыхъ знаменъ съ революціонными эмблемами и не услышимъ ни одного выстрѣла; что тамошніе дворяне никогда не пойдутъ до лѣса (гдѣ бы ихъ всѣхъ перехватили Латыши) и ужъ конечно никогда не подумаютъ подкупать народъ къ возстанію отѣбною повинностей и даровыми надѣлами (за это ручается мудрая расчетливость тамошнихъ помѣщиковъ и общій характеръ всѣхъ

сочиненныхъ ими крестьянскихъ положеній). Припоминаю былия времена XVI, XVII и начала XVIII вѣковъ, я вижу, что Балтійскій край никогда не бунтовалъ и не возставалъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова; онъ не отторгался насильственно ни отъ Польши ни отъ Швеціи, а, такъ сказать, *отваливался* отъ нихъ, въ ту минуту, когда онъ могъ это сдѣлать безъ особеннаго для себя риска, то есть когда сила измѣнила державѣ, которой онъ принадлежалъ, и переходила въ другія руки. Но я вижу также, что каждому изъ этихъ кризисовъ предшествовала продолжительная, глухая работа, которою онъ исподволь подготавлился. Медленно и незамѣтно ослаблялись узы скрѣплявшія область съ государствомъ, осторожно и тихо подплавлялись сваи, на которыхъ опиралась верховная власть; потомъ, заблаговременно предусмотрѣнный ударъ извнѣ довершалъ эту работу, и самыя слѣды ея исчезали въ общей катастрофѣ.

Все это азбука исторіи; но мы разучились читать ее, книга вывалилась изъ нашихъ рукъ и мы (правительство и общество) споконно дремлемъ подъ старую, давно затверженную лѣсью, которую намъ напѣваетъ наша Нѣмецкая нянька: „они такъ вѣрно служатъ, такъ много пролили своей крови на поляхъ сраженій и т. и.*)

Здѣсь опять приходится имѣть дѣло съ какимъ то страннымъ недоразумѣніемъ, не знаю вольнымъ или невольнымъ. Никогда никто не отрицалъ и не забывалъ личныхъ заслугъ служивыхъ людей вышедшихъ, не только изъ Балтійскаго дворянства, но и изъ тамошняго средняго сословія. Вся Россія, съ почтительною признательностью, произноситъ имена Сиверса, Барклая, Графа Палена, Тотлебена и многихъ другихъ, не забывая при этомъ ни Женева Лесфорта, ни Шотландца Гордона, ни Ольденбургца

*) См. въ Сѣвер. Почтѣ вышеприведенную статью.

Миниха. Но мы всётаки не миримся съ мыслью, чтобы пролитая кровь давала право пропагандировать против Россіи въ Латышскихъ деревняхъ, отрицать обязательность издаваемыхъ правительствомъ законовъ, не исполнять лѣтъ по двадцати Высочайшихъ повелѣній, надождать Графу Бисмарку жалобами на наше правительство и натравливать на насъ общественное мнѣніе Германіи.

Рѣчь идетъ не о личной службѣ въ рядахъ Русской арміи, въ дипломатическомъ корпусѣ, или въ министерствахъ; идетъ рѣчь о настоящей и будущей судьбѣ цѣлаго края, объ отношеніяхъ его къ Россіи, о томъ, что можетъ съ нимъ случиться при той или другой политической компликаціи, а въ доказательство, что это не одно и тоже, я опять сошлюсь на исторію.

Въ 1812 году, въ то самое время когда Курляндцы, съ честью, славою и самоотверженіемъ, сражались въ рядахъ нашихъ войскъ подъ Смоленскомъ, Бородинымъ и Тарутинимъ, въ Курляндіи дѣйствовало временное правительство, набранное Наполеономъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, и когда нашествіе было отражено, послѣдовалъ на имя Рижскаго Генераль-Губернатора Маркиза Паулуши Именной указъ (31. Декаб. 1812 № 25308) „о объявленіи прощенія нѣкоторымъ Курляндскимъ жителямъ вступившимъ въ отправление должностей порученныхъ непріятелемъ во время пребыванія его въ предѣлахъ Россіи.“ За нѣсколько передъ этимъ дней, послѣдовалъ точно такой же Манифестъ, и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ*) „о

*) Въ указѣ о Курляндіи мы читаемъ: Курляндскіе жители, во время пребыванія непріятели въ предѣлахъ нашихъ, не оказали никакой *явной* къ нему приверженности, выключая немногихъ вступившихъ въ отправление поручаемыхъ отъ него должностей, и то по неволѣ, устранивныя угрозами и насиліемъ: почему повелѣваемъ намъ объявить однимъ изъ нихъ наше благоволеніе, а другимъ всеобщее прощеніе, предавая проступки ихъ забвенію и запрещая впредъ имѣть какое либо по дѣламъ симъ притязаніе или исканіе.“ — А въ манифестѣ о Сѣверозападномъ краѣ: въ настоящую съ

прощеніи нѣкоторыхъ жителей отъ Польши присоединенныхъ областей. Съ тѣхъ поръ какъ Курляндія вошла въ составъ Русскаго Государства, политическая ея вѣрность подверглась испытанію только одинъ разъ — во время нашествія Французовъ; но именно въ этомъ случаѣ, исторія, а не Московская журналистика, связала ее съ Сѣверо-западнымъ краемъ. Замѣчательно при этомъ, что въ то самое время, когда всепрощеніемъ покрывались винны Курляндцевъ и Поляковъ, въ Смоленскѣ и Москвѣ учреждались слѣдственные коммисіи надъ лицами находившимися въ должностяхъ у непріятеля (указъ 1813, Марта 18, № 25356). И вѣрно: ни одинъ Русскій не скажетъ, чтобы тогдашнее правительство поступало несправедливо, преслѣдуя однихъ и милуя другихъ. Пѣтъ, оно конечно сознавало въ ту минуту, что для первыхъ Россія была отечествомъ, а для вторыхъ не болѣе какъ политическою силою, охранявшею ихъ безопасность и ихъ выгоды.*)

Такъ было и прежде. Во время Сѣверной войны, одинъ Паткуль (Рейнгольдъ — герой Лифляндіи, въ то время еще Шведскій подданный) устраивалъ противъ Швеціи коалицію, а другой Паткуль, вѣроятно родственникъ перваго (Дитрихъ — Генераль-маіоръ и Вице-губернаторъ на Шведской службѣ) командуя Шведскимъ гарнизономъ, покрывалъ себя славою защищая Ревель отъ Русскихъ. Лифляндія гордится обоими: но который же

французами войну, главная часть жителей въ прежде бывшихъ Польскихъ, шлѣхъ же Русскихъ областяхъ и округахъ, пребыли Намъ вѣрны . . . но другіе, различными образами, навлекли на себя праведный гнѣвъ: единъ, по вступленіи непріятеля въ предѣлы Нашей Имперіи, устрашалъ насилья и принужденія, или мечталъ спасти имущество свои отъ разоренія и грабительства, вступали въ налагаемыя отъ него званія и должности; другіе и т. д. (Маниф. 1812 Дек. 12 №. 25289).

*) Пока дѣло шло о возмещеніяхъ и объ ответственности, эта разница, какъ видно изъ приведеннаго примѣра, не упускалась изъ виду; но она упразднилась когда дѣло дошло до покупки въ Сѣверо-западномъ краѣ имѣній по дешевой цѣнѣ и на льготныхъ условіяхъ.

изъ нихъ служилъ вѣрой и правдой? Съ точки зрѣнія Балтійскихъ понятій, тогдашнихъ и нынѣшнихъ, вопросъ разрѣшается просто — оба. Повторяю: оба, разумѣется каждый по своему; ибо и тотъ и другой, съ одинаковымъ самоотверженіемъ, служилъ своей отчизнѣ, а отчизною въ Лифляндіи никогда не считалась ни Польша, ни Швеція, какъ не считается теперь Россія. Слово отчизна, для Лифлянца, имѣеть двойное значеніе; въ тѣсномъ смыслѣ родины, оно означаетъ Лифляндію, а въ смыслѣ болѣе широкомъ, означаетъ das Deutschthum, Германизмъ, это вѣкогда отвѣщенное понятіе, нынѣ воплотившееся въ могучій политической организмъ, стоящій во всеоружіи у нашей границы. Вотъ чему и кому служить Балтійское рыцарство служба Русскому правительству. Я сказалъ это въ 1848 году и за это былъ посаженъ въ крѣпость; но за меня заступился Лифляндскій публицистъ, притомъ еще чиновникъ (по крайней мѣрѣ очень недавно состоявшій на службѣ) такъ что мнѣ теперь остается только на него сослаться. Вицепрезидентъ Лифляндскаго Гюбтерихта, Г. В. фонъ Бокъ, издатель не разъ уже цитованныхъ мною Livländische Beiträge, написалъ въ 1867 году статью подъ заглавіемъ: Пруссія и Пѣмецкія Остзейскія провинціи Россіи (Preussen und die deutschen Ostsee-Provinzen Russlands). Взвѣсивъ за перо съ цѣлью вызвать въ Германіи *дѣятельное* сочувствіе къ ея будто бы угнетаемымъ единовѣрцамъ и землякамъ, онъ перебираетъ и опровергаетъ одинъ за другимъ все упреки, которыми уроженцы Балтійскаго края подвергаются въ Пѣмецкихъ либеральныхъ газетахъ, какъ извѣстно, ставящихъ имъ въ вину, между прочимъ, и то обстоятельство, что многіе изъ нихъ посвящаютъ свои способности на службу государственнымъ интересамъ Россіи. По этому поводу, авторъ очень резонно замѣчаетъ, что его несколько не удивляетъ ропотъ Русскихъ (der Stockrussen) на замѣщеніе множества первостепенныхъ должно-

стей уроженцами Балтійскаго края, но что самый этот ропотъ долженъ бы былъ навести на умъ Нѣмецкую, заграничную публику; затѣмъ онъ говоритъ (я цитую буквально): Deutschland namentlich sollte, in dem Maasse als es vom Cosmopolitismus zur Politik fortschreitet, nicht allzusehr splitterrichten, wenn es, in dem gewaltigen Nachbarstaate, ein stammverwandtes Element gewahr wird, das denn doch, bei seiner allseitigen und intensiv bedeutsamen Durchdringung des ganzen ungeheuern russischen Staats-Körpers, jedenfalls, in Bezug auf die beständige, feberhafte Neigung des „Ewigrussischen“ das deutsche „hinabzuziehen“*) nothwendig retardirend, neutralisirend, gleichsam antiphlogistisch wirken muss, und so, unscheinbar zwar, aber doch unausgesetzt, deutsches Wasser in den russischen Wein giesst.**) Понятно, что автору понадобилась, для возможнаго замаскированія его мысли, эта многочленная, неуклюжая, свинченная фраза; но всё-таки смыслъ ея довольно ясенъ: вмѣсто того, чтобы осуждать своихъ Балтійскихъ земляковъ, Германія должна бы радоваться, что люди, по отношенію къ ней *свои*, вступая въ Русскую службу и овладѣвая государственными силами Россіи, приобретаютъ возможность мѣшать ей сдѣлаться вполне Русскою (въ законодательствѣ, управленіи, политикѣ) и, тѣмъ самымъ, подъ знаменемъ двуглаваго орла,

*) Намѣкъ на известный стихъ Гёте: Das Ewigweibliche zieht uns hinan.

**) Livl. Veis. V. 1 Livl. III S. 295, 296. Перевожу слово въ слово: особенно Германія, по мѣрѣ того какъ она отъ космополитизма подвигается къ политическому сознанию, не должна бы позволять себѣ слишкомъ легкомысленныхъ осужденій, когда она, въ могучемъ соседнемъ государствѣ, усматриваетъ *одноименный ей элементъ, всесторонно и въ значительной степени проникновенъ въ глубины всей громадной, Русскій, государственный организмъ*, такъ какъ этотъ элементъ (при постоянномъ и лихорадочномъ стремленіи неумирающей Русской стихіи осадить все Нѣмецкое) всё-таки, естественно, долженъ дѣйствовать не иначе какъ сдерживая, неутрализируя, такъ сказать охлаждающая, и, хотя непримѣтно, но непрерывно, подливая Нѣмецкую воду въ Русское вино.

служить Германіи.*) Эти слова, произнесенныя корифеемъ современной Балтійской интеллигенціи подвизающей за границу, и отъ которыхъ никто не отрекся, не требуютъ комментарія. Имѣй уши слышати да слышитъ.**)

Итакъ, не во глѣвъ Сѣверной Почтѣ будь сказано, я думаю, что Русская публика имѣетъ достаточныя причины обращаться къ дѣламъ Балтійскаго края и буду къ нимъ обращаться, если не въ Россіи, гдѣ этого не допускается вѣдомство, которому подчинены Русская мысль и Русское слово, то хоть изъ Праги. Для почина, я представлю краткій переченьъ результатовъ мѣстнаго управления въ Ливляндіи, Эстляндіи и Курляндіи за послѣднее двадцатилѣтіе (съ 1847 года) то есть съ того времени когда, въ лицѣ Князя Суворова, подворилась правительственная система, которой его преемники слѣдовали неуклонно до

*) Во второмъ выпускѣ своего изданія, тотъ же авторъ напечаталъ списокъ высшихъ ему лицъ Нѣмецкаго происхожденія состоящихъ на Русской службѣ въ высшихъ и среднихъ должностяхъ. По счислу, они составляютъ 26%; но еслибы (прибавляетъ авторъ) можно было опредѣлить отношеніе къ томъ (то есть принять въ соображеніе степень власти, значенія и вліянія) то оказалось бы болѣе 74%.

**) Остается только прибавить, что и здѣсь дѣло обходится не безъ проищ. Завидь какъ фактъ, что дѣлаи эланга чиновниковъ Балтійскаго края неперестано парализируются въ государственномъ организмѣ національнныя стремленія, авторъ, почти на каждой страницѣ, выставляетъ передъ Германією безсиліе Русской, народной стихіи, ея дряблость, вялость, неустойчивость, неспособность къ какой-либо инициативѣ, непослѣдовательность въ предпріятіяхъ, неумѣіе постоять за себя, всегдашнюю уступчивость передъ напоромъ Нѣмецкаго элемента, совершенное отсутствіе всякой притягательной силы и т. д. — die geistige und sündliche Inferenz der Russen und Russengenossen u. s. w. Даже въ диавольскомъ некусствѣ подкупать и обманывать, Русскіи (замѣчаетъ Г. фонъ Боккъ) такіе же неучи какъ и во всемъ. (Livl. Beig. V. I Lief. II S. 103, Lief. III S. 237; V. II Lief. I S. 36 etc. etc.) Иными словами, и придерживаясь сравненія употребленнаго авторомъ, выходить слѣдующее: его земляки надѣваются Русскій мундиръ, чтобъ имѣть возможность, въ угоду Германіи, распространять Русское вино какого своего Нѣмецкою подливкою; потомъ, они же отсѣдываютъ эту жижу, морщатся, окливаются передъ лицомъ Европы и говорятъ ей: „дрянъ Русское вино, ни крѣпости, ни вкуса, ни иривости, ничего въ немъ нѣтъ.“ — Еще бы!

нынѣшняго дня. Сообразивъ, что въ этотъ промежутокъ времени сдѣлано и что упущено, что пріобрѣтено и что потеряно, читатели сами увидятъ чего можно ожидать отъ управленія не развлекаемаго никакимъ гласнымъ проявленіемъ общественнаго мнѣнія; въ этомъ же перечнѣ, они получаютъ программу тѣхъ вопросовъ, подробной разработкѣ которыхъ будутъ посвящены слѣдующіе выпуски настоящаго изданія.

I.

Учрежденія, права и обычаи Балтійскихъ дворянскихъ и городскихъ обществъ, по завоеваніи Петромъ I Ливляндіи и Эстляндіи, и поздѣе, по принятіи Екатериною II Курляндскаго Герцогства въ составъ Имперіи, были признаны Русскимъ правительствомъ и утверждены гуртомъ, но, какъ извѣстно, не безоговорочно, а „елико опынъ къ нынѣшнему правительству и времени приличаются“ и „Наше и Нашихъ Государствъ Высочество и права предоставляя безъ предосужденія и вреда“ (согласно формулѣ временъ Петра I) или (согласно позднѣйшей, въ сущности тождественной формулѣ) „елико сообразны они съ общими государства нашего постановленіями и законами.“*) Можно сказать, что Россія позволила Балтійскимъ сословіямъ и обществамъ перевести съ собою, черезъ государственную нану границу, весь юридическій свой багажъ, не подвергая его таможенному осмотру, и отложила обстоятельный

*) Жалован. грам. 1710 Сент. 30 (№. 2301). Высоч. грамота 1856 февр. 17 (№. 30185). Оговорка эта иногда прямо высказывалась и всегда подразумевалась — это относится специально до Ливляндіи и Эстляндіи, или, говоря точнѣе: до сословій и обществъ Ливляндскихъ и Эстляндскихъ; что же касается до Курляндіи, то она подчинилась Россіи не выпросивъ себя никакихъ особенныхъ правъ (unbedingte Subjection) и, вслѣдъ за тѣмъ, получила ихъ отъ Екатерины II. (Имен. Указъ 1795. Апр. 15 и акты Герц. Кур. 18 Марта тогожь года.)

переборъ его до другаго времени. Затѣмъ, оставалось разумѣется опредѣлить въ точности, что въ немъ не противорѣчило и что противорѣчило времени, нашей формѣ правленія, нашимъ кореннымъ постановленіямъ; что могло оставаться и что требовало отмены или измѣненія. Задача была не легкая, и надъ нею трудились долго; наконецъ: хорошо ли, дурно ли, но всётаки разрѣшили ее изданіемъ свода мѣстныхъ узаконеній для губерній Остзейскихъ. Этимъ достигался двойной результатъ: во первыхъ, изъ нестройной груды завѣщаннаго вѣками, постепенно накапливаемаго юридическаго матерьяла, извлекалось все что долженствовало сохранить въ настоящемъ силу закона дѣйствующаго — извѣстно, что тѣмъ же процессомъ, изъ полного собранія законовъ, выработаны были нашъ сводъ; во вторыхъ, самымъ фактомъ изданія свода мѣстныхъ узаконеній, такъ называемыя привилегіи, *въ формальномъ отношеніи*, упразднялись; иными словами: онѣ теряли характеръ привилегій, хотя *содержаніе* ихъ нисколько не отменялось, а только переносилось, какъ *мѣстное законодательство* одной области (совершенно приравненное къ мѣстнымъ законамъ Малороссійскимъ) въ общую систему государственныхъ законовъ.*)

*) Въ именномъ Указѣ 1845 года Іюля 1 (№. 19146) при которомъ опубликованы были первыя двѣ части мѣстнаго свода, мы читаемъ: по приведеніи дѣйствующихъ на всемъ пространствѣ Имперіи Нашей законовъ въ стройный порядокъ и единство, изданіемъ общаго опыта свода, мы нашли нужнымъ, для удобства жителей тѣхъ Губерній и областей, въ кои въ концѣ имѣютъ силу вѣкоторыя особыя узаконенія, ввести ихъ, по принадлежности, въ самый составъ свода, или же сдѣлать предметомъ отдѣльныхъ по тому же плану расположенныхъ собраній. Въ исполненіе сего предположенія, внесены въ общій сводъ законовъ Имперіи, при новомъ ихъ изданіи въ 1842 году, всѣ древнія постановленія, кои, на основаніи дарованныхъ Малороссійскому краю предками Нашими правъ, сохраняютъ доселѣ въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской полную силу и дѣйствіе. Сія мѣра не могла быть принята въ отношеніи къ дѣйствующимъ въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской *также особымъ узаконеніямъ*. Они столь *многочисленны* (— этакъ вотъ причина) что было бы невозможно,

Отсюда, само собою вытекало слѣдующее: если сводъ мѣстныхъ узаконеній есть дѣйствительно *законъ* (а не простое литературное упражненіе Г. Бунге и Бреверна) то, со дня введенія его въ дѣйствіе, всѣ возникающіе въ Балтійскомъ краѣ административные и судебные вопросы (разумеется: по тѣмъ частямъ управленія и судопроизводства для которыхъ онъ изданъ) должны были подлежать разсмотрѣнію въ предѣлахъ этого свода и получать разрѣшеніе на основаніи содержащихся въ немъ статей; съ того же дня, ссылки на привилегіи должны были прекратиться; наконецъ, по всѣмъ предметамъ, о которыхъ въ сводѣ мѣстныхъ узаконеній не встрѣчалось никакихъ особыхъ постановленій (то есть никакихъ изыятій изъ общихъ законовъ Имперіи) эти послѣдніе законы должны были воспріять полную, обязательную силу (какъ это и выражено во 2ой ст. введенія къ 1ой части мѣстнаго свода).*)

Никто конечно не рѣшится сказать, чтобы правитель-ство, въ этомъ дѣлѣ, поступило слишкомъ спѣшно, или

Ex bibl. univ. Dorp.

*безъ важнѣйшихъ неудобствъ, помѣстить ихъ въ общій сводъ законовъ Имперіи. . . . Посему, предположивъ издать оныя въ видѣ особаго свода, Мы повѣляли II отдѣленію Собственной Канцеляріи Нашей собрать, привести въ точную извѣстность и опредѣлительность всѣ имѣющіе силу въ Остзейскомъ краѣ, по дарованіямъ отому предками Нашими и утвержденнымъ Нами правамъ, постановленія, и потомъ изложить ихъ въ порядкѣ, совершенно соответствующемъ плану общаго свода законовъ Имперіи, коего сіе собраніе мѣстныхъ узаконеній губерній Ливляндской, Остляндской и Курляндской *должеструенно* быть *дополненіемъ*. . . . Правительствующій Сенатъ имѣетъ при этомъ объявить: что сіи первыя части свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ, должны воспріять полную силу и дѣйствіе закона съ 1го Января 1846 года; что, съ сего времени, статьи оныхъ *должны* быть *приводимы и принимаемы* въ дѣлахъ всехъ правительственныхыхъ и судебныххъ мѣстъ *на томъ же основаніи* какъ дѣлаются подобныя указанія на статьи общаго свода законовъ Имперіи.*

*) Сія (мѣстная) узаконенія простираются на тѣ только губерніи и области, коимъ они особенно предоставлены, и объемяютъ тѣ только случаи, на кои именно постановлены, *какъ изытїе* изъ общихъ правилъ. *Во всехъ другихъ случаяхъ, дѣйствіе общаго законовъ Имперіи сохраняется и во всехъ губерніяхъ и областяхъ поазу свою силу.*

чтобъ оно не дало голоса представителямъ мѣстныхъ воззрѣній и интересовъ. Проектъ свода для Остзейскихъ губерній составленъ былъ, подъ руководствомъ покойнаго Графа Блудова, специалистами изъ тамошнихъ ученыхъ юристовъ и дѣльцевъ (Г. Р. Бунге, Самсономъ, Радепомъ, Бреверномъ и др.); затѣмъ, онъ двукратно разсматривался на мѣстахъ, сперва въ особыхъ комитетахъ, по губерніямъ, потомъ въ одной общей комиссіи состоявшей изъ чиновниковъ и гражданъ того края; послѣ этого, онъ поступилъ въ комитетъ изъ Сенаторовъ и Оберъ-прокуроровъ и наконецъ въ Государственный Совѣтъ.

Но если потребно было много времени и усилій для составленія свода, то несравненно еще труднѣе было ввести его въ дѣйствіе; я разумѣю ввести *дѣйствительно*, то есть перенести мѣстное дѣлопроизводство на эту вновь очищенную, всемъ доступную, для всѣхъ открытую почву дѣйствующаго законодательства. Это была задача совершенно самостоятельная и осуществленіе ея не могло обойтись безъ упорной борьбы.

Можно смѣло сказать, что Балтійская интеллигенція сама себя сочинила сводъ мѣстныхъ узаконеній, по своему вкусу; она включила въ него все свои права, все чѣмъ она дорожила, въ томъ числѣ все содержаніе нѣкоторыхъ привилегій очень сомнительной подлинности (напр. знаменитой грамоты Польскаго Короля Сигизмунда Августа, которой не признавало ни Польское ни Шведское правительство): наконецъ, собственно дворянству, удалось даже расширить прежнія свои права на счетъ другихъ сословій (н. п. Рижскихъ гражданъ); но, не смотря на все это, мѣстныя сословія вообще и дворянство въ особенности отнеслись къ своду мѣстныхъ узаконеній далеко не благосклонно. Онъ былъ имъ глубоко противенъ, не по содержанію своему, не ради той или другой статьи, а самъ по себѣ, по существу своему, именно какъ составная часть свода

законовъ всей Имперіи, какъ *итогъ* подведенный всему историческому прошедшему края до присоединенія его къ Россіи, какъ *прививка* мѣстнаго законодательства къ общему. Имъ желательно было пользоваться сводомъ законовъ какъ новымъ и торжественнымъ утвержденіемъ ихъ особенныхъ правъ и, въ тоже время, не признавать за нимъ значенія *свода*, то есть завершенія всего предшествовавшаго развитія; иными словами: имъ хотѣлось уберечь и отстоять *непрерывность* своего мѣстнаго права и своего *исключительнаго* положенія въ составѣ Имперіи — *die Continuität ihres bilateralen Rechtes vor jedem Einbruch zu bewahren*, какъ выражаются мѣстные юристы. На практикѣ, это имѣло для нихъ огромное значеніе.

Въ архивахъ каждаго изъ мѣстныхъ учреждений, сословій и обществъ, хранился цѣлый арсеналь грамотъ, патентовъ, рескриптовъ, уставовъ, (иногда) постановленій и всякаго рода болѣе или менѣе подлинныхъ актовъ, разновременныхъ изданныхъ, между собою несогласованныхъ, нѣкѣмъ критически неразобранныхъ и, даже безъ обстоятельнаго ихъ перечня, признанныхъ и утвержденныхъ при завоеваніи края. Эти склады письменнаго матерьяла, и сверхъ того обычай незанесенные, служили издревле неисчерпаемыми запасами доказательствъ и справокъ, одинаково пригодныхъ для подкрѣпленія всякаго рода антигосударственныхъ домогательствъ, и для отраженія самыхъ естественныхъ требованій власти. По мѣрѣ надобности, и смотря по тому, чего именно, въ данномъ случаѣ, требовали мѣстные и частные интересы, ничего не стоило выхватить изъ той или другой пачки подходящій документъ и построить на немъ цѣлую теорію, разумѣется не упоминая ни о предшествовавшихъ ни о позднѣйшихъ актахъ, буди они оказывались не подходящими. Такого рода приспособленія старины къ интересамъ настоящаго облегчались въ особенности: неопредѣленностью юридическихъ терминовъ, до-

пускавшю разнообразныя толкованія, частыми ссылками на *общее* Германское право и на *добрыя порядки* незаписанные, совершенною для правительства невозможностью собирать, по поводу каждой ссылки, полныя справки и предпринимать критическія изслѣдованія подлинности каждаго предъявляемаго акта. Наконецъ, съ терминомъ *привилегіи* связывалось, конечно очень неопредѣленное и въ сущности вовсе имъ не свойственное, понятіе о какой то загадочной святинѣ, будто бы на вѣчныя времена неприкосновенной, и передъ которою будто бы все должно было склоняться, тогда какъ сила статьи свода законовъ, степень ея обязательности и порядокъ установленный для ея разъясненія, измѣненія или отмѣны, когда въ этомъ представлялась надобность, были всегдѣ хорошо извѣстны и для всякаго понятны. Отъ этого, при встрѣчѣ съ привилегіею, мѣстные представители власти каждый разъ становились въ тупикъ, и, повертѣвъ въ своихъ рукахъ непонятную для нихъ грамоту, почти всегда отступались отъ самыхъ справедливыхъ своихъ требованій изъ опасенія нарушить что то такое, въ чемъ они не отдавали себѣ яснаго отчета, но чего боялись. Понятно, что для мѣстныхъ сословій, никогда не упускавшихъ изъ виду своихъ антигосударственныхъ пожеланій, было много причинъ дорожить этими стародавними приемами, и что ввести между ними сводъ мѣстныхъ узаконеній въ дѣйствительное употребленіе было вовсе не легко. Это было одною изъ главныхъ заботъ Генераль-губернатора Головина во время его управленія, и, какъ бы строго къ нему ни относились по другимъ предметамъ, этой заслуги у него отнять нельзя. Несмотря на систематическое, на каждомъ шагѣ возобновлявшееся противодѣйствіе, онъ придалъ своду мѣстныхъ узаконеній подобающую ему обязательную силу, по крайней мѣрѣ, онъ вынесъ всю тягость борьбы за него съ укоренившимися привычками, такъ что,

послѣ него, оставалось только твердо держаться на отвоеванной имъ почвѣ. Къ сожалѣнію, этого то именно его преемники не сумѣли или не захотѣли сдѣлать. Они уступили ее безъ боя, или, говоря точнѣе, можетъ быть сами того не замѣчая, дали себя съ нея сдвинуть. Само собою разумѣется, что сводъ мѣстныхъ узаконеній *формально* отмѣненъ не былъ; въ дополненіе къ первымъ двумъ частямъ вышедшимъ въ 1845 году, была даже издана третья; но на практикѣ, въ обычномъ дѣлопроизводствѣ, сводъ мѣстныхъ и общихъ узаконеній постепенно вытѣснялся старымъ юридическимъ матерьяломъ, который опять вслилъ на поверхность, и на сей разъ потянулъ за собою давнишніе, международные трактаты, Ништадтскій и Абовскій.

Кампанія противъ свода законовъ ведена была, въ стратегическомъ отношеніи, совершенно правильно. Въ 1865 году, въ Ригѣ и въ Ревелѣ, изданы были сборники Ливляндскихъ и Эстляндскихъ капитуляцій, съ приложеніемъ искусно подобранныхъ выписокъ изъ мѣстныхъ привилегій временъ Польскаго и Шведскаго владычества и нѣсколькихъ статей Ништадтскаго мирнаго договора, заключеннаго въ 1721 году между Россією и Швецією.*) Это было какъ бы отвѣтъ на изданіе мѣстнаго свода: вы (т. е. правительство) подводите итогъ нашему провинціальному законодательству, вводите его въ систему законовъ Имперіи и увѣряете, что наши мѣстные законы, какъ и общіе, заимствуютъ свою силу отъ единой власти Самодержавной;**) а мы возстановляемъ историческую связь своего мѣстнаго права съ источниками не Русскими, при-

*) Die Capitulationen der Livländischen Ritters und Landschaft und der Stadt Riga von C. Schirren (преподавателя Русской исторіи въ Дерптск. Университетѣ). Dorpat 1865. Die Capitulationen der Esthländischen Ritterschaft und der Stadt Reval etc. etc. von Winkelmann. Reval 1865.

**) Сводъ мѣст. узак. Губер. Остзейскихъ. Введеніе ст. 2.

крѣпимъ его, на вѣчныя времена, къ моменту капитуляціи и ставимъ его подъ защиту международныхъ обязательствъ. Такимъ образомъ, сложилось понятіе о „Tractaten und capitulationsmässigen Landesrechte,“ о которомъ такъ много говорятъ новѣйшіе публицисты Балтійскаго края. Изъ этого такъ кстати подновленнаго и всеѣмъ сподручнаго матерьяла, мѣстныя присутственныя мѣста и сословныя представительства, разумѣется, не упустили извлечь для своихъ цѣлей нужную пользу. Въ рѣшеніяхъ судебныхъ инстанцій, въ представленіяхъ городскихъ Магистратовъ, стали появляться ссылки, не только на такъ называемыя привилегіи Польскихъ и Шведскихъ Королей, но и на Ништадтскій и Абовскій трактаты — чего прежде не бывало. Освѣживъ такимъ образомъ свою историческую память и утвердивъ за собою твердый операціонный базисъ, мѣстные юристы приступили къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Началась своего рода *ревизія*,*) съ точки зрѣнія мѣстнаго и международнаго права, всеѣхъ общихъ и частныхъ законовъ изданныхъ Русскимъ правительствомъ и, доголѣ, безспорно примѣнявшихся къ Балтійскому краю. Въ результатѣ оказалось, что почти ни одинъ изъ нихъ не выдерживалъ критики — разумѣется: по увѣренію тамошнихъ ученыхъ и дѣльцовъ; что, на примѣръ, Православная Церковь, безъ явнаго нарушенія утвержденныхъ правительствомъ привилегій и связывающихъ его дипломатическихъ обязательствъ, не можетъ считаться господствующею въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ; что подчиненіе тамошняго мѣстнаго управленія Лютеранской Церкви управленію центральному для всей Имперіи (Генеральной Консисторіи учрежденной въ 1832 году) есть дерзкое нарушеніе неоспоримаго права; что введеніе въ оффиціальное употребленіе Русскаго языка, хотя бы даже

*) „Eine ernste Revision.“ Livil. Beitr. B. I Lief. 1 S. 90.

только въ коронныхъ мѣстахъ, было бы явнымъ отступленіемъ отъ порядка вещей временемъ и самимъ правительствомъ освященнаго; что переносъ, по апелляціи, судебныхъ дѣлъ изъ Балтійскаго края въ Сенатъ не долженъ имѣть мѣста; что подчиненіе Дерптскаго Университета высшему надзору министерства Народнаго Просвѣщенія есть нарушение торжественно гарантированного права Балтійскаго рыцарства; что вообще никакой законъ, составленный безъ участія мѣстнаго дворянства, не долженъ бы имѣть въ Балтійскомъ краѣ обязательной силы и т. д.*) Все эти выводы, мало по малу, переходятъ въ общественное сознаніе и, по мѣрѣ усвоенія ихъ мѣстными сословными представительствами, обращаются въ ходатайства объ устраненіи будто бы несправедливыхъ посягательствъ на историческія особенности края и о восстановленіи въ немъ такъ называемаго правомѣрнаго порядка вещей, иначе: *непрерывности* его публичнаго права, временно разорванной вторженіемъ свода законовъ. Работа эта теперь въ полномъ ходу, а мы какъ будто и не подозреваемъ съ какою дѣлюю она производится — точно Ташкентцы хлопавшіе глазами въ то время какъ Русскіе вели свои траншеи. Мало того, съ нашей стороны было уже сдѣлано нѣсколько важныхъ уступокъ, болѣе чѣмъ достаточныхъ для поддержанія охоты продолжать работу и вести ее до конца, до расторженія всякой связи между мѣстнымъ законодательствомъ и общимъ для всей Имперіи. Въ этомъ отношеніи, сдѣланный нами понятный шагъ такъ очевиденъ, что Балтійскіе публицисты даже не скрываютъ побѣды одержанной мѣстнымъ провинциализмомъ на попримѣ права. Вотъ, на примѣръ, какую силу бывший вице-президентъ Гюггерихта придаетъ теперь словамъ Высочайшихъ подтвердительныхъ грамотъ,

*) Livl. Beitr. B. I Lief. 1 S. 35, 37, 39. Lief. II S. 117. Lief. III S. 259.

опредѣляющихъ отношеніе мѣстныхъ законовъ къ общимъ: „формула: *елико сообразны оны* (мѣстныя права и установленія) *съ общими государства Нашего постановленіями и законами*“ — говорить оны — „введена, въ отѣну прежней, невинной (*unverfänglich*) формулы, только въ 1803 году и не имѣть никакого практическаго значенія (*keinen praktischen Sinn*); притомъ, все Динляндцы столь благородны (*loyal*) и такъ глубоко проникнуты чувствомъ всеѣмъ имъ прирожденнаго уваженія къ величію и достоинству власти, что въ первой, то есть новѣйшей формулѣ, они *ничего болѣе не хотятъ видѣть* какъ простое изобрѣтеніе Императорской Канцеляріи, просмотрѣнное Государемъ, и потому охотно даютъ вѣру распространенію въ 1803 году по всей Динляндіи слуху, что введеніемъ этой формулы, одинъ изъ тогдашнихъ высоко поставленныхъ чиновниковъ отомстилъ рыцарству, отказавшему ему въ денежномъ вымогательствѣ.“*) — Такъ какъ наши Государя самолично не занимаются редакціею законовъ, а возлагаютъ эту работу на свою канцелярію, или на государственныя совѣты, то понятно, что усвоивъ себѣ такого рода обращеніе съ словами *обожаемыхъ* Балтійскимъ рыцарствомъ Монарховъ, то есть рѣшившись выдавать за подлогъ, или за грязную канцелярскую продѣлку, все что въ оффиціальномъ выраженіи Высочайшей воли и мысли не подходитъ подъ мѣстныя возрѣнія, ничего не стоить перешагнуть черезъ любой законъ. Далѣе, мы узнаемъ, что извѣстный Балтійскій юристъ Бунге, участвуя какъ членъ комиссіи въ составленіи 3^{ей} части свода мѣстныхъ узаконеній, долженъ былъ *подчиниться давленію какой то*

*) Livl. Beitr. V. I Lief. 1 S. 108. Сказаніе это уже потому невѣроятно, что Балтійское рыцарство и тамошніе города никогда никому не отказывали во взяткахъ, даже навязывали ихъ, за что неоднократно объявлялись имъ Высочайшіе выговоры. Не менѣе того, любопытно бы было узнать кого въ этомъ случаѣ обносили *der loyale Baltiker*?

незримой, враждебной силы (подъ руководствомъ покойнаго Графа Д. Н. Блудова!) и одобрить, *противъ совѣсти*, одну изъ статей этого свода; что этимъ онъ запятналъ свое доброе имя; что степень примѣнимости свода законовъ Имперіи къ Балтійскому краю есть *вопросъ* и предметъ спора, все еще продолжающагося между дѣльцами этого края и государственными людьми Имперіи;*) что впрочемъ, и независимо отъ этого обстоятельства, даже *нравственный* кредитъ свода, въ Остзейскихъ губерніяхъ, *окончательно подорванъ.****) Нельзя не прибавить, что примѣры безцеремоннаго съ нимъ обращенія приводимые самимъ авторомъ „Лифляндскихъ вкладовъ“ подтверждаютъ какъ нельзя лучше его слова. Какъ заявленіе факта, они неоспоримы. Приобрѣтеніе ли это для Россіи или потеря?— пусть судятъ читатели.

II.

Перейдемъ къ другому явленію. Движеніе крестьянъ изъ Лютеранства въ Православіе, начавшееся въ 1841 году, въ то время насильственно подавленное экзекуціями, и четыре года спустя съ такою силою возобновившееся, съ 1848 года совершенно прекратилось. Это было заявлено Княземъ Суворовымъ, въ одномъ изъ первыхъ его всеподданнѣйшихъ отчетовъ, и съ нѣкоторымъ даже торжествомъ; но въ то время, главное мѣстное начальство подавало по крайней мѣрѣ надежду, что новообращенные

*) А ужъ протекло болѣе полутораста лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ Балтійскій край вошелъ въ составъ Имперіи, и болѣе двѣнадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ изданъ томъ мѣстнаго свода, въ которомъ этого вопроса подожгательно и ясно разбирается. Ктобъ этому повѣрять?

**) Livl. Beitr. B. I. Lief. I S. 100, 102. Lief. III S. 49.

укрѣпляется въ своей вѣрѣ и что приложена будетъ заботливость объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ повонасажденной паствы. Къ сожалѣнію, ни одна изъ этихъ надеждъ не сбылась. Отводъ мѣстъ для устройства Православныхъ Церквей встрѣтилъ со стороны владѣльцевъ систематическое противодѣйствіе, засвидѣтельствованное самимъ Княземъ Суворовымъ, и котораго онъ не одолѣлъ. Сооруженіе храмовъ подвигалось и теперь подвигается чрезвычайно медленно, а работы производятся такъ небрежно, что тотчасъ по сдачѣ новоотстроенной Церкви, требуются значительныя суммы на ея ремонтъ. До сихъ поръ еще, въ 45 приходахъ, Православное Богослуженіе совершается въ наемныхъ, полуразвалившихся сараяхъ и овинахъ, продуваемыхъ вѣтрами и пробиваемыхъ дождемъ и снѣгомъ. Эта жалкая внѣшняя обстановка Церкви, по оффиціальной терминологіи *господствующей*, а по мѣстной терминологіи *Русской* или *Царской*, подвергаетъ Православную паству въ горькое уныніе, а иновѣрцами усердно разрабатывается какъ неистощимая тема глумленія и попрековъ. Графъ Бобринскій, въ 1846 году, по Высочайшему повелѣнію объѣхавшій нѣкоторые изъ Лифляндскихъ приходовъ для изслѣдованія положенія Православныхъ Латышей, живыми красками описалъ лишенія всякаго рода, которымъ подвергается въ томъ краѣ наше сельское духовенство, далеко недостаточное число священниковъ, по огромному протяженію приходовъ, и происходящее отъ этого отсутствіе живаго общенія между сельскимъ Православнымъ духовенствомъ и поселянами. Въ заключеніе рапорта поданнаго имъ на Высочайшее имя, онъ говоритъ: для поддержанія Православія въ Лифляндіи оставалось бы одно средство, а именно: поднять всѣ учрежденія нашей Церкви, всю обстановку ея, на одну высоту съ Лютеранскими; къ несчастію, это средство потребовало бы огромныхъ расходовъ, а успѣхъ былъ бы

теперь весьма сомнителенъ, послѣ *девятнадцатилѣтняго упущенія по этой части* (nach der versäumten Zeit der letzten 19jährigen Periode).*) Вотъ вамъ и характеристика разсматриваемаго нами періода, сдѣланная лицомъ, котораго ни князь Суворовъ, ни Баронъ Ливенъ, вѣроятно, не обвинять въ пристрастіи.

Въ Лифляндіи ходитъ слухъ, будто бы Преосвященный Платонъ, докладывая Государю Императору объ этихъ обстоятельствахъ, просилъ и убѣдилъ Его поднять Православіе въ глазахъ мѣстнаго народонаселенія, выстроивъ гдѣ нибудь въ Балтійскомъ краѣ хоть одну Церковь, но непосредственно отъ себя и на свой счетъ — это говорятъ Православные священники — но будто бы, въ послѣдствіи, Государь Императоръ отмѣнилъ свое намѣреніе, услышавъ, что исполненіе его было бы сочтено за пропаганду и могло бы возобновить движеніе крестьянъ — такъ повѣствуютъ Лютеране. Я привожу этотъ слухъ, нисколько не ручаясь за его достовѣрность, только какъ черту характеризующую настроеніе края и положеніе занимаемое въ немъ Церковью, по официальной терминологіи господствующей.

Новообращенные Латыши и Эсты не только не укрѣпились въ своей вѣрѣ (какъ обнадѣживалъ Князь Суворовъ въ 1848 году) а напротивъ, по свидѣтельству Графа Бобринскаго, относятся къ ней теперь, не только равнодушно, но враждебно, и умоляютъ Государя о разрѣшеніи перейти обратно въ Лютеранство. Что они рано или поздно получатъ его — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; по крайней

*) Livl. Weis. V. I. Bef. I S. 55. Я цитую по Пѣмецкому печатному переводу, такъ какъ подлиннаго рапорта Графа Бобринскаго я не читала. У насъ, въ Россіи, онъ почти никому неизвѣстенъ; но за то, вся Германія теперь знаетъ его.

мѣрѣ нельзя себѣ представить какимъ бы образомъ правительство могло имъ въ этомъ отказать.*)

Итакъ, въ продолженіи какихъ нубудь 12—15 лѣтъ, духъ мѣстнаго сельскаго народонаселенія совершенно измѣнился. Въ 1846 году, крестьяне толпами валили въ полуотверзтые врага Церкви и нануганная полиція съ трудомъ ихъ удерживала; тѣперь Церковь имъ опротивѣла и они ломаются изъ нея вонъ. Пока совершался этотъ странный переворотъ въ понятіяхъ полутороста тысячъ душъ, его не замѣчалъ ни Князь Суворовъ ни Баронъ Ливенъ; по крайней мѣрѣ, сколько мнѣ извѣстно, ни тотъ ни другой объ этой мелочи не доводилъ до свѣдѣнія высшаго правительства; да и къ чему? На случай запроса было подготовлено объясненіе, которымъ, какъ послѣ оказалось, всѣ удовлетворились. Намъ говорятъ: крестьянъ *соблазняли* къ переходу въ Православіе священники и какіе то тайные агенты, не безъ вѣдома и участія правительства сулившіе имъ всякаго рода мірекія выгоды; но возбужденныя надежды не сбылись и, какъ скоро эта некускусенная агитация была прекращена, такъ естественно обнаружилось въ разочарованныхъ жертвахъ подговора тягѣтѣніе къ прескней, родной вѣрѣ, отъ которой онѣ внутренно никогда не отрекались. Въ этомъ смыслѣ написано было безчисленное множество записокъ, отчетовъ

*) Я утверждаю, что послѣдуетъ разрѣшеніе невозбраннаго перехода изъ Православія въ Лютеранство не потому только, что этого домогается Ливляндское дворянство, которому никогда и ни въ чемъ не бываетъ отказовъ, но еще и потому, что уголовныя преслѣдованія за вѣроотступничество составляютъ пятно безобразящее наше теперешнее законодательство гражданское и, *въ особенности, Церковное*. Съ понятіемъ о вѣроисповѣданіи *господствующемъ, въ смыслѣ нашихъ законовъ*, можетъ еще мириться государство; но Церковь, по самому существу своему, не должна бы была допускать его. Впрочемъ, о томъ чѣмъ дѣлать съ новообращенными въ Ливляндіи и при какихъ условіяхъ могли бы быть отмѣнены карательныя мѣры за отступничество отъ Православія будетъ подробно говорено въ 3мъ или 4мъ выпускѣ настоящаго изданія.

и допесней, не говоря уже о печатныхъ статьяхъ; это твердили въ одинъ голосъ Лютеране, въ продолженіи двадцати восьми лѣтъ, въ этомъ созналось официально Министерство Внутреннихъ Дѣлъ;*) этому повѣрило все наше высшее общество; говорятъ: повѣриль и Государь Императоръ; а всѣтаки это обманъ. На сей разъ, я ограничусь краткимъ указаніемъ на дѣйствительную причину отпаденія крестьянъ отъ Православія, предоставляя себѣ, въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ, развить эту тему подробнѣе и обставить ее всѣми нужными доказательствами.

Покойный Императоръ, при всей односторонности нѣкоторыхъ своихъ убѣжденій, несомнѣнно обладалъ способностью, безъ которой нельзя быть историческимъ дѣятелемъ: онъ вѣрно угадывалъ инстинкты народныхъ массъ и, въ этомъ отношеніи, стоялъ безконечно выше всего своего правительства. Когда движеніе изъ Лютеранства въ Православіе охватило Лифляндію, онъ и онъ одинъ понялъ, что это была не искусственная агитація и не случайная вспышка, а историческая тяга цѣлаго народа къ Россіи, въ основныхъ своихъ побужденіяхъ совершенно свободная (*spontanée*), исходившая изъ неудовлетворенныхъ духовныхъ потребностей, и, въ тоже время, изъ глубокаго недовольства всею внѣшнею обстановкою тогдашняго крестьянскаго быта. Не смотря на всѣ наговоры и на всѣ старанія Барона Палена запугать высшее правительство, покойный Государь не остановилъ движенія, но захотѣлъ, чтобы оно само собою очистилось, такъ, чтобы крестьяне, не слыша съ одной стороны никакихъ соблазнительныхъ подговоровъ къ переходу, съ другой: не встрѣчая ни помѣхъ ни противодѣйствій, могли совершенно

*) Покойный С. С. Ланской, или точнѣе директоръ написавшій для него бумагу по дѣлу о пасторскихъ повинностяхъ, и поэтѣ П. А. Волгевъ.

свободно чинить выборъ между двумя вѣроисповѣданіями. По его мысли, правительство должно было оставаться неутральнымъ, охраняя лишь виѣшній полицейскій порядокъ. Въ этомъ смыслѣ были составлены, въ руководство мѣстнымъ властямъ, правила неоднократно пополнявшіяся и въ сущности сводившіяся къ слѣдующимъ: никому не возбраняеть перехода въ Православіе, предварительно удостовѣрившись (насколько это доступно правительству) въ искренности побужденій; за переходъ въ Православіе не награждать никакими мірскими выгодами; но наблюдать также, чтобъ и на оборотъ, переходъ не подавалъ повода къ отпятию у новообращающихся тѣхъ выгодъ, которыми они прежде пользовались. Все это было прекрасно въ теоріи, но, къ сожалѣнію, свидѣтельствовало о совершенномъ незнакомствѣ съ дѣйствительнымъ положеніемъ края. Упущено было изъ виду одно обстоятельство, а именно: что такъ какъ обращеніе крестьянъ въ Православіе грозило подорвать въ самомъ корнѣ владычество Нѣмецко-Лютеранской колоніи, то ни одно изъ первенствующихъ сословій, изъ которыхъ набирался и набирается весь мѣстный правительственный штатъ, не останется неутральнымъ; что между всѣми пасторами, всѣми помѣщиками, всѣми полицейскими чиновниками, администраторами и судьями, естественнымъ образомъ, составитъ стачка, которой никакая сила не будетъ въ состояніи разбить, и что эта антиправославная коалиція, имѣя въ своихъ рукахъ проповѣдь, полицію, патримональную и правительственную, суды и даже военную силу, располагала средствами болѣе чѣмъ достаточными, чтобъ застрашать крестьянъ и подавить движеніе. Съ другой стороны, для противодѣйствія грозному Нѣмецко-Лютеранскому заговору, былъ Православный Архіерей, жившій на своемъ Рижскомъ подворьѣ, и десятокъ священниковъ, объѣзжавшихъ край въ сопровожденіи и подъ надзоромъ мѣстныхъ полицейскихъ чи-

новниковъ, разумѣется: Ливляндцевъ и Лютеранъ. Собственно неутраченнымъ оставался одинъ Генераль-губернаторъ, изолированный въ своемъ замкѣ, имѣвшій при себѣ не болѣе трехъ или четырехъ Русскихъ чиновниковъ, на которыхъ онъ могъ полагаться, со всѣхъ сторонъ опутанный интригою, безъ глазъ, безъ ушей, безъ рукъ, и въ добавокъ, ежечасно ожидавшій, что козни, ковавшіеся противъ него въ Петербургѣ, сломятъ ему шею. Наконецъ, и заступничество главнаго мѣстнаго начальника края, съ назначеніемъ князя Суворова, измѣнило Православію. Это было неминуемо и не могло быть иначе; ибо пельзя же было требовать отъ человѣка, чтобъ онъ принялъ горячо къ сердцу интересы вѣроисповѣданія, которое, по его убѣжденію, внутреннему ему Пѣмецкою интригою, водворено было въ край безчестными подкупами и поддерживалось насиліемъ. Итакъ, первая половина инструкціи покойнаго Государя выполнена была въ точности; присоединившіеся къ Церкви ничего не приобрѣли; вторая же половина осталась мертвою буквою; ибо, отказавшись отъ *дѣятельнаго* покровительства Православію, высшее правительство развязало руки *дѣятельной* пропагандѣ антиправославной и, тѣмъ самымъ, нарушило то равновѣсіе между двумя вѣроисповѣданіями, о поддержаніи котораго оно такъ усердно заботилось. Новообращенные были, въ буквальномъ смыслѣ слова, выданы головою сложившейся противъ нихъ коалиціи, разорены и замучены помѣщиками, осмѣяны и обруганы пасторами,*) и все это почти всегда въ предѣлахъ закона, болѣе или менѣе правильно примѣняемаго и толкуемаго, по крайней мѣрѣ безъ слишкомъ явнаго его нарушенія. Можно было заранѣе предсказать, что не всѣ Латыши и Эсты окажутся призван-

*) Это будетъ доказано въ особой статьѣ о Православіи въ Ливляндіи, свидѣтельствами Лютеранскаго духовенства и мѣстныхъ Генераль-губернаторовъ, въ томъ числѣ и Князя Суворова.

ными къ мученичеству. Одинъ изъ Балтійскихъ публицистовъ объявляетъ съ торжествомъ, что Православная паства въ Ливляндіи находится теперь въ полнѣйшемъ разложеніи — *in voller innerer Auflösung begriffen*; другой замѣчаетъ съ пропіею, что наша Церковь, не смотря на жалкую ея обстановку, всётаки не украсилась ореоломъ мученичества. Предположимъ, что это правда; но каково же слышать, что такой опытъ производился надъ Церковью, по официальной терминологіи *господствующею*, въ продолженіи цѣлаго двадцатилѣтія, въ Россіи, подъ крыломъ правительства и въ виду Православнаго общества?

III.

Чтобъ заставить Латышей и Эстовъ, въ простотѣ своей считавшихъ Православіе за вѣру дѣйствительно господствующую во всей Имперіи, разувѣриться въ этомъ на опытѣ и горько покаяться въ своемъ заблужденіи — на то имѣлись на мѣстахъ средства разнообразныя и болѣе чѣмъ достаточныя; но нужно было, возбудивъ обратное стремленіе въ Лютеранство, довести дѣло до конца, а именно: испросить для Православныхъ Латышей и Эстовъ разрѣшенія невозвратнаго перехода изъ Церкви въ Протестанство. Объ этомъ Лютеранское духовенство и Ливляндское дворянство начали хлопотать съ 1864 года. Надежные люди оцупали почву въ Петербургѣ, но встрѣтили препятствія, повидимому, неодолимыя. Пришлось обойти ихъ, отказаться, хоть на время,*) отъ вышшняго

*) Я говорю на время, потомучто ходатайство возобновится, только съ другаго конца. Балтійскіе публицисты теперь такъ увѣрены въ своей силѣ, что даже не берутъ на себя труда маскировать закладываемыя ими батареи. До сихъ поръ, за крестьянъ принявшихъ Православіе, говорили и просили представители дворянства; теперь хотятъ побудить *самихъ крестьянъ* обра-

поколѣнія, то есть отъ принявшихъ Православіе, и ограничиться отвоеваніемъ для Протестантства будущихъ поколѣній. Достигнувъ этого, можно бы было, съ точностью почти математическою, опредѣлить тотъ годъ, въ который Православіе окончательно вымретъ въ Лифляндіи. Такова была настоящая цѣль настойчиваго ходатайства объ отмѣнѣ общаго закона, въ силу котораго дѣти рождающіеся отъ браковъ иновѣрцевъ съ Православными, должны быть крещаемы и воспитываемы въ Православной вѣрѣ. Къ этой цѣли присоединялась другая. Выше было сказано, что по Балтійской теоріи, тамошняя Лютеранская Церковь считаетъ себя (на основаніи Пинштатскаго трактата) господствующею въ предѣлахъ Лифляндіи и Эстляндіи, или, по крайней мѣрѣ, равноправною съ Православіемъ, и, во всякомъ случаѣ, совершенно самостоятельную, то есть не состоящую ни въ какой связи съ Лютеранскою Церковью въ другихъ областяхъ Имперіи. По той же теоріи, Лютеранская Церковь въ Балтійскомъ краѣ признаетъ свое фактическое подчиненіе Генеральной Консисторіи вопіющимъ нарушеніемъ своихъ правъ. Это считается на мѣстахъ вопросомъ окончательно разъясненнымъ и рѣшеннымъ, *eine erwiesene Thatsache*. Когда дворянство и духовенство положили, по общему соглашенію, возбудить вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ, имъ пришлось учинить выборъ между двумя путями; можно было предъявить ходатайство объ отмѣнѣ общаго закона въ пользу Лютеранъ вообще, и можно было ходатайствовать объ отмѣнѣ его только въ предѣлахъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи. Первое было бы очевидно гораздо логичнѣе и согласнѣе съ соображеніями духовнаго свойства; но второе представляло

тяться непосредственно къ высшему правительству и, для этого, рассчитываютъ воспользоваться введенными въ последнее время водостными обществеными учрежденіями. Это пишетъ кто то изъ Лифляндіи издателью Ливл. вкладовъ. Livl. Beitr. V. II Lief. 1 S. 36.

въ томъ отношеніи выгоду, что одно выпрошенное изъятіе изъ общаго закона въ пользу *местной* Балтійской Церкви было бы первымъ шагомъ къ постепенному отрѣшенію ея отъ Лютеранской Церкви въ предѣлахъ всей Имперіи, и, въ послѣдствіи, послужило бы основаніемъ для дальнѣйшихъ домогательствъ клонящихся къ той же цѣли. Послѣ долгихъ объ этомъ преній, положено было дать предпочтеніе второму способу; слѣдовательно: повести атаку единовременно противъ уставовъ Православной Церкви и противъ общаго учрежденія о Лютеранской Церкви въ предѣлахъ Имперіи, причемъ, возбудивъ вопросъ на почвѣ мѣстныхъ привилегій, перенести его, нечувствительнымъ образомъ, въ область международнаго права, связавъ наглухо Прибалтійскія учрежденія съ Ништатскимъ трактатомъ. По этой программѣ, избранные дѣльцы припились за дѣло; но само собою разумѣется, что объ этихъ своихъ видахъ, ни Лифляндское дворянство, ни агенты его, ни служившая имъ пресса, слишкомъ громко и ясно до поры до времени не говорили. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, государственные саповники, на покровительство которыхъ возлагалась главная надежда, послѣдовали тойже системѣ благоразумной осторожности — дѣло, какъ видно, находилось въ надежныхъ рукахъ. По общему соглашенію, выкинуто было знамя свободы въ дѣлахъ совѣсти, *der Gewissensfreiheit*; но такъ какъ трудно было предположить, чтобы правительство, еслибъ оно захотѣло усвоить себѣ это высокое начало, вздумало примѣнить его только къ Лютеранству и притомъ только въ территоріальныхъ границахъ трехъ Балтійскихъ губерній, то пришлось всю аргументацію въ пользу свободы совѣсти извлечь изъ арсенала Балтійскихъ юридическихъ актовъ XVII и XVIII вѣковъ, иными словами: вычитать въ нихъ то, чего въ нихъ не было, что даже никогда и на умъ не приходило ни тѣмъ кто ихъ выпрашивалъ, ни тѣмъ кто ихъ выдавалъ,

наконецъ то, отъ чего бы отступились съ ужасомъ прадѣды и дѣды нынѣшнихъ бароновъ, настояще, корешастые Протестанты XVIII вѣка. Сообразивъ трудность этой задачи, нельзя не подивиться мастерству, съ которымъ всдена была вся эта интрига, увѣнчавшаяся наконецъ, послѣ неоднократныхъ отказовъ, всемиловѣйшимъ разрѣшеніемъ предъявленнаго ходатайства, въ томъ именно смыслѣ какого домогались просители. Тайна была соблюдена до конца; никто изъ посвященныхъ не проговорился; затѣявъ дѣло, мѣстныя сословія благоразумно притихли и пустили впередъ своихъ могучихъ ходатаевъ, изъ числа Православныхъ; всякое серьезное обсужденіе вопроса было предупреждено. Въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ, я разберу какъ сущность такъ и самый ходъ этого дѣла, теперь во всей подробности передъ нами раскрытый, благодаря болтливости издателя „Лифляндскихъ вѣладовъ“ а на сей разъ ограничусь указаніемъ на достигнутые результаты. Свобода совѣсти ничего не выиграла и мы отъ нея также далеки теперь какъ и прежде; но въ то самое время когда вся система высшаго управленія, повидимому, клонилась къ скрѣпленію пограничныхъ областей Россіи съ ея средоточіемъ, Балтійскому краю удалось выхлопотать себѣ очень важное изъятіе изъ общихъ законовъ, издавна дѣйствовавшихъ въ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерніяхъ, новую, мѣстную *привилегію*, въ полномъ значеніи этого слова (*eine territoriale Bekenntnisfreiheit, als eine dem Boden der deutschen Ostseeprovinzen beiwohnendes Realrecht*) и сдѣлать рѣшительный шагъ впередъ, конечно не направленный не къ Россіи, а отъ Россіи къ Финляндіи. Побѣда одержанная въ этомъ случаѣ Балтійско-Лютеранскимъ провинціализмомъ тѣмъ знаменательнѣе, что отмена закона о предбрачныхъ обязательствахъ, въ той формѣ въ которой она послѣдовала, объявлена и приведена въ дѣйствіе, заключала въ себѣ,

во первых: отступление отъ общаго порядка производства законодательныхъ дѣлъ; во вторыхъ: подразумѣваемое признаніе независимости мѣстной Лютеранской Церкви Балтійскаго края отъ общаго управленія Лютеранскою Церковью въ предѣлахъ Имперіи;*) въ третьихъ: такое оказательство пренебреженія къ законному представительству Православной Церкви и такое безцеремонное нарушеніе ея правилъ, какого она не испытывала даже во времена Петра I^о.

IV.

Устройство хозяйственнаго быта поселянъ въ Балтійскомъ краѣ составляло, начиная съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, предметъ почти непрерывныхъ заботъ правительства. Припоминая множество произведенныхъ

*) Замѣчательно, что когда состоялось Высочайшее повелѣніе 14го Мая 1866 года о крещеніи дѣтей рождающихся отъ смѣшанныхъ браковъ въ Ливляндіи, оно было немедленно сообщено *Лифляндской* Консистеріи, а *Генеральной* Лютеранской Консистеріи, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ даже и не поставилъ объ этомъ въ извѣстность, точно какъ будто бы дѣло до нея не касалось. Сама Генеральная Консистерія должна была испросить себя сообщенія упомянутаго Высочайшаго повелѣнія и, получивъ его, свеслась уже отъ себя съ Ливляндскою Консистеріею, причѣмъ не упустила намекнуть ей, что это только *почти*, или первый шагъ, подающій поводъ ожидать дальнѣйшихъ. Въ отношеніи ея отъ 7 Января 1866 за №. 17 мы читаемъ: „будемъ твердо стоять въ молитвѣ и въ соблюденіи существующихъ законовъ, даже тѣхъ, которые и теперь еще составляютъ для насъ тягость . . . будемъ выжидать пока Господу угодно будетъ даровать намъ дальнѣйшее исполненіе нашихъ молитвъ (Livl. Beitr. B. I Lief. II S. 229, 231, 232). Какія теперь выдвинуты будутъ домогательства, намъ уже заранѣе объявлено: разрѣшеніе перехода изъ Православія въ Лютеранство, провозглашеніе независимости мѣстной Лютеранской Церкви отъ Генеральной Консистеріи и т. д. Издатель Ливл. вкладовъ не даромъ заявляетъ, что испрошенное Высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ предбрачныхъ подписокъ хорошо собственно тѣмъ, что въ немъ содержится подразумѣваемое (*implicito*) признаніе *территориальнаго* (т. е. мѣстнаго) Церковнаго права. (Livl. Beitr. B. I Lief. II S. 57, 58.)

по его порученію изслѣдованій, учрежденныхъ имъ всякаго рода комиссій, массу написанныхъ для него прозковъ и одновременно изданныхъ отъ имени его положеній, нельзя, по истинѣ, не придти въ восхищеніе отъ необыкновенной дѣятельности по этой части выказанной; къ сожалѣнію, вематриваясь въ ея результаты, нельзя также не изумиться поразительной ея безплодности. Да еще хорошо коли бы только *безплодности*, но и это выраженіе не вполнѣ точно; ибо на практикѣ, каждый разъ выходили результаты прямо противоположныя намѣреніямъ и видамъ правительства. Теперь, Балтійскіе публицисты считаютъ крестьянскій вопросъ окончательно рѣшеннымъ и навсегда закрытымъ; таково же убѣжденіе мѣстнаго дворянства, но крайней мѣрѣ, оно старается увѣрить въ этомъ себя и Россію; наконецъ, само высшее правительство, по видимому, держится того же мнѣнія. Тяжелый камень приваленъ, казенная печать приложена, у камня стоитъ недремлющая кустодія и, едва едва, доходитъ до слуха жалобный стонъ заживо замуравленного народа. А вопросъ всётаки не разрѣшенъ, онъ только окончательно испорченъ.

Въ послѣднее двадцатилѣтіе; отъ 1848 по 1868 годъ, издано было правительствомъ, частью для всѣхъ трехъ Балтійскихъ губерній, частью для каждой изъ нихъ порознь, не менѣе одиннадцати капитальныхъ положеній,*) касающихся разныхъ сторонъ крестьянскаго быта, не счи-

*) Для Ливляндіи: Уложеніе о крестьянахъ 9 Июля 1849 и 13 Ноября 1860; для острова Эзеля: положеніе 19 Февраля 1865; для Эстляндіи: положеніе 5 Июля 1865, правила въ измѣненіе и отмену многихъ статей его 23 Января 1859, правила о вознагражденіи хозяевъ удаляемыхъ изъ ихъ усадебъ 18 Февр. 1866; для Курляндіи: положеніе 6 Сент. 1863; общія для трехъ губерній положенія: объ отлучкахъ и перечисленіяхъ крестьянъ 9 Июля 1863, объ устройствѣ волостей 19 Февраля 1866, объ общественномъ *благоустройствѣ* (значитъ благоустройствѣ) въ волостяхъ 18 Июля 1866: о видахъ и мѣрѣ наказаній налагаемыхъ волостными и приходскими судами 5 Ноября 1866 года и т. д.

та и множества Высочайшихъ повелѣній и указовъ относящихся до отдѣльныхъ, болѣе специальныхъ предметовъ, ни цѣлаго ряда мало у насъ извѣстныхъ инструкцій и регламентовъ, изданныхъ на мѣстахъ, въ поясненіе, дополненіе и, очень нерѣдко, въ искаженіе и отъѣну дѣйствующихъ законовъ. Ближайшими поводами къ составленію большей части исчисленныхъ положеній, были опасенія за спокойствіе края, неудовольствіе поселянъ, начинавшіеся между ними волненія и дознанная неудовлетворительность ихъ быта; каждому приступу къ преобразованію его предшествовала строгая критика прежнихъ законодательныхъ мѣръ, приводившая къ чистосердечнымъ признаніямъ въ учиненныхъ ошибкахъ, и, каждый разъ, правительство, въ новыхъ своихъ положеніяхъ, не только впадало въ прежнія ошибки, но нерѣдко даже усугубляло ихъ. На практикѣ, обнаруживались явленія еще болѣе невѣроятныя; чѣмъ громче оглашались такъ называемыя „великодушныя пожертвованія дворянства“ чѣмъ торжественнѣе объявлялись крестьянамъ новыя, такъ называемыя „благодѣянія“ долженствованія даровать имъ счастье, тѣмъ бѣдственнѣе и безвыходнѣе становилось ихъ положеніе. Дѣло доходило до того, что окончательно осчастливленные поселяне, возчувствовать полновѣность наващшаго на нихъ благополучія, съ отчаяніемъ, бросали свою родину и собирались уходить на Амуръ или за Волгу, а иногда даже встрѣчали съ кольями воинскія команды, приносившія имъ на штыкахъ своихъ давно ожидаемыя улучшенія.*) На всё этого рода явленія у Балтійскаго дворянства имѣется издавна приращенное объясненіе, то самое, которымъ Поляки объясняютъ теперь жалобы Русскихъ въ Галиціи, а Венгерцы неудовольствіе южныхъ Австрійскихъ Славянъ:

*) Какъ на пр. въ Эстляндіи, при обнародованіи и введеніи въ дѣйствіе положенія 1856 года.

„зломанѣренныя подстрекатели — вотъ и все!“ Кажется однако, что мы уже на столько успѣли присмотрѣться у себя дома къ ходу крестьянскихъ дѣлъ вообще, что пора бы было перестать морочить насъ этимъ ничего не объясняющимъ объясненіемъ.

Намѣреваясь посвятить одинъ изъ послѣдующихъ выпусковъ (а можетъ быть и нѣсколько выпусковъ) подробному изслѣдованію крестьянскаго вопроса въ Балтійскихъ губерніяхъ, я ограничусь теперь указаніемъ на главные моменты ея развитія въ послѣдніе истекшіе года, причемъ однако, для ясности, долженъ буду упомянуть вкратцѣ о законодательныхъ мѣрахъ прежняго времени.

Въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, Императоръ Александръ I, убѣдившись въ крайне бѣдственномъ положеніи Ливляндскихъ и Эстляндскихъ крестьянъ и усмотрѣвъ, что упадокъ ихъ благосостоянія произошелъ, главнѣйшимъ образомъ, отъ того, что съ теченіемъ времени, коренное положеніе изданное и введенное Шведскимъ правительствомъ для обеспечения хозяйственнаго ихъ быта,*)

*) Правилами этого *строго обязательнаго* положенія такъ мало стѣснялись въ Ливляндіи и Эстляндіи въ первой половинѣ прошлаго вѣка, а нашему правительству онѣ были такъ мало извѣстны, что въ 1739 году, на запросъ Юстицъ-Коллегіи о правахъ помѣщиковъ по отношенію къ ихъ крестьянамъ, Андрей Розенъ, отъ имени Ливляндскаго дворянства, могъ позволить себѣ, не боясь быть уличеннымъ въ обманъ, отвѣтить, что помѣщики, располагая личностью и всѣмъ имуществомъ своихъ крестьянъ какъ полное и неограниченное своею собственностью, могли облагать ихъ всякаго рода повинностями по своему усмотрѣнію; что, хотя и существовали опредѣленія о размѣрѣ барщины и даней, но эти опредѣленія исходили отъ доброй воли самихъ помѣщиковъ (aus blosser Willkühr der Herrschaft) однакъ не имѣли въ отношеніи къ нимъ обязательной силы и нѣсколько не отнимали у нихъ права переступить установленный размѣръ повинностей (es ist die Masse der Gerechtigkeit und deren Dienste nicht etwa als nicht zu überschreiten seiender Anschlag von einer Landes-Herrschaft vorgeschrieben) и, наконецъ, что установленія Шведскаго правительства о повинностяхъ имѣли исключительную цѣль обеспечение казеннаго интереса, то есть оцѣнку податной единицы, но не давали крестьянамъ никакихъ правъ и ни въ чемъ не стѣсняли полновластія помѣщиковъ. (Hermes oder kritisch. Jahrbuch der Literatur 3. 1821 über

пришло въ забвеніе, рѣшился возстановить главныя основанія этого положенія, а именно: предоставить крестьянамъ неотъемлемое право наследственного пользованія землею, издревле носившею названіе крестьянской, и опредѣлить обязательными правилами виды и размѣръ ихъ повинностей, по количеству и по степени производительности отведенной имъ земли. Въ этихъ видахъ, изданы были такъ называемые регулятивы для Эстляндіи въ 1802 и 1805 годахъ, а для Лифляндіи подробное положеніе 1804 года. Путь избранъ былъ на сей разъ самый вѣрный и нѣтъ сомнѣнія, что при нѣкоторой настойчивости, имѣя готовую точку опоры въ прежнихъ, по своему времени образцовыхъ Шведскихъ законахъ, правительство достигло бы своей цѣли, по крайней мѣрѣ, положило бы прочное основаніе дальнѣйшему, нормальному развитію крестьянской реформы. Но именно потому то мѣстное дворянство и признало нужнымъ сманить его на другую дорогу, развернувъ передъ нимъ знамя въ то время моднаго либерализма, и, забѣжавъ такъ сказать впередъ, мнимымъ отреченіемъ отъ крѣпостнаго права на личность, побудить верховную власть отказать отъ своихъ начинаній. Этотъ ловкій маневръ удался какъ нельзя лучше. Въ 1816, 1817 и 1819 годахъ, крестьяне трехъ Балтійскихъ губерній признаны были номинально свободными, безъ права выхода изъ губерній, къ которой они были приписаны, съ крайне стѣснительными ограниченіями права перечисленія въ города и въ другія сельскія общества, съ полнымъ подчиненіемъ волостнаго общественнаго управленія вотчинной кошторѣ, и съ оставленіемъ за помѣщикомъ или за его повѣреннымъ прежняго произвола, подѣ

die neuerlich begründete Bauernfreiheit in den Russ. Ostseeprovinz. No. 7). Вотъ каковы справки доставляемыя представителями Балтійскихъ сословій изъ архива ихъ привилегій.

названіемъ вотчинной или мызной полиціи, то есть домашней расправы надъ крестьянами. Въ то же время, однимъ почеркомъ пера, были упразднены: во первыхъ, исторически выработавшеся и только что передъ этимъ законодательнымъ порядкомъ признанное поземельное право крестьянъ (разумѣя подъ этимъ право наследственнаго пользованія землею носившее названіе крестьянской) и, во вторыхъ, всякое законное ограниченіе размѣра крестьянскихъ повинностей отбываемыхъ въ пользу помѣщика. Такимъ образомъ, обеспеченіе крестьянъ землею, безъ которой они не могли жить, равно какъ и опредѣленіе барщины или оброка предоставлены были такъ называемому *полюбовному соглашенію* поселенцевъ и помѣщиковъ, какъ сторонъ будто бы равноправныхъ и другъ отъ друга независимыхъ. Послѣдствія этой, въ полномъ смыслѣ слова, революціонной мѣры,^{*)} вызванной ходатайствами консервативнѣйшаго изъ всѣхъ сословій въ мірѣ, стали обнаруживаться очень скоро, но обратили на себя вниманіе высшаго правительства не ранѣе какъ въ сороковыхъ годахъ, послѣ продолжительныхъ волненій и цѣлаго ряда экзекуцій, сперва въ Лифляндіи, а потомъ въ Эстляндіи (въ Курляндіи, гдѣ гораздо раньше чѣмъ въ двухъ другихъ Балтійскихъ губерніяхъ, вошли въ обычай наследственныя аренды и денежный оброкъ, крестьяне, до исхода пятидесятихъ годовъ, находились въ положеніи сравнительно лучшемъ). — „Собственно говоря, только тогда (въ 1816—1819 годахъ) Балтійскіе помѣщики и покорили собѣ весь край“ — такъ выражается одинъ изъ тамошнихъ публицистовъ, притомъ дворянинъ и помѣщикъ. — „Да,

^{*)} Я называю ее революціонною, во первыхъ, какъ радикальный разрывъ съ историческимъ прошедшимъ и легкомысленное упраздненіе сложившагося факта во имя отвлеченной теоріи; во вторыхъ, какъ попытку осчастливить цѣлое сословіе, не принимая нисколько въ соображеніе собственныхъ его требованій, ожиданій и надеждъ, даже не справляясь съ ними.

говорить другой — это была конечно ошибка, разумеется невольная и притомъ единственная, тогдашняго главнаго двигателя крестьянскаго дѣла, Ландрата Самсона^{*)} — (невольная ошибка одного изъ умнѣйшихъ и опытнѣйшихъ дѣльцевъ Балтійскаго края!) А вотъ, въ заключеніе, приговоръ самаго правительства выраженный въ одномъ изъ журналовъ Государственнаго Совѣта: „отъ новаго порядка, благосостояніе крестьянъ примѣтно пришло въ упадокъ.“ Какъ на ближайшую причину этого прискорбнаго явленія единогласныя свидѣтельства указывали, съ одной стороны, на систематическое отобраніе у крестьянъ лучшихъ земель, съ другой — на крайнюю обременительность ихъ повинностей. Последнее обстоятельство было такъ очевидно, что правительство вынуждено было наскоро (въ 1845 году) вернуться до нѣкоторой степени къ прежней, Шведской системѣ и ограничить размѣръ барщины высшею нормою, которой помѣщикъ не долженъ былъ переступать. Затѣмъ, изисканіе мѣръ къ прочному улучшенію быта поселянъ, правительство, по заведенному порядку, возложило опять таки на мѣстное дворянство, которое поделужилось ему такимъ добрымъ совѣтомъ въ 1816—1819 годахъ. Лифляндія управлялась съ этою задачею прежде Эстляндіи; проектъ былъ составленъ, рассмотрѣнъ Княземъ Суворовымъ, который не только одобрилъ, но даже расхвалилъ его, внесенъ въ Остзейскій комитетъ, оттуда, минуя Государственный Совѣтъ,^{**)} представленъ на Высочайшее утвержденіе и введенъ въ дѣйствіе въ видѣ опыта, на 6 лѣтъ (опытъ этотъ однако

*) Livl. Beitr. V. I Lief. I S. 79.

**) Государственный Совѣтъ разсматривалъ только часть этого проекта, именно положеніе о непрерывно доходномъ банкѣ, а все остальное, *то есть самое существенное*, призналъ окончательно рѣшеннымъ, въ силу Высочайшее утвержденного Журнала Остзейскаго Комитета (Журн. Депар. Госуд. Эксп. 28. Мая и Общ. Собр. 6. Іюня 1849).

продолжался до 1860 года). И что же? Параграфомъ восьмымъ этого новаго положенія, задуманнаго для исправленія столь чистосердечно и ясно сознанныхъ ошибокъ 1819 года, дается помѣщикамъ право, при регулированіи (отграниченіи) такъ называемой *подчиненной* земли,*) присоединить къ мызнымъ землямъ около трети земли *доселъ во владѣніи крестьянъ состоящей*, а параграфомъ вторымъ тогоже положенія, всякое опредѣленіе размѣра повинностей, основанное на поземельной оцѣнкѣ, окончательно *устраивается*, какъ дѣло будто бы *на основаніи опыта признанное не возможнымъ*, по чрезвычайной *обширности* Лифляндіи и по необыкновенной *разновѣстности* ея почвы. Иными словами: наше правительство не только не разрѣшило, но заявило себя навсегда несостоятельнымъ когда либо разрѣшить въ *одной* губерніи ту задачу, которая, въ XVII вѣкѣ, была разрѣшена съ полнымъ успѣхомъ правительствомъ Шведскимъ, была разрѣшена или разрѣшалась почти во всей Германіи, наконецъ, спустя девять лѣтъ, была возбуждена нашимъ же правительствомъ въ примѣненіи къ цѣлой Россіи и разрѣшена имъ спустя двѣнадцать лѣтъ.***) Можно конечно

*) Этотъ парварскій терминъ (Gehorchstand) выдуманъ и введенъ въ оффиціальное употребленіе съ единственною цѣлью вытѣснить прежній, историческій терминъ крестьянской земли (Bauerland). По этому поводу, я упоминаю, что ни одинъ изъ помѣщиковъ съверо и югозападнаго края, принимавшихъ участіе въ трудахъ Редакціонныхъ Комиссій въ качествѣ членовъ Комиссій или депутатовъ отъ губернскихъ Комитетовъ, ни разу, ни на бумагѣ ни въ разговорахъ, не назвалъ поземельнаго падѣла *крестьянскаго* или *мирскою* землею. Они называли ее всегда *малымъ владѣніемъ* или *малою* собственностью. Такъ точно и теперь, Ирландскіе помѣщики доказываютъ, что въ Ирландіи вовсе нѣтъ *крестьянъ*, а есть *мелкіе* фермеры. Поразительно это единство пріемовъ, при единствѣ побужденій, безъ всякихъ соглашеній или стачекъ.

**) Кстати напомнить, что въ этой *обширной* Лифляндіи, въ которой цѣнность или доходность земли составляетъ будтобы неопредѣлимую величину, издавна существуетъ правильно устроенный поземельный кредитъ, которымъ не безъ причины хвалятся тамошнее дворянство, и котораго главныя основанія заключаются въ правилахъ Шведской оцѣнки.

до нѣкоторой степени примириться съ мыслью, что въ 1849 году, правительство не имѣло еще случая выяснитъ себѣ главныя условія прочнаго обеспеченія крестьянскаго быта; но къ чему же было связывать себя напередъ, отнимая у себя право прибѣгнуть въ послѣдствіи къ системѣ, не только не опровергнутой опытомъ, но въ то время у насъ даже серьезно еще не испробованной? При этомъ, была ли надобность, даже умѣстно ли было, вносить такую декларацию принципа *въ крестьянское Уложеніе*, которое, въ добавокъ, вводилось въ видѣ опыта, и въ пригодности котораго само правительство, какъ видно, далеко не было убѣждено? Одною этою декларациею, правительство испортило все дѣло, не только въ настоящемъ но и въ будущемъ, лишило себя возможности поправить его, не впадая съ самимъ собою въ явное противорѣчіе, и добровольно выпустило всю суть вопроса изъ своихъ рукъ. Но это еще не все: даже только что передъ этимъ издавшее постановленіе о высшемъ размѣрѣ барщины почему то не нашло себѣ мѣста въ новомъ положеніи 1849 года, хотя въ немъ были сведены и согласены всѣ прежніе законы, циркуляры и мѣстныя распоряженія о крестьянахъ, и хотя, въ числѣ другихъ его достоинствъ, Князь Суворовъ указывалъ именно на полноту этого свода. Со стороны высшаго правительства, какъ видно изъ послѣдующаго дѣлопроизводства, это было простой недосмотръ; но примѣнимо ли это оправданіе къ дворянской комиссіи сочинявшей проектъ положенія, къ Либлиндскому Ландтагу, который такъ долго взвѣшивалъ и обдумывалъ каждую его статью, наконецъ, къ ближайшей мѣстной власти, подъ наблюденіемъ которой положеніе изготовлялось и которая разсматривала его въ два если не въ три приѣма?

Къ сожалѣнію, началамъ системы принятой въ 1849 г., правительство осталось вѣрно во всѣхъ послѣдующихъ

законеніяхъ изданныхъ имъ для трехъ Балтійскихъ губерній. Съ одной стороны, какъ будто связанное страннымъ запретомъ имъ самимъ на себя наложеннымъ, или отуманенное наущенными на него соизмами, оно и не возбуждало вопроса о законодательномъ опредѣленіи размѣра крестьянскихъ повинностей, не только въ то время когда это вмѣнялось въ непремѣнную обязанность открытымъ во всей Россіи губернскимъ комитетамъ, но даже по утвержденіи положенія 19 февраля 1861 года и по введеніи его въ дѣйствіе. Отомъ, что казалось возможнымъ, естественнымъ и необходимымъ для огражденія Русскихъ крестьянъ отъ Русскихъ помѣщиковъ, о томъ, противъ чего почти никто изъ послѣднихъ даже не спорилъ, правительство какъ будто не дерзало и подумать въ примѣненіи къ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи. — „Какъ можно! Это все хорошо для полудикой страны, въ которой ничто не дѣлается иначе какъ изъ подъ палки, по принужденію; но съ чего бы прибѣгать къ такимъ средствамъ въ благодатной странѣ гдѣ все разрѣшается само собою, полюбовными сдѣлками? У насъ вѣдь царство свободы! Давайте намъ только по чаще воинскія команды, какъ только мы ихъ потребуемъ, да не мѣшайте намъ расправляться по своему съ злонамѣренными *подстрекателями*, и вы увидите какъ скоро водворятся между крестьянами и нами нормальныя отношенія, плодъ добровольныхъ соглашеній“ — вотъ въ сущности что говорили, писали и что повторяютъ до сихъ поръ Балтійскіе дворяне и публицисты. Не знаю июлія ли они убѣдили правительство, но, во всякомъ случаѣ, судя по его дѣйствіямъ, оно вѣрило имъ безусловно: въ воинскихъ командахъ для подкрѣпленія теоріи экономической свободы никогда не отказывало и терпѣливо выжидало, до сихъ поръ выжидаетъ, пока желанная гармонія нормальныхъ отношеній сама собою осуществится. Въ Лифляндіи, положеніемъ 1860 года, высшій предѣлъ (*maximum*) барщины

былъ однако возстановленъ; въ Эстляндіи, онъ былъ сохрaненъ; но предѣль, въ этой послѣдней губерніи, былъ поднятъ на такую высоту, до которой не было физической возможности достигнуть — вотъ все что было сдѣлано для огражденія крестьянъ отъ вымогательства. Это было конечно не много; но всётаки это было что нибудь; по крайней мѣрѣ, крестьянинъ *отбывавшій барщину* былъ обеспеченъ въ томъ отношеніи, что пока онъ исправно исполнялъ свои работы, помѣщикъ не имѣлъ права удалить его съ усадьбы подъ предлогомъ увеличенія повинности, даже по истеченіи контрактнаго срока.

Съ другой стороны, правительство продолжало, съ неслыханною легкостью, разрѣшать урѣзки отъ крестьянскихъ земель, то по поводу отобранія неправильно захваченныхъ полосокъ, то по поводу размежеванія и округленія усадебъ, то наконецъ по поводу введенія денежнаго оброка, какъбы въ вознагражденіе владѣльцевъ за отѣну барщины. На этомъ послѣднемъ основаніи, Эстляндскимъ помѣщикамъ въ 1856 году (ст. 17. полож. 5 Юля 1856 года) а Эзельскимъ въ 1865 (ст. 8. полож. 19 февраля 1865 года) дано было право отобрать и прирѣзать къ мызнымъ землямъ до $\frac{1}{6}$ земель находившихся въ пользованіи крестьянъ, притомъ по выбору и усмотрѣнію самихъ помѣщиковъ — позволительно думать, что выборъ ихъ палъ не на худшіе участки. Здѣсь, невольно, приходитъ на мысль сравненіе. Въ *царствѣ свободы* (то есть въ Балтійскихъ губерніяхъ) существуетъ, какъ всеѣмъ извѣстно, очень и даже слишкомъ многочисленное сельское батрачество; крестьяне хозяева всегда держали при себѣ батраковъ, отбывавшихъ за нихъ почти всѣ работы на помѣщичьихъ хуторахъ, да и помѣщики, въ подспорье къ барщинѣ, постоянно прибѣгали къ наемнымъ работникамъ изъ того же класса сельскихъ батраковъ; на оборотъ, во внутреннихъ губерніяхъ *полудикой*

Россіи, въ мѣстностяхъ издѣльныхъ, по свойству господствующей у насъ системы землевладѣнія, батрачество составляло крайне рѣдкое исключеніе, и помѣщики располагали на барщинѣ исключительно рабочими силами тяглыхъ, то есть надѣльныхъ землею крестьянъ. Итакъ, скорѣе можно было опасаться, что у насъ, а не въ Балтійскихъ губерніяхъ, съ отмѣною барщины, окажется недостатокъ въ рабочихъ рукахъ и наступитъ для помѣщиковъ тяжелый хозяйственный кризисъ; поэтому, естественно, по крайней мѣрѣ извинительнѣе было бы помѣщикамъ центральныхъ губерній выпрашивать себѣ, по поводу перехода на оброкъ, какого либо вознагражденія на счетъ крестьянскихъ надѣловъ. Но къ чести нашего дворянства, никто, сколько мнѣ извѣстно, и не подумалъ предъявить подобное требованіе; по крайней мѣрѣ, оно никогда не доходило до обсужденія, а въ Балтійскихъ губерніяхъ, оно не только было предъявлено цѣлымъ сословіемъ, но было признано и удовлетворено правительствомъ, даже безъ всякихъ возраженій или споровъ. Очевидно: полудикая Россія не считалась примѣромъ для царства свободы; прибавлю, что къ счастью нашему, и мы не брали въ то время царства свободы за образецъ для нашей полудикой страны.

До сихъ поръ, рѣчь шла о Лифляндіи и Эстляндіи; что касается до Курляндіи, то тамъ правительство даже и не помышляло ни объ установленіи высшаго предѣла повинностей, ни о предупрежденіи обезземленія крестьянъ, не смотря на то, что именно въ этой послѣдней губерніи, какъ будто захотѣвшей разомъ догнать Лифляндію и Эстляндію, систематическое упраздненіе крестьянскихъ дворовъ, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, приняло характеръ какой то лихорадочной спекуляціи и производилось въ громадныхъ, дотошъ не слыханныхъ размѣрахъ.

Дѣло наконецъ дошло до того, что въ 1867 году, само Курляндское дворянство, добровольно, издало постановленіе (конечно обязательное только для частныхъ лицъ, а не для всего сословія) которымъ запретило всякія дальнѣйшія урѣзки крестьянскихъ участковъ. Видно уже печѣмъ было поживиться на счетъ крестьянъ.

Все это разрѣшалось и попускалось, на все это правительство смотрѣло сквозь пальцы, въ видахъ, во первыхъ: скорѣйшаго переложенія барщины на денежную повинность и, во вторыхъ, выкупа крестьянскихъ земель. Къ этимъ двумъ цѣлямъ стремилось оно въ послѣднее время, и стремленію его, повидимому, вполне сочувствовали Балтійскіе помѣщики, почему то вдругъ преисполнившіеся какого то несказаннаго омерзѣнія къ барщинѣ. На ландтагахъ и во всѣхъ своихъ проэктахъ, дворянство не переставало твердить, что издѣльная повинность отжила свой вѣкъ, что скоро пробьетъ ея послѣдній часъ, и что уже теперь должно смотрѣть на нее какъ на преходящую, временную, только что терпимую форму хозяйственныхъ отношеній; правительство, слыша такія сужденія, радовалось, благодарило, кланялось на всѣ три стороны и повторяло вельдѣ за дворянствомъ, что о барщинѣ много толковать не стоитъ, такъ какъ уже въ 1849 году она была окончательно признана формою несостоятельною и несвоевременною. Не знаю только: много ли отъ такого признанія стало легче тѣмъ крестьянамъ, которые, послѣ этого, въ продолженіи цѣлыхъ 18^{ти} лѣтъ, по прежнему сѣяли, жали и молотили по порядку господскій хлѣбъ? — Посмотримъ же какъ совершилось въ Балтійскомъ краѣ переложеніе барщины на денежный оброкъ и какъ производится выкупъ крестьянскихъ земель. Такъ какъ я пишу преимущественно для Русскихъ читателей, то прибѣгну опять къ сравненію порядка вещей введеннаго во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ, въ 1861 году, съ порядкомъ почти

единовременно установленнымъ, по распоряженію того же правительства, въ Балтійскомъ краѣ.

У насъ, никто не можетъ *заставитъ* крестьянина состоящаго на барщинѣ платить, за землю которою онъ пользуется, деньгами; но крестьянинъ можетъ, когда самъ захочетъ, освободиться отъ барщины и замѣнить ее денежною повинностью. Итакъ, у насъ, крестьянинъ *переходитъ* на оброкъ; это его право.

Въ Балтійскомъ краѣ, въ странѣ свободы, почему то не догадались предоставить крестьянину такое же право, а вмѣсто этого, дали право помѣщику, по своему усмотрѣнію, отмѣнять барщину и требовать, чтобы крестьянинъ арендующій у него усадьбу расплачивался за нее, не работами, а деньгами.*) Безъ согласія помѣщика, крестьянинъ не могъ перейти съ издѣльной повинности на денежную; но когда помѣщикъ требовалъ оброка вмѣсто рабочихъ дней, крестьянинъ долженъ былъ покориться его требованію или сойти съ усадьбы. Итакъ, въ странѣ свободы, крестьянинъ не переходилъ, а *переводился* на оброкъ.

Далѣе, въ полудикой Россіи, размѣръ оброка установленъ закономъ и; въ точности, означенъ въ уставной грамотѣ; бѣльшаго помѣщикъ требовать не можетъ и потому, переходя съ барщины на оброкъ, крестьянинъ переходитъ съ извѣстной, опредѣленной закономъ, на извѣстную же, тѣмъ же закономъ опредѣленную повинность. Не такъ въ странѣ свободы. Какъ было сказано выше, въ Ливляндіи и Эстляндіи, правительство ограничило вымогательства помѣщиковъ опредѣленіемъ высшаго размѣра *барщины*; но никакого подобнаго постановленія относительно денежнаго оброка издано не было; здѣсь, помѣщикъ

*) Въ послѣдствіи, назначенъ былъ общій срокъ, къ которому помѣщики обязаны были отмѣнить отбываніе барщины.

можетъ требовать чего хочеть, а крестьянинъ жаловаться не въ правѣ. Итакъ, въ странѣ свободы, переводъ съ барщины на оброкъ значить переводъ съ повинности, которой положень былъ предѣль, на повинность, которая можетъ быть возвышаема безъ ограниченія, по личному усмотрѣнію взимающаго ея. Ужь не оттого ли Балтійское дворянство такъ искренно возненавидѣло барщину, съ 1846 года, и такъ полюбило оброкъ, о которомъ (по крайней мѣрѣ въ Лифляндіи и Эстляндіи) оно до этого времени не хотѣло и слышать?

Паконецъ, у насъ, поземельныя права крестьянъ, при замѣнѣ барщины оброкомъ, ни въ чемъ не измѣняются и нисколько не колеблются; чѣмъ владѣли издѣльные крестьяне, тѣмъ же владѣютъ и оброчные, такъ что потери для нихъ отъ перехода на оброкъ, въ этомъ отношеніи, нѣтъ и не можетъ быть. Въ Балтійскомъ краѣ, введеніе оброчной повинности навело помѣщиковъ на изобрѣтеніе новаго предлога къ удаленію хозяевъ изъ арендуемыхъ ими усадебъ. Въ силу новѣйшихъ положеній изданныхъ для Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, помѣщикъ объявляетъ крестьянину-хозяину, что онъ, помѣщикъ, отмѣняетъ барщину и требуетъ денежнаго оброка въ такомъ то размѣрѣ; затѣмъ, онъ спрашиваетъ у крестьянина согласенъ ли онъ платить такой оброкъ? Крестьянинъ божится и клянется, что у него нѣтъ денегъ, что онъ не успѣлъ приготовиться и умоляетъ продержатъ его еще годъ или два на барщинѣ; но помѣщикъ мотаеъ головою и говоритъ: „не могу, любезный, и не хочу; барщина мнѣ надоѣла; это негодная, временная форма и, выводя ее въ своемъ имѣніи, я исполняю волю правительства. Рѣшайся, или — долой съ усадьбы; охотниковъ до нея довольно и мѣсто не останется празднымъ; ко мнѣ ужъ набиваются такойто и такойто“ — Крестьянинъ, покряхтѣвъ, предлагаетъ оброкъ на половину или на одну треть ниже назна-

ходный банкъ, въ видахъ облегченія выкупа крестьянскихъ земель; но онъ не оправдалъ ожиданій и черезъ нѣсколько лѣтъ прекратилъ свои дѣйствія. Немного спустя, когда, послѣ благополучнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса у насъ, стали обнаруживаться между крестьянами Прибалтійскихъ губерній признаки какого то нетерпѣливаго ожиданія, правительство выразило твердое свое намѣреніе предоставить имъ дѣйствительную возможность приобрести въ собственность остатки уцѣлѣвшихъ въ ихъ пользованіи земель. Это было послѣдній, удобный случай исправить сколько нибудь рядъ сдѣланныхъ прежде ошибокъ и можно было надѣяться, или (разсуждая съ точки зрѣнія Балтійскаго рыцарства) можно было опасаться, что хоть на сей разъ, правительство взглянетъ на дѣло своими глазами, тѣми же какими оно смотрѣло на него въ 1861 году, въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ; но и эта надежда не сбылась.

У насъ (по положенію 19 Февр. 1861 года)*) да и не только у насъ, а также въ Пруссіи, въ Австріи и въ другихъ земляхъ, выкупная операція (*Ablösung, rachat*) имѣетъ цѣлью возвести право обеспеченнаго пользованія крестьянскою землею въ право полной собственности; въ этомъ смыслѣ, она по справедливости разсматривается какъ завершеніе крестьянской реформы и этимъ отличается отъ всякой обыкновенной покупки и продажи. Иными словами: выкупная операція предпринимается вовсе не въ тѣхъ видахъ, чтобы та или другая полоска земли отошла отъ цѣлаго имѣнія и, изъ рукъ помѣщика, перешла въ *или нибудь* инныя руки, а чтобы она сдѣлалась собственностью именно того лица, юридическаго или физическаго (цѣлаго общества или семейства взятаго порознь) которое этою

*) Я намѣренно не привожу для сравненія законоположеній изданныхъ для Польши и для Западнаго края, такъ какъ читатели могли бы сказать, что въ этихъ мѣстностяхъ, политическія соображенія имѣли вліяніе на разрѣшеніе хозяйственнаго вопроса.

землею пользовалось. Отсюда вытекает естественно, какъ непремѣнное условіе выкупной операціи, что выкупной платежъ долженъ быть соразмѣренъ съ средствами выкупающихъ, слѣдовательно: размѣръ его долженъ быть болѣе или менѣе точно опредѣленъ закономъ и, разумѣется, опредѣленіе это ни на чемъ иномъ основано быть не можетъ какъ на повинности, которою оплачивалось пользованіе выкупаемымъ участкомъ.

Въ положеніи 19 Февраля 1861 года, это начало выдержано во всей строгости и оттого, въ тѣхъ мѣстностяхъ на которыя распространяется его дѣйствіе, выкупъ, въ исключительныхъ случаяхъ, можетъ не представлять для крестьянъ особенныхъ выгодъ; но ни въ какомъ случаѣ не можетъ ставить ихъ въ необходимость подчиниться условіямъ болѣе для нихъ тягостнымъ чѣмъ тѣ, на которыхъ они держатъ помѣщичью землю въ обязательномъ пользованіи.

Совершенно иное представляется намъ въ Балтійскомъ краѣ. Во исполненіе требованія правительства, дворянство подвернуло ему проекты положеній не о *выкупѣ* (въ томъ смыслѣ какое это слово имѣетъ вездѣ) а о возможно выгодной для помѣщиковъ *продажѣ* земель состоящихъ въ пользованіи крестьянъ. Сущность этихъ проектовъ заключалась въ слѣдующемъ. Крестьянину, ни въ какомъ случаѣ, не предоставляется *права* требовать, чтобы ему была продана хотя бы сама малѣйшая часть земли состоящей подъ его усадьбою — продать или ни продавать зависитъ исключительно и безусловно отъ доброй воли помѣщика. Напротивъ, послѣднему предоставлена въ этомъ дѣлѣ полная инициатива. Онъ можетъ, во всякое время, пустить участокъ въ продажу и прискивать себѣ покупателя, гдѣ ему вадумается, не выжидая запроса со стороны хозяина участка. Рѣшившись на продажу, помѣщикъ назначаетъ цѣну по своему усмотрѣнію — въ этомъ

землею пользовалось. Отсюда вытекасть естественно, какъ непремѣнно условіе выкупиной операціи, что выкупной платежъ долженъ быть соразмѣренъ съ средствами выкупающихъ, слѣдовательно: размѣръ его долженъ быть болѣе или менѣе точно опредѣленъ закономъ и, разумѣется, опредѣленіе это ни на чемъ иномъ основано быть не можетъ какъ на повинности, которою оплачивалось пользованіе выкупаемымъ участкомъ.

Въ положеніи 19 Февраля 1861 года, это начало выдержано во всей строгости и оттого, въ тѣхъ мѣстностяхъ на которыя распространяется его дѣйствіе, выкупъ, въ исключительныхъ случаяхъ, можетъ не представлять для крестьянъ особенныхъ выгодъ; но ни въ какомъ случаѣ не можетъ ставить ихъ въ необходимость подчиниться условіямъ болѣе для нихъ тягостнымъ чѣмъ тѣ, на которыхъ они держатъ помѣщичью землю въ обязательномъ пользованіи.

Совершенно иное представляется намъ въ Балтійскомъ краѣ. Во исполненіе требованія правительства, дворянство подвернуло ему проекты положеній не о *выкупѣ* (въ томъ смыслѣ какое это слово имѣетъ вездѣ) а о возможно выгодной для помѣщиковъ *продажѣ* земель состоящихъ въ пользованіи крестьянъ. Сущность этихъ проектовъ заключалась въ слѣдующемъ. Крестьянину, ни въ какомъ случаѣ, не предоставляется *права* требовать, чтобы ему была продана хотя бы сама малѣйшая часть земли состоящей подъ его усадьбою — продать или ни продавать зависитъ исключительно и безусловно отъ доброй воли помѣщика. Напротивъ, послѣднему предоставлена въ этомъ дѣлѣ полная инициатива. Онъ можетъ, во всякое время, пустить участокъ въ продажу и прискивать себѣ покупщика, гдѣ ему вздумается, не выжидая запроса со стороны хозяина участка. Рѣшившись на продажу, помѣщикъ назначаетъ цѣну по своему усмотрѣнію — въ этомъ

отношеніи, требованіямъ его не полагается никакихъ границъ. Затѣмъ, если крестьянинъ сидящій на продаваемой землѣ не захочетъ купить ее, или найдетъ цѣну слишкомъ высокою, или признаетъ себя несостоятельнымъ къ ея уплатѣ, то ничто не мѣшаетъ помѣщику, помимо хозяина усадьбы, продать ее стороннему лицу, тому кто дастъ за нее больше, или кого онъ излюбитъ, хотя бы даже и не крестьянину (то есть не лицу записанному въ крестьянскій окладъ) а кому бы то ни было, мѣщанину, биргеру, пришедшему изъ Пруссіи колонисту, даже своему брату дворянину, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы покупатель причислился къ мѣстному волостному союзу, конечно не теряя при этомъ личныхъ правъ присвоенныхъ его состоянію. Въ такомъ случаѣ, также какъ и при переводѣ на оброкъ или при возвышеніи оброка, прежній хозяинъ, отказавшійся, по неимѣнію средствъ, заплатить за свою усадьбу цѣну дѣйствительно или будтобы предлагаемую другимъ лицомъ, стоитъ со двора и остается безъ земли. Проекты, на изложенныхъ основаніяхъ выработанные мѣстными Ландтагами, были утверждены правительствомъ безъ всякихъ измѣненій. Въ изданныхъ имъ законоположеніяхъ, вышеописанныя операціи названы: одна — *непринужденнымъ* введеніемъ оброчной системы, другая — *свободнымъ и полюбовнымъ приобретеніемъ* недвижимой собственности. На словахъ, это выходитъ благовидно, пожалуй даже умилительно; но переведите Балтійскую терминологию на языкъ правды, и передъ вами раскроется осязательные результаты нашей слѣпой довѣрчивости. Личное поземельное право cadaго крестьянина владѣющаго усадьбою теперь окончательно отдано въ жертву произволу землевладѣльца, такъ какъ нежеланіе или неспособность крестьянина подчиниться ничѣмъ не ограниченнымъ требованіямъ помѣщика, какъ при замѣнѣ барщины оброкомъ, или при возвышеніи прежняго оброка, такъ и при

выкупѣ, признаются законными поводами къ удаленію крестьянина изъ его усадьбы. Последнее право, которымъ все еще пользовались крестьяне какъ сословіе, именно: право, за исключеніемъ всѣхъ другихъ сословій, владѣть крестьянскою землею, теперь у нихъ отнято, такъ какъ всѣ желающіе, безъ различія званія и происхожденія, допускаются къ приобрѣтенію въ собственность крестьянскихъ усадебъ. Наконецъ, помѣщику дана полная возможность, подъ угрозою отобранія усадьбы у владѣющаго ею хозяина, вытянуть изъ него оброкъ или выкупъ несоразмѣрный, не только съ личными его средствами, но и съ цѣнностью самой усадьбы.

На это обыкновенно отвѣчаютъ, что вѣдь въ странѣ экономической свободы крестьянинъ не привинченъ къ своей усадьбѣ; законъ не обязываетъ его, противъ воли, держать помѣщичью землю и отбывать за нее повинность — тамъ вѣдь не то, что въ остальной Россіи: общинное владѣніе и круговая порука не сковываютъ рабочихъ силъ и не парализуютъ личной предпримчивости; находятъ крестьянинъ, что предлагаемыя ему условія найма или покупки для него выгодны, онъ беретъ землю, а покажутся ему условія тягостными, онъ оставляетъ ее и уходитъ куда хочетъ. На то его воля, которой никто не стѣняется. Какъ же бы могъ помѣщикъ *навязывать* ему оброкъ или выкупъ? . . .

Все это однако не болѣе какъ фикція (если не злая насмѣшка). Всмотритесь серьезно въ хозяйственную обстановку Прибалтійскихъ крестьянъ и вы убѣдитесь, что при заключеніи условій о наймѣ или о покупкѣ земли, равносвѣсіе между свободнымъ запросомъ и свободнымъ предложеніемъ нарушается къ ущербу крестьянъ давлениемъ *штутцкой нужды*, силы не всѣмъ знакомой по личному опыту, но всемогущей надъ судьбою милліоновъ подвергающихся ея дѣйствію. Во первыхъ, со времени

упраздненія на бумагѣ личнаго крѣпостнаго права (въ 1816—1819) по настоящее время, число крестьянскихъ дворовъ (я разумѣю дворовъ тяглыхъ — *Gesindewirthschaften*) не смотря на прибыль сельскаго народонаселенія, въ общей сложности, не увеличилось, если не уменьшилось. На примѣръ, въ Ливляндіи, сельское народонаселеніе составляетъ около 700,000 душъ; — тяглыхъ крестьянскихъ дворовъ, Гупель насчитывалъ въ 1789 году около 40,000, со включеніемъ дворовъ не надѣленныхъ пахотною землею (*Loostreiberhütten*) 40900; а коммиссія привоившая въ дѣйствіе положеніе 1849 года, нашла уже не болѣе 38,962 крестьянскихъ дворовъ вообще.*) Понятно, что при столь явной несоразмѣрности числа дворовъ съ числомъ дунгъ, на каждое опроставившееся мѣсто является множество охотниковъ, вслѣдствіе чего, между съемщиками или покупщиками, открывается конкуренція для нихъ убійственная, но очень выгодная для отдадчика, у котораго крестьянскія земли разбираются на расхватъ. Во вторыхъ, сельское народонаселеніе въ Балтійскомъ краѣ частью по неспособности или непривычкѣ, частью благодаря дѣйствию прежнихъ законовъ, не знаетъ почти никакихъ промысловъ, и добываетъ себѣ пропитаніе исключительно земледѣліемъ. Тамонній крестьянинъ можетъ быть только пахаремъ или сельскимъ батракомъ; но прежде чѣмъ хозяинъ разжалуетъ себя въ батраки, онъ полѣзетъ въ петлю. Въ третьихъ, все имущество тяглаго крестьянина, иначе хозяина, заключается въ лошади, рабочемъ скотѣ и земледѣльческихъ орудіяхъ; лишившись неожиданно обѣдлости, съ такого рода подвижностью управиться невозможно; она обращается въ тягость и потому остается, поскорѣе, сбыть ее за безцѣнокъ, то есть раззориться въ конецъ. Прибавьте къ этому естественную, до страсти

*) Die Intensität der Livländischen Landwirtschaft etc. von C. Hehn. Dorpat. 1858.

доходящую, очень часто неравнечетливую привязанность крестьянина къ насаженному мѣсту, къ дому, который онъ выстроилъ или, по крайней мѣрѣ, чинилъ и поддерживалъ, къ полю, которое онъ удобрилъ, къ кустовой землѣ (Buschland), которую онъ распахалъ, очистилъ, изъ которой онъ создалъ пашню, и вы конечно согласитесь, что вовсе не трудно, пригрозивъ ему удаленіемъ изъ усадьбы, довести его до принятія условій для него не только не выгодныхъ, но даже раззорительныхъ. Наконецъ, къ указаннымъ побужденіямъ, въ большей или меньшей степени дѣйствующимъ и въ другихъ мѣстностяхъ, присоединяется еще одно, особенное, можетъ быть не всеѣмъ читателямъ извѣстное, такъ какъ оно нигдѣ не встрѣчается кромѣ Балтійскихъ губерній.

По дѣйствующимъ въ нихъ законамъ, крестьяне — хозяева (Gesindewirthe) и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ихъ нареченные наслѣдники по хозяйству, не призываются къ рекрутскому жеребью; но лишаясь усадьбы, то есть переставая быть хозяевами, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишаются и этой льготы и подпадаютъ подъ общее правило. Итакъ, можно сказать, что казна даритъ каждому Балтійскому помѣщику столько рекрутскихъ квитанцій сколько въ его имѣніи находится тяглыхъ дворовъ; ибо каждый хозяинъ, снимая въ оброчное содержаніе или покупая тяглый участокъ, всякій разъ, сверхъ суммы выражающей доходность или стоимость земли, оплачиваетъ вотчинной конторѣ и стоимость приобрѣтаемаго имъ изъятія отъ рекрутства. Нельзя конечно оцѣнить въ точности сколько приносятъ помѣщику и во что обходится крестьянину очень понятное желаніе послѣдняго приобрѣсти или сохранить, во что бы ни стало, эту драгоценную льготу отъ самой тягостной изъ всеѣхъ государственныхъ повинностей; но едвали мы ошибемся причисливъ и это желаніе къ причинамъ объясняющимъ баснословно высокіе оброки

и выкупные платежи, принимаемые на себя крестьянами *непринужденно* (как гласитъ законъ и какъ говорятъ Балтійскіе дворяне) или выжимаемые изъ нихъ (какъ сказалъ бы всякій, не тамошній дворянинъ и не членъ Остзейскаго комитета).

Такимъ то образомъ завершилась въ Балтійскомъ краѣ крестьянская реформа. Въ концѣ концовъ, вышло далеко не то чего желало правительство — это очевидно; но дѣло ведено было такъ хитро, что мастерская подтасовка понятій, которою дворянство новѣичало рядъ своихъ посягательствъ на историческія права крестьянъ и своихъ злоупотребленій довѣріемъ къ нему правительства, своевременно разоблачена не была. Ни волненія и экзекуціи, которыми сопровождалось въ Эстляндіи объявленіе „безпримѣрныхъ пожертвованій принесенныхъ дворянствомъ на пользу крестьянъ“ (такъ оно само аттестовало своей прозекъ 1856 года), ни правдивое свидѣтельство довѣреннаго лица бывшаго на мѣстѣ и такъ ясно раскрывшаго обманъ, котораго невольными жертвами сдѣлалось сперва высшее правительство утвердившее этотъ прозекъ,*) а

*) „Въ основѣ всякаго законоположенія должна лежать *правда* и безъ нея никакой законъ не можетъ имѣть жизни и смысла: никакія формы и хитросплетенія не устоятъ при практическомъ примѣненіи ихъ къ жизни“ — такъ выразился, говоря объ Эстляндскомъ положеніи 1856 года, Генер. Адъют. Исаковъ; но и это сужденіе слишкомъ еще снисходительно. Дворянство торжественно заявило, что оно понижаетъ барщину на 26% (конечно противъ нормы никогда на практикѣ не существовавшей) и, съ свойственнымъ ему самохвальствомъ, прибавило „что другаго примѣра подобнаго пожертвованія въ пользу крестьянъ, исторія развитія крестьянскаго быта въ другихъ государствахъ нигдѣ не представляетъ.“ Къ сожалѣнію, великодушныя пожертвованія дворянства представлены были на утвержденіе правительства въ формѣ столь сложной и предвѣрно запутанной, что правительство не высмотрѣло правды и почти вынуждено было повѣрить дворянству на слово. Между тѣмъ, на дѣлѣ обнаружилось, не говоря уже о другихъ неожиданностяхъ, что дворянство увеличило размѣръ конной барщины на счетъ вѣшей и, при переводѣ Шведской поземельной мѣры на десятины, уменьшило величину поземельной единицы, по которой исчислялась барщина. Положеніе 1856 года, дѣйствительно, не имѣетъ себѣ по-

потомъ крестьяне не повѣрившіе въ его подлинность, ни добросовѣстный и превосходный трудъ скромнаго Русскаго скрывающаго свое имя (покойнаго Благовѣщенскаго, бывшаго цензора) объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ въ Эстляндіи,*) ни голосъ Курляндскаго дворянина Руттенберга,**) раздавшійся изъ за границы въ послѣднюю минуту, никого не вразумили и не предостерегли.

Предположите теперь, что какому нибудь иностранцу рассказали бы, въ главныхъ чертахъ, ходъ крестьянской реформы въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ и ходъ ея въ Балтійскомъ краѣ, не называя ему мѣстностей и не опредѣляя времени. Выслушавъ изложеніе, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, сказалъ бы, что это двѣ системы, не имѣющія между собою ничего общаго, исходяція изъ совершенно различныхъ воззрѣній, ведущія къ цѣлямъ почти противоположнымъ, и, по всей вѣроятности, приводившіяся въ исполненіе въ двухъ различныхъ государствахъ, двумя различными правительствами. И вѣдь дѣло въ томъ, что иностранецъ былъ бы не такъ далекъ отъ истины какъ могло бы показаться на первой взглядъ***) У насъ, къ составленію проэктовъ объ улучшеніи быта

добнаго, даже въ Балтійскомъ краѣ, только не въ томъ смыслѣ какъ понимало это дворянство, а какъ идеаль недобросовѣстности и безстыдства.

*) Der Esthe und sein Herr etc. etc. Berlin, 1861.

**) Mecklenburg in Kurland in Edelmann und Bauer von Otto von Rutenberg. Leipzig, 1863.

***) Иногда, само правительство, какъ будто создавая невозможность согласить его дѣйствія по крестьянской реформѣ въ Балтійскомъ краѣ съ дѣйствіями его во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ, находило не лишнимъ принимать мѣры для предупрежденія сравненій однихъ съ другими. Едвали не въ этихъ видахъ, положеніе о Ливляндскихъ крестьянахъ 1860 года, изданіе коего совпало по времени съ окончаніемъ законодательныхъ работъ по крестьянскому дѣлу у насъ, не было пущено въ продажу. Все печатныя экземпляры этого положенія, *до сихъ поръ*, лежатъ заарестованными въ Сенатской книжной лавкѣ.

крестьянъ призывались, не *дворянскія общества*, а губернскіе комитеты состоявшіе *изъ дворянъ*, частью по назначенію отъ правительства, частью по выбору отъ дворянства; эти комитеты работали по заданной имъ программѣ, въ предѣлахъ заранѣе опредѣленныхъ общихъ началъ; въ случаѣ разногласій между членами комитетовъ, до высшаго правительства доводились и, въ послѣдующихъ работахъ, принимались въ соображеніе предположенія и мнѣнія не только большинства, но и меньшинства. Совершенно иначе шло дѣло въ Балтійскомъ краѣ. Тамъ, правительство почти никогда не ограничивало изобрѣтательности составителей проектовъ какими либо предустановленными началами, а довольствовалось простымъ заявленіемъ своихъ намѣреній или желаній; затѣмъ, предположенія выработанныя приготовительными дворянскими комиссіями поступали на предварительное разсмотрѣніе *всего дворянства*, собраннаго на ландтагъ. Тамъ, онѣ обыкновенно встрѣчали сильныя возраженія и возбуждали горячіе споры, о которыхъ до правительства едва едва доходили темные и неопредѣленные слухи; предположенія неодобренныя большинствомъ собраній отбрасывались окончательно, слѣдовательно пропадали безслѣдно для дальнѣйшей разработки вопроса, и наконецъ, на утвержденіе высшаго правительства, восходили уже проекты представляемые отъ лица цѣлыхъ дворянскихъ обществъ и облеченные въ форму сословныхъ постановленій. Я считаю излишнимъ налягать на существенное значеніе указанной мною разницы; пусть самъ читатель сообразитъ какое направленіе могла бы принять у насъ крестьянская реформа, еслибы проекты губернскихъ комитетовъ, до отсылки ихъ въ Петербургъ, предварительно процѣживались сквозь цензурное рѣшеше дворянскихъ собраний?

Далѣе, у насъ, положеніе 19 Февр. 1861 разсматривалось порядкомъ законодательнымъ, сперва въ главномъ

комитетѣ, потомъ въ Государственномъ Совѣтѣ и приведено было въ дѣйствіе какъ окончательно утвержденный законъ. Иной порядокъ установился на практикѣ для дѣлъ Балтійскаго края. Проекты дворянскихъ обществъ объ устройствѣ быта тамошнихъ крестьянъ поступали всегда на разсмотрѣніе комитета Остзейскихъ дѣлъ;*) оттуда, почти всегда восходили прямо на Высочайшее утверженіе и, подѣ разными предлогами, по признанной ли недостаточности разработки вопроса, или просто для выигранія времени, немедленно приводились въ дѣйствіе *въ видѣ опыта*, иногда на опредѣленный срокъ, который потомъ обыкновенно растягивался, а иногда безъ опредѣленія срока, *впредь до разсмотрѣнія дѣла законодательными порядкомъ.****) Такимъ образомъ, къ обсужденію самыхъ

*) Остзейскій комитетъ состоялъ прежде подѣ председательствомъ покойнаго Графа Палена, а нынѣ собирается подѣ председательствомъ Ген. Гривальда, иногда Князя Суворова; въ составъ его, для обсуждения крестьянскихъ дѣлъ, въ последнее время, часто приглашались депутаты отъ мѣстныхъ дворянскихъ обществъ, или тамошніе губернскіе Предводители. Подѣ положеніемъ 18 Февраля 1866 года, мы находимъ подписи: Ген. Гривальда, Князя Суворова, Барона Палена, Графа Шувалова, Мин. В. Д. Валусева, Мин. Г. И. Зеленаго. Подѣ положеніемъ 19 Февраля того же года, подписи: Ген. Гривальда, Князя Суворова, Графа Шувалова, Ки. Ливена, Барона Палена, Барона Рекке, Мин. В. Д. Валусева и Мин. Г. И. Зеленаго. Последний приглашался, какъ говорятъ, въ качествѣ депутата отъ Россіи.

**) Утверждены не законодательными порядкомъ, по докладамъ Остзейскаго Комитета, минуя Государственный Совѣтъ, и введены въ дѣйствіе въ видѣ опыта: Ливляндское крестьянское Уложеніе 1849 (введено въ видѣ опыта на шесть лѣтъ и просуществовало безъ малаго двѣнадцать, до 1860 года); Эзельское 1865; дополнительныя правила 1859 къ Эстляндскому положенію 1856 (введены въ видѣ опыта на три года, оставлены въ силѣ еще на шесть и, до сихъ поръ, законодательнымъ порядкомъ не разсмотрѣны и не утверждены); другія правила изданныя для той же губерніи въ 1866 (18 Марта и 18 Февраля); Курляндское Положеніе 1863; общее для трехъ Балтійскихъ губерній положеніе объ устройствѣ волостей 1866 и того же года правила о благоустройствѣ въ волостяхъ. Всякій понимаетъ, что этотъ особенный и едва ли не безпримѣрный способъ утвержденія и введенія въ дѣйствіе законовъ, установился только потому, что Балтійское дворянство находило для себя выгоднымъ отсрочивать до послѣдней возможности разсмотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ изобрѣтаемыхъ имъ

важныхъ законодательныхъ мѣръ, часто по существу дѣла нецѣлесообразныхъ, Государственный Совѣтъ призывался почти всегда много лѣтъ спустя по приведеніи ихъ въ дѣйствіе, когда уже приходилось имѣть дѣло не съ проектами, а съ совершившимися фактами; главный же комитетъ по дѣламъ крестьянъ, къ обсужденію вопросовъ касавшихся быта поселянъ въ Балтійскихъ губерніяхъ, никогда довелъ не призывался. Вспомните теперь кто были, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, главными дѣятелями въ крестьянской реформѣ у насъ, потомъ переберите личный составъ комитета Остзейскихъ дѣлъ и тогда, все, что до сихъ поръ могло казаться вамъ загадочнымъ, уяснится само собою. Не знаю можно ли указать хоть на одно существенное измѣненіе къ лучшему, сдѣланное этимъ комитетомъ въ которомъ либо изъ проектовъ поступавшихъ на его разсмотрѣніе изъ Риги, Ревеля и Митавы.

Впрочемъ, судить о его дѣйствіяхъ я не считаю себя призваннымъ; думаю только, что еслибы предположенія Балтійскаго дворянства по устройству быта крестьянъ восходили на Высочайшее утвержденіе по всестороннемъ ихъ обсужденіи, съ необходимыми къ нимъ комментаріями, безъ которыхъ нѣтъ никакой возможности понять ихъ, наконецъ съ разъясненіемъ всего того, что въ нихъ не прописывалось, но подразумевалось на мѣстахъ и читалось посвященными въ дѣло промежъ печатныхъ строкъ, то рука, обезсмертившая себя подписаніемъ положенія 19 Февраля 1861 года, изорвала бы въ клочки Лифляндское положеніе 1860го, Эзельское 1865го, Эстляндскія

мѣръ; правительство же, въ этомъ случаѣ, отступалъ отъ общаго порядка, оказывая можетъ быть излишнюю уступчивость Балтійскимъ вліяніямъ; а между тѣмъ, тамошніе публицисты, въ награду за это, надъ нимъ же издѣваются: „Versuchsweise, nach einer in der Russischen Legislation beliebten Manier“ — говорить съ пронию издатель Лифляндскихъ вкладовъ (Livl. Beitr. B. I Lief. I S. 105, Lief. II S. 43).

1856го и 1866го и Курляндское 1863го годовъ. Я считаю себя въ правѣ это сказать, ибо возрѣнія и намѣренія Царя не отвергающаго названія Освободителя ни для кого не могутъ быть тайною. Благословляя Его, Россія въ правѣ знать, и дѣйствительно знать, за что она благодаритъ.

V.

Другая сторона крестьянскаго быта, общественная организація волостей, преобразована была въ послѣднее время, на основаніи особаго положенія (19 Февраля 1866 г.) изданнаго для трехъ Балтійскихъ губерній, также въ видѣ опыта, на шесть лѣтъ, и также минуя Государственный Совѣтъ. Первый законъ по этой части изданъ былъ въ 1804 и, по минованіи 62^{хъ} лѣтъ, послѣ цѣлаго ряда опытовъ, всѣтаки не оказалось въ запасѣ достаточной опытности для установленія прочнаго и твердаго порядка, который бы положилъ конецъ опытамъ періодически возобновляемымъ надъ *amha vili* Латышей и Эстовъ. По сознанію самихъ Балтійскихъ дворянъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которые сколько нибудь добросовѣстно судили о своей родинѣ, существовавшее въ ней до послѣдняго времени сельское общественное устройство (я разумю сходы, старшину, выборныхъ и суды) представляло собою не болѣе какъ декорацию, поставленную для замаскированія домашнихъ традицій и неограниченнаго произвола вотчинныхъ конторъ — *der Gutsverwaltungen*. Отправляя Графа Шувалова въ Ригу, Государю Императору угодно было указать ему на необходимость устроить гражданскій и общественный бытъ тамошнихъ крестьянъ *на самостоятельныя и независимыя отъ помѣщичьяго вліянія основанія*. Я не отрицаю, что въ

этомъ отношеніи, положеніе 1866 года, сравнительно съ прежнимъ порядкомъ вещей, (который, такъ еще недавно, восхвалялся Кн. Суворовымъ какъ идеаль совершенства и неприкосновенная святыня) есть безъ сомнѣній шагъ впередъ; но всётаки не могу не сказать, что оно далеко не представляетъ собою точнаго исполненія Высочайшей воли. Кажется даже, что составители сдѣлали все что могли, чтобы предупредить обновленіе общественнаго быта въ селахъ, не возбуждать въ нихъ жизни и не перерывать преданій патримоніальной юрисдикціи. Вотъ доказательства: во первыхъ, принято какъ *общее* правило, что каждое имѣніе составляетъ волость, слѣдовательно: сохранена прежняя единица вотчинной администраціи. Во вторыхъ, вотчинная полиція, не только оставлена въ силѣ и дѣйстви въ предѣлахъ мызной земли, но, сверхъ того, сохранила въ крестьянскомъ общественномъ управленіи участіе болѣе чѣмъ достаточное для увѣковѣченія старыхъ, всѣми затверженныхъ ея приемовъ. Вотчинной полиціи дано право представлять *начальственному учрежденію**) не только о постановленіяхъ волостнаго схода противныхъ закону или нарушающихъ права помѣщика, но и о тѣхъ постановленіяхъ, которыя она признаетъ

*) Die Aufsichtsbehörden — какъ значитъ въ Нѣмецкомъ переводѣ, или, говоря точнѣе: въ Нѣмецкомъ подлинникѣ, съ котораго Русскій текстъ переведенъ довольно неточно и очень безграмотно. По § 32, старшины и ихъ помощники подчинены, не дѣламъ общественнаго управленія, Приходскимъ судамъ (въ Лифляндіи, Эстляндіи и на остр. Эзелѣ) и Уѣзднымъ судамъ (въ Курляндіи). Все эти инстанціи, по организаціи ихъ и по установленному порядку замѣщенія судебныхъ должностей, находится въ рукахъ дворянства. Жалобы на ихъ распоряженія приносятся Губернатору, который, по обычаю, почти всегда назначается правительствомъ изъ мѣстныхъ дворянъ. Но дѣламъ полицейскимъ, старшины и ихъ помощники подчинены уѣздной полиціи, которой все чины назначаются по выбору дворянства, изъ его среды. За маловажнѣе проступки по должности, старшины, ихъ помощники и пр. могутъ быть подвергаемы штрафу до 5 руб. и аресту до 7ми дней по распоряженію *начальственныхъ учреждений*, слѣдовательно: нижнихъ судебныхъ инстанцій, уѣздныхъ полицій и Губернаторовъ (§ 34).

вредными для общественнаго благосостоянія. Такъ какъ о томъ что полезно и что вредно можно спорить много и долго, и такъ какъ, въ подобнаго рода диспутахъ, побѣда почти всегда будетъ оставаться за вотчинною полиціею, то понятно, что послѣ двухъ или трехъ такихъ представлений, сходы предпочтутъ подчиниться предупредительному контролю вотчинныхъ конторъ, какъ водилось изстари. Независимо отъ этого, вотчинной полиціи предоставлено общее право наблюденія и надзора за дѣйствіями волостнаго управленія по всѣмъ полицейскимъ дѣламъ и по дѣламъ общественнымъ сопряженнымъ съ интересомъ казны. Не прежняя ли это опека, переименованная въ надзоръ и наблюденіе? Какъ орудіе общей полицейской власти, волостной старшина имѣеть надзоръ за лицами подозрительнаго поведенія, задерживаетъ бродягъ и дезертировъ, но не препровождаетъ ихъ прямо отъ себя куда слѣдуетъ, а сдаетъ ихъ вотчинной полиціи, *соблюдавшимся досель порядкомъ*. Въ третьихъ, когда нѣтъ на лицо волостнаго старшины (о помощникахъ его, которые могутъ быть на лицо, въ положеніи не упоминается) всѣ полицейскія права его переходятъ къ вотчинной полиціи; она охраняетъ и возстановляетъ порядокъ и безопасность и, вообще, принимаетъ всѣ необходимыя полицейскія мѣры. Теперь спрашивается: что значитъ *быть на лицо* въ предѣлахъ волости, въ которой должно быть болѣе 200, а можетъ быть и болѣе 3000 душъ, расселенныхъ, болышею частью, отдѣльными дворами и на огромномъ пространствѣ? Указанные недостатки не только не были ослаблены, а напротивъ, елико было возможно, усилены инструкціею 1866 года о введеніи въ дѣйствіе новаго общественнаго управленія, составленною подъ руководствомъ Генераль-губернатора и имъ утвержденною. Всякому понятно, что характеръ и степень самостоятельности новыхъ учрежденій во многомъ зависели отъ ихъ

первыхъ дѣйствій, такъ какъ по нимъ крестьяне, не читавшіе самаго положенія, должны были составить себѣ наглядное представленіе о томъ, что отъ нихъ требовалось, что имъ вѣрялось и что они приобретали. Между тѣмъ, именно въ первоначальномъ устройствѣ волостей, на первыхъ сходахъ и выборахъ, помѣщику даны были такое участіе и такая инициатива, которыми не могли не замаскироваться, въ глазахъ крестьянъ, обѣщанныя имъ самостоятельность и независимость.*)

Впрочемъ, дальнѣйшее развитіе Балтійскихъ волостныхъ учреждений находится въ полной зависимости отъ готовящейся для этого края судебной реформы и особенно отъ условій и формъ, въ которыхъ установлень будетъ Мировой институтъ. И у насъ, гдѣ, даже при крѣпостномъ правѣ, крестьяне пользовались гораздо большею общественною самостоятельностью чѣмъ въ Балтійскихъ губерніяхъ при мнимой свободѣ, и у насъ потому только удалось ввести дѣйствительное самоуправленіе въ селахъ и волостяхъ, что, на первыхъ порахъ, новооткрытыя въ нихъ учрежденія поставлены были подъ охрану и руководство Посредниковъ, на которыхъ сословная ихъ среда не имѣла слишкомъ исключительнаго вліянія и которые, за очень рѣдкими изъятіями, желали, не продолженія традицій помѣщичьяго управленія, а дѣйствительнаго, гражданскаго возрожденія крестьянъ. При строгой корпоративной замкнутости Балтійскаго рыцарства, при существующемъ въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи способѣ замѣщенія всѣхъ полицейскихъ и судебныхъ должностей, найдетъ ли въ нихъ правительство такое же добросовѣстное содѣйствіе своимъ начинаніямъ, какое у насъ оказало ему помѣстное дворянство въ лицѣ Мирowychъ Посредниковъ

*) Подробный разборъ положенія 19 Февраля 1866 и свидѣнія о введеніи его читатели найдутъ въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ.

и председателей Мировыхъ създовъ? Можетъ ли оно даже надѣяться на это?*)

VI.

Общественное устройство и финансовое управленіе городовъ Балтійскаго края вообще, и значительнѣйшаго изъ нихъ, города Риги, въ особенности, нуждались въ коренномъ преобразованіи въ тойже, если не въ болшей степени чѣмъ сельскія волости. Это было признано высшимъ правительствомъ еще въ концѣ прошлаго вѣка. Послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ исправить вопіющія несообразности, устранить укоренившіеся беспорядки и пресѣчь скандальныя злоупотребленія частными мѣрами, или предоставленіемъ преобразовательной инициативы самимъ городскимъ сословіямъ, правительство, въ сороковыхъ годахъ, поручило особой комиссіи, составленной изъ чиновниковъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, подробное изслѣдованіе городского управленія въ Ригѣ и составленіе проекта о лучшемъ устройствѣ тамошняго общества. Употребивъ не мало времени и труда на одно приведеніе въ извѣстность существовавшаго и доселѣ существующаго беспорядка вещей,**) эта комиссія окончила свои работы

*) Издатель Ливондскихъ вкладовъ отзываясь о волостномъ учрежденіи 1866 года очень неодобрительно — что понятно. Онъ пророчитъ, что отъ него произойдетъ много всякаго рода разстройствъ „если, *аще чашія*, правительство вздумаетъ отнестись къ нему серьезно и потребовать точнаго его исполненія“ — въ чемъ, какъ видно, на мѣстахъ находить достаточныя поводы сомнѣваться. Livl. Veitg. B. 1 Lief. III S. 286.

**) Вслѣдствіе систематическаго сопротивленія всѣхъ городскихъ управленій, ревизія назначенная правительствомъ прекратилась какъ бы въ осаду и Графъ П. Д. Киселевъ, въ 1848 году, не безъ основанія спрашивать одного изъ чиновниковъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ: „вѣдь это кажется Вы, не порученію Л. А. Перовскаго, ходили подъ Ригу?“ —

къ самому приѣзду князя Суворова. Но съ многотомные труды по ревизионной части, въ которыхъ было раскрыто множество злоупотребленій и упущеній требовавшихъ немедленнаго исправленія, остались безъ всякихъ практическихъ послѣдствій, а составленный ею проектъ былъ забракованъ, почти безъ разсмотрѣнія, какъ трудъ чиновниковъ, будтобы незнакомыхъ съ мѣстными нуждами и потому относившихся къ дѣлу безъ живаго къ нему участія. Князь Суворовъ объявлялъ себя, съ перваго дня, горячимъ сторонникомъ тѣхъ стародавнихъ учреждений, въ которыхъ находился корень всего неустройства, и захотѣлъ повторить еще разъ опытъ неудававшійся болѣе пяти разъ къ ряду, то есть: поручить составленіе проекта общественной организаціи тѣмъ самымъ привилегированнымъ корпораціямъ, которыя многократно уже обнаруживали свое упорное нежеланіе или свою неспособность въ чемъ либо уступить духу времени. Дѣло пошло обычнымъ порядкомъ, то есть крайне медленнымъ, черезъ цѣлый рядъ приготовительныхъ комиссій, на обсужденіе гильдейскихъ собраній. На сей разъ, и мѣстныя газеты подоспѣли на помощь съ своими совѣтами; набрали кучу матеріаловъ, вывели на справку всевозможныя положенія, Прусскія, Виртембергскія и Баварскія, не приняли въ соображеніе только Русскія. Одинъ лишь изъ членовъ городского общества, Русскій купецъ, по какому то частному вопросу, робко и нерѣшительно, позволилъ себѣ указать на Петербургское положеніе, да въ Рижской газетѣ, кто то замолвилъ слово въ его пользу; но эти изолированныя голоса не вызвали даже серьезнаго обсужденія, такъ какъ, не смотря на разномыслія обнаружившіяся въ обществѣ по многимъ вопросамъ, все привилегированныя корпораціи, съ самаго приступа къ дѣлу, были согласны въ одномъ: не только избѣгать всякаго прямого заимствованія изъ общихъ и частныхъ законоположеній Имперіи,

но даже стараться какъ можно дальше отъ нихъ отклониться. Это стремленіе выдержано было до конца и, какъ плодъ его, явился на свѣтъ проектъ положенія дѣйствительно оригинальный, въ своемъ родѣ даже единственный и, въ тоже время, до комизма безобразный.*) Графъ Шуваловъ препроводилъ его въ Петербургъ съ нѣсколькими, крайне слабыми замѣчаніями едва касающимися самыхъ яркихъ его несообразностей, и тамъ, въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, законодательный трудъ Рижскаго общества кажется обрѣлъ тихую и безмятежную кончину. Впрочемъ, надобно сказать, что трудно бы было пустить его въ ходъ. Ни объ утвержденіи его, въ томъ видѣ въ какомъ онъ былъ представленъ, ни даже объ исправленіи его не могло быть и рѣчи; оставалось начать все дѣло съизнова, съ того или другаго конца. Въроятнѣе всего, что пылкій Генералъ-губернаторъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, тоже захочетъ попытать своего счастья, обратившись еще разъ къ законодательнымъ способностямъ Рижскаго общества. По счету, это будетъ, кажется, десятый опытъ къ ряду.

VII.

Вмѣстѣ съ вопросомъ о преобразованіи городовъ, обсуждались, и до сихъ поръ ожидаютъ разрѣшенія, многократно возобновлявшіяся жалобы Рижскихъ гражданъ Русскаго происхожденія на систематическое ихъ устраненіе отъ общественныхъ должностей и отъ городскихъ бенефіцій (доходныхъ мѣстъ). Въ просьбахъ своихъ, они домогались предоставленія имъ въ городѣ Ригѣ такихъ

*) Подробный разборъ этого проекта явится въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ.

же правъ и такого же вложенія въ составъ общества, какими пользовались Татары, въ Казани, и Евреи во вѣсѣхъ городахъ Имперіи, къ которымъ имъ дозволялось присоединяться (я привожу буквально подлинныя слова). Въ 1847 году, дѣло казалось выясненнымъ и близкимъ къ удовлетворительному разрѣшенію и всѣтаки, до сихъ поръ, ни одинъ Русскій не удостоился выбора въ должность и ни одинъ не получилъ бенефиціи. Объясненіе этому странному факту, читатели найдутъ можетъ быть въ слѣдующихъ строкахъ: „о недопущеніи притѣсенній я постоянно заботился и обязанъ присовокупить, что мною не замѣчено, чтобы Русскіе жители края вообще подвергались въ немъ какимъ либо *особымъ, исключительнымъ притѣсеніямъ.**) Вообще, относительно быта Русскихъ въ Балтійскомъ краѣ, едвали не слѣдуетъ принимать въ уваженіе, что они образуютъ въ немъ, не природный слой населенія, а *младшее**)* по порядку времени изъ двухъ *колониризованныхъ племенъ.***)* Русскіе *выходцы*, водворяясь среди *неуступчивыхъ* формъ Германской средневѣковой гражданственности, *естественно,†)* заняли въ городскихъ об-

*) Надобно сознаться, что требованіе очень скромно.

***) Старшій слой, стало быть, Латыши и Эсты, а соответствуетъ ли имъ вложеніе этому праву старшинства?

****) Русскіе, *какъ колонисты*, т. е. какъ частныя лица водворявшіеся на *чужой сторонѣ*, безъ всякихъ правъ, и въ ней терпимые, жили въ Ригѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Ливляндіи, по историческимъ свидѣтельствамъ, во времена Царя Алексѣя Михайловича. Послѣ того, случилось одно происшествіе, о которомъ не слѣдовало бы забывать, а именно: Россія отвоевала у Швеціи всю Ливляндію и Эстляндію, которыя сдѣлались частью Русскаго Государства. Считать ли и затѣмъ Русскихъ проживающихъ въ Ригѣ, Дерптѣ и Пернавѣ выходцами или колонистами, обреченными на *вѣкъ* считаться младшими потому только, что формы Германской гражданственности не уступчивы?

†) Если это естественно, то не крайне ли противоположно, что жители завоеваннаго края приняты были въ составъ Имперіи, не какъ выходцы или колонисты, а какъ полноправные граждане, и, съ первой минуты, приобрѣли въ составѣ обществъ всѣ преимущества, которыми пользовались коренные жители, т. е. Русскіе?

ществахъ *второстепенное мѣсто и не приобрѣли* всѣхъ преимуществъ присвоенныхъ собѣ Германскими пришельцами, основателями и правителями тѣхъ обществъ.“ — Это писалъ, по крайней мѣрѣ подписывалъ, не какой нибудь Бургомистръ или Эльтерманъ, не стражничій или агентъ города Риги, а Генераль-губернаторъ, Князь Суворовъ, во всеподданнѣйшемъ рапортѣ 8 Декабря 1848 года. Я привожу его слова какъ типическое выраженіе воззрѣнія при немъ сложившагося и переходившаго по традиціи отъ одного главнаго начальника края къ другому. Переведите приведенный отрывокъ на Нѣмецкій или Французскій языкъ, поставьте, вмѣсто Русскихъ, Прусаковъ или Французовъ, вмѣсто Пѣмцевъ — Познанскихъ Поляковъ, Ганноверцевъ или Савойцевъ, и постарайтесь представить себѣ чѣмъ бы почувствовалъ Графъ Бисмаркъ и весь Берлинъ, или Наполеонъ III и Парижъ, если бы какой нибудь Познанскій Оберъ-президентъ или Пресектъ города Ницы вздумалъ доказывать подобными доводами, что Прусаки или Французы *естественно* должны довольствоваться въ завоеванныхъ ими областяхъ положеніемъ второстепеннымъ, и что довольно съ нихъ и того, что ихъ не подвергаютъ *особеннымъ притѣсненіямъ*. Вся сила дѣйствительно въ томъ, что формы Германской гражданственности, какъ выразился Князь Суворовъ, неуступчивы, а Русскіе Генераль-губернаторы, и съ ними за одно все Русское высшее общество, въ вопросахъ національнаго достоинства, черезъ чуръ уступчивы.

VIII.

Не знаю къ кому именно Князь Суворовъ мысленно приравнивалъ Русскихъ купцовъ когда онъ заявлялъ, что, по его наблюденіямъ, они не испытывали *особенныхъ*, исклю-

чительныхъ притѣсненій; но если онъ при этомъ имѣлъ въ виду ихъ земляковъ, состоявшихъ на службѣ, то нельзя не признать его наблюденія вѣрнымъ. Кушовъ и мѣщанъ держали конечно въ черномъ тѣлѣ, имъ не давали хода въ общественныхъ дѣлахъ; за то, имъ не мѣшали заниматься своимъ торговымъ дѣломъ пока они жили смиренно, то есть молчали. Напротивъ, немціе Русскіе занимавшіе должности, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые не теряли своего національнаго и вѣроисповѣднаго закала, (а не тѣ, которыхъ держали только для того, чтобъ имѣть возможность сказать при случаѣ: мы де имѣемъ при себѣ и Русскихъ) никогда въ Балтійскомъ краѣ не уживались. Мѣстные интриги спускали ихъ одного за другимъ, иногда съ скандаломъ, а чаще безъ шума, потихоньку, и всегда притаившись за личностью Генераль-губернатора, то есть чужими руками, руками самаго правительства. Съ 1842 по 1867 годъ, изъ Балтійскаго края удалены были три Епископа. Преосвященный Иринархъ принесенъ былъ въ жертву Барону Палену и вывезенъ былъ изъ Риги почти какъ арестантъ; съ Преосвященнымъ Филаретомъ не ужился Князь Суворовъ, и еще недавно Ген. Ад. Альбединскій, вѣроятно чтобъ не отставать отъ своихъ предшественниковъ, испросилъ удаленія Преосвященнаго Платона. Въ сороковыхъ годахъ, Генераль Головинъ собралъ около себя небольшую группу Русскихъ чиновниковъ, трудами которыхъ раскрыта была та незначительная доля правды, которую мы знаемъ о Балтійскомъ поморѣ; хоть въ этомъ отношеніи, ихъ дѣятельность была не бесполезна, не говоря уже о томъ, что они же возстановили въ глазахъ предубѣжденнаго Нѣмецкаго общества нравственное достоинство Русскихъ служилыхъ людей; но, по удаленіи изъ края Генераль-губернатора Головина, положеніе этой группы стало невыносимо и она скоро разбрелась. Наконецъ, въ самое послѣднее

время, мѣстная интрига, опять таки черезъ Генералъ-губернатора Альбединскаго, добилась въ Петербургѣ удаленія послѣдняго вліятельнаго лица изъ Русскихъ, бывшаго управляющаго Лифляндскою Палатою Государственныхъ Имуществъ С. Н. Шафранова, на котораго вся Русская колонія Балтійскаго края смотрѣла какъ на лучшаго своего представителя и ревностѣйшаго заступника.*) Я не принадлежу къ числу безусловныхъ почитателей системы управления Пресвященнаго Платона; думаю, что она могла бы, во многихъ отношеніяхъ, подвергнуться справедливой критикѣ и что ею, въ извѣстной степени, было подготовлено почти безвыходное положеніе Православія въ краѣ; соображенія побудившія правительство удалить С. Н. Шафранова мнѣ рѣшительно неизвѣстны, и потому я объ нихъ не сужу; но вотъ что я положительно знаю, что знаютъ всѣ, и что можно легко доказать документальными свидѣтельствами: Пресвященный Платонъ и С. Н. Шафрановъ навлекли на себя непримиримую ненависть Нѣмцевъ, первый, своими окружными посланіями, въ которыхъ онъ предостерегалъ свою Православную паству отъ поношеній и клеветъ на Церковь, печатно распространяемыхъ Лютеранскимъ духовенствомъ, своими убѣдительными представленіями (окончательно уваженными высшимъ правительствомъ) по вопросу о повинно-

*) Независимо отъ служебной своей дѣятельности, которая будетъ оценена по достоинству только тогда, когда мы захотимъ серьезно узнать всю правду о Балтійскомъ краѣ (то есть, вѣроятно, тогда когда уже нельзя будетъ воротить упущеннаго) С. Н. Шафрановъ оставилъ по себѣ прочную память въ Ригѣ своими неутомимыми стараніями о подъемѣ общественнаго положенія Русскихъ. По общему ихъ свидѣтельству, ему, главнѣйшимъ образомъ, обязаны они основаніемъ Православнаго братства, Русскаго клуба и пріюта для обывателей Московскаго форштата. И все это было взято съ бою, при систематическомъ противодѣйствіи Нѣмецкаго общества, при явномъ недоброжелательствѣ второстепенныхъ, Нѣмецкихъ, въ сущности вліятельнѣйшихъ властей, и при полномъ равнодушіи высшихъ.

стяхъ въ пользу пасторовъ, наконецъ, своимъ противо-
дѣйствіемъ разрѣшенію свободнаго перехода изъ Право-
славія въ Лютеранство; второй — точнымъ и усерднымъ
исполненіемъ распоряженій высшаго правительства по
водворенію въ казенныхъ имѣніяхъ безземельныхъ кре-
стьянъ, преимущественно Православныхъ. Эта мѣра была
позднимъ, конечно крайне скуднымъ и недостаточнымъ
вознагражденіемъ ихъ за все испытанныя ими притѣсне-
нія; но она, по крайней мѣрѣ хотъ на время, поддержи-
вала въ новообращенныхъ довѣріе къ правительству и
угасавшую надежду на его заступничество. Таковы были
настоящія, повторяю: всемъ извѣстныя причины едино-
душнаго остервенѣнія, съ которымъ интрига направила
свои козни противъ двухъ лицъ мѣшавшихъ осущест-
вленію ея плановъ; но такъ какъ ни одна изъ нихъ не
могла конечно подать законнаго повода къ жалобамъ, то
пришлось прибѣгнуть къ обыкновенному средству, то есть
къ клеветѣ. При этомъ, увѣренность въ успѣхѣ была
такъ велика, что мѣстные поставщики лжеобвиненій не
захотѣли даже взять на себя труда прикрыть свои по-
бужденія сколько нибудь правдоподобными предлогами и,
не думая долго, принесли Пресвященному Платону и
С. Н. Шафранову подговоръ крестьянъ къ бунту и *ка-
поджогамъ* (въ буквальномъ значеніи слова). Это обвине-
ніе, печатно заявленное за границу,*) разнеслось по всей
Германіи и, вслѣдъ за тѣмъ, оба, Пресвященный Платонъ
и С. Н. Шафрановъ, были удалены изъ края. Очень
можетъ быть, что не эти нелѣпые доносы пущены были
въ ходъ въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ не въ этой
грубой формѣ. Когда Рижскіе руководители Генералъ-
губернатора отправляли его туда съ порученіемъ спустить
двѣ ненавистныя имъ личности, они конечно снабдили его

*) Livl. Beitr. B. I Lief. I S. 24.

хорошо обдуманною инструкціею и внушили ему что говорить и о чемъ молчать; но я указываю на совпаденіе дерзкой клеветы, распущенной въ краѣ и за границею, съ распоряженіемъ правительства, какъ будто для того именно испрошеннымъ, чтобы придать ей видъ правдоподобія и, такъ сказать, подтвердить ее отъ имени власти. Публикѣ, непосвященной въ тайны переговоровъ происходившихъ между Генераль-губернаторомъ и лицами стоящими во главѣ государственнаго управленія, но хорошо знавшей, что вся Нѣмецкая¹ партія давно подкапывалась подъ Пресвященнаго Платона и подъ С. Н. Шафранова, оставалось предположить одно изъ двухъ: или, что распущенные про нихъ слухи оправдались (чему, можетъ быть, дѣйствительно повѣрили за границею, но ужь конечно не въ Ригѣ), или что антирусская интрига всецѣльна не только въ Ригѣ, но и въ Петербургѣ.^{*)} Таково было нравственное дѣйствіе и общее впечатлѣніе. Темногіе изъ Русскихъ, доселѣ занимающихъ второстепенныя мѣста въ Балтійскомъ краѣ, окончательно унази духомъ и зарубили себѣ на память, что ихъ терпятъ только подъ условіемъ всегданняго угожденія мѣстному провинціализму и что, при малѣйшей размовкѣ съ его представителями, они не найдутъ поддержки нигдѣ и ни въ комѣ.^{**)}

^{*)} Теперь ужь и не скрываютъ, что Пресвященный Платонъ и С. Н. Шафрановъ пали жертвами Балтійской интриги; многие даже хвалятся своимъ въ ней участіемъ (Lieb. Weis. V. I. Lief. II S. 72, 111).

^{**)} Кажется, что у насъ вообще, при назначеніяхъ и смѣщеніяхъ, мало заботятся о томъ: какой смыслъ этого рода распоряженія могутъ или должны получить на мѣстахъ, помимо неизвѣстныхъ обществу соображеній, которыми руководствуется власть смѣняющая и назначающая. Есть личности, съ которыми общественное мнѣніе, основательно или неосновательно — это все равно, связываетъ тѣсную систему управленія. Такое значеніе имѣли С. Н. Шафрановъ въ Ригѣ и Ген. Ад. Кауфманъ въ Виленѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что смѣщеніе послѣдняго отнюдь не было вызвано перемѣною системы (по крайней мѣрѣ, можно сказать это смѣло о Государь, если не о всѣхъ Его министрахъ); но именно такое значеніе придавали ему

IX.

Послѣдствія недостатка надежнаго Русскаго элемента въ мѣстной администраціи ни въ чемъ такъ ясно не обнаружались какъ въ поразительной безплодности усилій ввести Русскій языкъ въ училища и въ официальное употребленіе; а между тѣмъ, ни въ чемъ воля правительства не высказывалась такъ рѣшительно и такъ многократно. Вопросъ о Русскомъ языкѣ въ училищахъ и вопросъ о Русскомъ языкѣ въ присутственныхъ мѣстахъ состоятъ въ очевидной связи, и этою то именно связью, мѣстная интеллигенція очень удачно пользовалась для отклоненія разрѣшенія того и другаго. Когда правительство заявляло желаніе, чтобъ Русскій языкъ преподавался въ гимназіяхъ не какъ мертвый, чтобъ увеличено было число часовъ посвящаемыхъ его изученію и чтобы нѣкоторые предметы преподавались на пемь, изъ Риги и Дерпта обыкновенно отвѣчали: „помилуйте! къ чему тутъ принудительныя мѣры, когда мы сами очень хорошо сознаемъ необходимость знать по Русски и учимся Русскому языку добровольно, притомъ съ полнымъ усиліемъ!“ А когда мы настаивали на введеніи дѣлопроизводства на Русскомъ языкѣ, хотябы въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, намъ говорили: „что вы это! да у насъ ни одинъ изъ служащихъ по Русски не смыслить; сперва пужно вы-

въ Северозападномъ краѣ рѣшительно все, какъ желавшіе, такъ и она-
 шавшіе удаленія бывшаго главнаго начальника этого края. Послѣ того,
 преемникъ Ген. Ад. Кауфмана, кажется почти ежемѣсячно, объявлялъ
 циркулярно, что онъ будетъ дѣйствовать въ томъ же духѣ и съ одинаковою
 настойчивостью, и всѣтаки никто ему не повѣрилъ. Все только улыбались
 или покачивали головами. Пусть же сообразятъ: все ли равно и одинаково
 ли легко приводить въ дѣйствіе программу управленія тамъ, гдѣ все
 убѣждены, что правительство отъ насъ не отступитъ и тамъ, гдѣ все
 убѣждены, что, не иначе такъ завтра, она будетъ изменена?

учиться.“ — Вотъ, на примѣръ, что писать Князь Суворовъ, ссылаясь на слова Графа Уварова, въ исходѣ 1848 года: „надлежитъ признать, что въ Дерптскомъ Университетѣ, въ уѣздныхъ и *народныхъ (!)* училищахъ, и даже въ частныхъ пансіонахъ, Русскій языкъ занялъ принадлежющее ему мѣсто и занялъ безъ *насилственныхъ (!)* распоряженій, такъ сказать, по сознанию края, что это орудіе необходимо для него нужно. Въ такомъ положеніи, всякое понудительное распоряженіе казалось бы изъясненіемъ нѣкотораго неудовольствія (?) правительства и недобвѣрія къ собственнымъ усиліямъ жителей достигнуть указанной имъ цѣли.“ — А что оказалось двадцать лѣтъ спустя, въ 1867 году — мы увидимъ ниже.

Перечитавъ множество брошюръ, журнальныхъ статей и докладныхъ записокъ Балтійской фабрикаціи, я могу сказать, не боясь опроверженія, что вся Балтійская интеллигенція, безъ исключенія, рѣшительно противится усиленію преподаванія Русскаго языка. Разногласія въ этомъ отношеніи нѣтъ, но въ подкрѣпленіе общаго сопротивленія, приводятся разнообразныя доводы: „мы встрѣтили бы неустранимый недостатокъ въ учителяхъ, которыми и въ Россіи не могутъ обзавестись въ достаточномъ числѣ; пришлось бы сократить объемъ преподаванія другихъ предметовъ, дѣйствительно полезныхъ, и *несравненно болѣе важныхъ*, какъ на примѣръ языковъ Англійскаго, Французскаго и Итальянскаго, а это непременно разстроило бы всю систему преподаванія и понизило бы уровень мѣстнаго просвѣщенія;*) къ тому же, оффиціальнй языкъ управленія

*) Одинъ изъ Балтійскихъ публицистовъ недавно насчитывалъ до 26% своихъ земляковъ занимающихъ видныя мѣста въ Имперіи, на разныхъ поприщахъ государственной службы. Такъ какъ это одно доказываетъ, что все они вполнѣ владѣютъ Русскимъ языкомъ, и такъ какъ знаніе его не можетъ быть приобретено иначе (по утвржденію Балтійскихъ педагоговъ) какъ въ ущербъ общему образованію, то любопытно бы было знать: дѣйствительноли

и суда есть и, въ силу неприкосновенныхъ привилегій, долженъ быть Нѣмецкій, а потому мы вовсе не видимъ для себя необходимости знать по Русски; наконецъ, старанія ввести Русскій языкъ въ училища внушили учащейся молодежи *глубочайшую ненависть къ Русскимъ.* (**) Такъ вообще думаютъ, говорятъ и пишутъ ученые, учителя, инспекторы, словомъ всё тѣ, въ чьихъ рукахъ находится учебная часть. Самъ почтенный попечитель Дерптскаго учебнаго округа, какъ слышно, раздѣляетъ это мнѣніе и, при случаѣ, честно и открыто выражаетъ его. (***) Само собою разумѣется, что такое личное его воззрѣніе нисколько не мѣшаетъ ему одинаково честно исполнять распоряженія высшей власти исходящія изъ воззрѣнія прямо противоположнаго; но, признаюсь, я не вполне увѣренъ, чтобы безукоризненное исполненіе служебнаго долга, во всякомъ дѣлѣ, могло восполнить отсутствіе личнаго сочувствія, и чтобы вѣрноподданническое послушаніе было всегда достаточно для обеспеченія успѣха въ любомъ предпріятіи, даже при полномъ несогласіи внутреннихъ убѣжденій исполнителя съ предписаніями начальства. На примѣръ,

Нѣмецкаго фаланга нашихъ министровъ, посланниковъ, членовъ совѣта, сенаторовъ, директоровъ, генераловъ и т. д. стоитъ, въ общемъ своемъ образованіи, такъ бесконечно ниже Рижскихъ адвокатовъ, Курляндскихъ Гауптмановъ и Ревельскихъ ратсверовъ?

*) „Введеніе Русскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ и школахъ всё считаютъ *варварствомъ и тиранией* (ebenso barbarisch wie tyrannei). — Навязываніе Русскаго языка (der Sprachzwang) наполняетъ сердца учащейся Нѣмецкой молодежи, сознающей свое превосходство надъ Русскими, *глубочайшее къ нимъ ненавистью* (mit dem tiefsten Russenhass) — что конечно нисколько не помѣшаетъ ей, въ послѣдствіи, занять высшія мѣста на государственной службѣ. (Livl. Veis. V. I Lief. III S. 3, 259).

**) Издатель Ливонскихъ вкладовъ прямо ссылается на него въ подтвержденіе своего мнѣнія о Русскомъ языкѣ и прибавляетъ: „назначеніе Графа Кейзерлинга попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа, само по себѣ, служить уже ручательствомъ въ томъ, что Государь Императоръ охранитъ права Нѣмецкой народности и Нѣмецкаго языка отъ всякаго на нихъ покушенія.“ Livl. Veis. V. I Lief. III S. 32, 68.

хоть въ данномъ случаѣ, по истеченіи десяти или пятнадцати лѣтъ, обрадуеть ли насъ такой исполнитель извѣстіемъ, что онъ ошибался, что ожиданія его не сбылись что, напильсь и учителя для преподаванія Русскаго языка и время для его изученія, словомъ: что всѣ тѣ мѣры, которыя онъ оспоривалъ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, или на оборотъ: услышимъ мы отъ него, что все сбылось по его предсказанію, что распоряженія правительства только разстроили систему преподаванія, что Русскія гимназіи впадаютъ плачевно существованіе, не будучи въ состояніи уравняться съ Пѣмецкими, что даже въ послѣднихъ уровень пріобрѣтаемыхъ познаній понизился, и что, не смотря на всѣ старанія, никакими средствами не удалось пріохотить молодежи къ серьезному изученію Русскаго языка?*) Не гораздо ли вѣроятнѣе, что мы услышимъ что нибудь въ родѣ послѣдняго, а не перваго заявленія, потупимъ голову и скажемъ: „да! онъ все предусмотрѣлъ и предсказалъ *set excellent Kayserling!* но мы не уважили въ пору мудрыхъ его предостереженій и теперь казнимся за свое упорство!“ Подобныхъ случаевъ было уже не мало.**)

*) Въ Ливляндіи рассказываютъ, что какой то острякъ предрекъ Русской, Александровской гимназіи такую будущность: она вѣчно будетъ терпѣть недостатокъ въ двухъ условіяхъ, безъ которыхъ ей будетъ довольно трудно обойтись; въ ней не будетъ учителей и не будетъ учениковъ — Передавалъ этотъ анекдотъ, издатель Ливляндскихъ вкладовъ прибавляеть: дай Богъ, чтобъ эта злая сатира оправдалась на дѣлѣ. (Livl. Veit. B. I Lief. II S. 47) Удивляюсь какъ до сихъ поръ не отыскали этого пророка и не назначили его въ помощники къ Графу Кейзерлингу собственно по части устройства Русскихъ учебныхъ заведеній.

**) Я цѣню какъ нельзя болѣе высокое образованіе вышшняго попечителя Дерптскаго учебнаго округа и неутомимую ревность, съ которою онъ оберегаетъ интересы просвѣщенія своей родины, *какъ онъ ихъ почитаетъ*. Какъ Русскій — говорю это не безъ зависти — я былъ бы счастливъ, если бы судьба другихъ нашихъ Университетовъ вѣрнее была рукавъ одинаково искуснымъ, опытнымъ и твердымъ; но это несколько не мѣшаетъ мнѣ думать, что тотъ не можетъ быть пригоднѣйшимъ орудіемъ для приведенія въ дѣйствіе какой либо системы, кто внутренно увѣренъ въ ея вредъ или несостоятельности.

Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ вопроса. Въ началѣ 1850 года, состоялось Высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: 1) Губернскимъ Правленіямъ и всѣмъ короннымъ присутственнымъ мѣстамъ всѣхъ трехъ Остзейскихъ губерній производить на Русскомъ языкѣ всю переписку, не только съ высшими и общими государственными установленіями и властями и съ присутственными мѣстами внѣ Остзейскихъ губерній (это было предписано еще въ 1842 году) но и съ тѣми, находящимися въ Остзейскихъ губерніяхъ присутственными мѣстами и лицами, кои сами производятъ дѣла не на Нѣмецкомъ, а на Русскомъ языкѣ, а также со всѣми вообще, находящимися въ тѣхъ губерніяхъ мѣстами и лицами военныхъ вѣдомствъ. 2) Генераль-губернатору наблюдать, чтобы впредь члены присутствій коронныхъ мѣстъ и высшіе въ нихъ канцелярскіе чиновники были опредѣляемы *преимущественно* изъ лицъ, имѣющихъ въ Русскомъ языкѣ познанія достаточныя для производства на ономъ дѣлѣ. 3) Съ 1 Января 1858 года т. е. по окончаніи полнаго начинающими въ 1850 году высшее образованіе свое учебнаго курса въ гимназіяхъ и университетѣ Дерптскаго учебнаго округа, во всѣ вообще должности, какъ членовъ такъ и канцелярскихъ чиновниковъ, по короннымъ присутственнымъ мѣстамъ Остзейскаго края, опредѣлять *только* лицъ, имѣющихъ основательныя познанія въ Русскомъ языкѣ и могущихъ заниматься дѣлопроизводствомъ на ономъ. 4) Когда главное мѣстное начальство признастъ, что такихъ чиновниковъ во всѣхъ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ достаточное число, то войти оному съ особымъ представленіемъ о назначеніи положительнаго и опредѣлительнаго срока для введенія всего въ нихъ дѣлопроизводства на одномъ только Русскомъ языкѣ.

Это Высочайшее повелѣніе вошло въ продолженіе къ 1^{ей} части свода мѣстп. узак. (примѣч. 2 къ ст. 121)

и, сколько мнѣ извѣстно, не вызвало въ свое время ни протестовъ, ни возраженій. Не мудрено, что тогдашній Генераль-губернаторъ и всѣ мѣстныя власти предпочли послѣдовать обыкновенной въ Балтійскомъ краѣ системѣ обращенія съ Русскими законами, т. е. не говоря ничего, просто поступать такъ какъ будтобы ихъ вовсе не было. Во всякомъ случаѣ, по той ли по другой ли причинѣ, никто въ продолженіи 17^{ти} лѣтъ не шевельнулъ пальцемъ для исполненія Высочайшей воли, которая, по выраженію Комитета Министровъ, во всѣхъ частяхъ своихъ, осталась мертвою буквою. А что если бы что нибудь подобное обнаружилось въ Московской, Калужской или Саратовской губерніи? Съ какимъ благороднымъ негодованіемъ накинулись бы на нее тѣже самые Ливены, Цалены, Эттингены, Кейзерлинги и другіе за столь непростительное пренебреженіе къ священной волѣ обожаемаго Монарха! Наконецъ, въ прошломъ году, не знаю въ точности по какому случаю, высшее правительство вспомнило про законъ 1850 года и, не желая ни расшевеливать прошлаго, ни размѣкивать виновныхъ въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ очевидна была стачка всѣхъ мѣстныхъ властей, ограничилось простымъ повтореніемъ и подтвержденіемъ приведеннаго Высочайшаго повелѣнія, иначе: оно еще разъ заявило свое право и свое намѣреніе говорить въ Балтійскихъ губерціяхъ на собственномъ своемъ государственномъ языкѣ. И чтоже? Это простое повтореніе (сдѣланное вскорѣ послѣ того какъ правительство, снисходя къ усиленнымъ ходатайствамъ первенствующаго въ томъ краѣ сословія, отмѣнило одно изъ основныхъ правилъ господствующей Церкви) вызвало бурю. Вся мѣстная интеллигенція опетенилась; въ иностранныя газеты посыпались язвительнѣйшія жалобы на правительство; Лифляндское дворянство присанилось и приготоилось къ рѣшительному отпору — Сравните теперь 1850 годъ съ 1857, впечат-

лѣніе произведенное изданіемъ *новаго* закона съ дѣйствіемъ произведеннымъ простымъ подтвержденіемъ закона давно изданнаго, и вамъ представится паглядно на сколько въ 17 лѣтъ уналь авторитетъ власти. Вотъ послѣдствія хваленной системы поблажекъ и потворства въ видахъ списканія популярности въ одной области, точнѣе: въ тѣсномъ кругу одного или двухъ сословій, и въ явный ущербъ той популярности, которою правительство пользуется во всей остальной Россіи. Но оставимъ въ сторонѣ дворянскую оппозицію и журнальную агитацію; посмотримъ лучше, что сдѣлали мѣстные власти, на которыхъ лежала обязанность исполнить волю правительства. Онѣ дѣйствительно засуетились и приступили очень усердно только не къ исполненію, а къ собранію подробнѣйшихъ статистическихъ данныхъ для возраженія. Съ этою цѣлью, присутственныя мѣста потребовали отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ точныхъ свѣденій о степени ихъ познаній въ Русскомъ языкѣ. Къ этому запросу прилагалась акуратно составленная таблица, въ которую каждый обязывался вписать свое имя, въ ту или другую графу. Была графа для вовсе не знающихъ Русскаго языка, другая для понимающихъ, но не способныхъ писать по Русски, третья для владѣющихъ языкомъ вполнѣ; были, кажется, еще подраздѣленія. Которыя изъ этихъ графъ должны были наполняться именами и которымъ предназначалось оставаться пустыми всѣмъ было извѣстно напередъ; говорили — не знаю правды ли — что самъ начальникъ Лифляндской губерніи вписалъ свое имя во вторую графу.*) Но не всѣ доста-

*) Въ недавно обнародованной корреспонденціи изъ Риги значится, что если бы всѣ мѣстныя власти Лифляндскія, въ вопросѣ о языкѣ, послѣдовали примѣру Гражд. Губ. Этингена, то все дѣло кануло бы въ воду. (Онъ былъ Губернаторомъ съ 1862 по 1868 годъ и, какъ извѣстно всѣмъ, управлялъ тремя Генералъ-губернаторами). Livl. Beitr. V, II Lief. I S. 38. Впрочемъ, дѣло и безъ того кануло въ воду. Нынѣ носится слухъ, что Г. Этингена

вили требуемая от них свѣденія; такъ, одинъ изъ мѣстныхъ, коронныхъ чиновниковъ возвратилъ посланную къ нему таблицу съ отмѣткою „что на подобнаго рода вопросы запрещаетъ ему отвѣчать его совѣсть (auf solche Fragen zu antworten, verbietet mir mein Gewissen). Все это разумѣется была комедія, придуманная умными людьми для выигрыша времени, и чтобъ дать возможность начавшейся агитаціи произвести свое дѣйствіе; въ сущности же никто въ краѣ не вѣрилъ въ дѣйствительное исполненіе воли правительства. Всѣ напротивъ были убѣждены, что оно спасуетъ передъ единодушнымъ сопротивленіемъ сословія и передъ тѣми затрудненіями, которыя воздвигали ему его собственные агенты; рассчитывали на вѣрное, что оно дастъ отсрочки, согласится на уступки и что мертворожденная буква не оживетъ. Сбылись ли эти надежды — объ этомъ пусть судятъ читатели по прочтеніи слѣдующаго предложенія Прибалтійскаго Генералъ-губернатора начальникамъ подвѣдомственныхъ ему губерній отъ 26 Октября 1867 года.

„Велѣдствіе отношенія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 14 минувшаго Іюня No. 11492 и на основаніи Высочайше утвержденнаго 3 Января 1850 года и 1 Іюня сего 1867 года положенія Комитета Министровъ, относительно безотлагательнаго введенія въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ Прибалтійскихъ губерній дѣлопроизводства на Русскомъ языкѣ, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, М. Г. принять нынѣ же къ руководству по мѣстамъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ ввѣршенной вамъ губерніи, нижеслѣдующія правила: 1) въ Губернскомъ Правленіи, по всѣмъ его отдѣленіямъ, и въ

прочать въ Министры Удѣловъ. Такъ и слѣдуетъ: за успѣшное производствіе видамъ высшаго правительства въ Балтійскомъ краѣ нельзя не наградить.

канцеляріи Губернатора производить на Русскомъ языкѣ всю переписку, какъ съ высшими и общими Государственными установленіями и властями и съ присутственными мѣстами внѣ Остзейскихъ Губерній,*) такъ равно и съ тѣми, существующими въ сихъ губерніяхъ коронными присутственными мѣстами и лицами, кои сами производятъ дѣла не на Нѣмецкомъ, а на Русскомъ языкѣ, и которые поименованы въ прилагаемомъ спискѣ, или которые впредь могутъ быть учреждены въ здѣшнихъ губерніяхъ отъ Короны, а также со всѣми вообще мѣстами и лицами военныхъ вѣдомствъ.**)

2) Въ вышеупомянутыхъ коронныхъ губернскихъ учрежденіяхъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (п. 1) ввести на Русскомъ языкѣ вообще и все дѣлопроизводство, со включеніемъ журнальныхъ постановленій Губернскаго Правленія, резолюцій его членовъ, регистратуры, всякаго наименованія описей, книгъ, алфавитовъ, вѣдомостей, ассигновокъ и т. п. допуская исключенія въ отношеніи тѣхъ лишь журнальныхъ опредѣленій и резолюцій, которыя касаются дѣлъ слѣдственныхъ,***) или въ силу коихъ составляются бумаги обращаема въ мѣстныя учрежденія, поименованныя въ ст. 9 части 1^й св. мѣстн. узак. (т. е. высшіе суды, суды первой степени въ Уѣздахъ, мѣста и лица принадлежащія къ земской полиціи, городскіе магистраты съ городскими судами и управленіями) а также въ дворянскія и городскія общественныя учрежденія Прибалтійскихъ губерній и въ духовныя установленія Евангелическаго и Лютеранскаго исповѣданія.†)

Такия журнальныя постановленія могутъ

*) Это введено было еще въ 1842 году и подтверждено въ 1845. Св. Мѣст. узак. Част. 1. прим. къ ст. 121.

**) Все это есть не болѣе какъ простое повтореніе пункта 1го Высоч. повел. 1850 года.

**) Трудно понять дѣль этого изъятія.

†) Эти два послѣднія изъятія лишаютъ общее правило выраженное въ началѣ статьи всякаго серьезнаго значенія; ибо, конечно, если не по всякъ,

быть составлены и на Нѣмецкомъ языкѣ. 3) Въ *смѣшанных* (?) Губернскихъ учрежденіяхъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, какъ то: въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, Губернской Коммисіи Народнаго Продовольствія, въ Комитетѣ и Особомъ Присутствіи о земскихъ повинностяхъ (въ Курляндіи) въ Губернскомъ Рекрутскомъ Присутствіи, въ Комитетахъ: Статистическомъ, Еврейскомъ (въ Курляндіи), Понсчительномъ о торьмахъ, Общественнаго здравія, Осепномъ, Рекрутскомъ, въ Коммисіяхъ крестьянскихъ дѣлъ и друг. состоящихъ подъ предѣлательствомъ начальника Губерніи, изъ членовъ отъ короны и мѣстныхъ сословій, дѣлопроизводство и персону *оставитъ на прежнемъ основаніи.**)

то по огромному большинству журнальныхъ постановленій Губернскаго Правленія приходится написать хоть одну бумагу въ одно изъ существующихъ судебныхъ или полицейскихъ мѣстъ или сословныхъ представительствъ. Но Русски, будутъ писаться только журналы о выдачѣ жалованья, ордера казначею, постановленія о покупке перьевъ, бумаги и т. п. Предположимъ, что по одному и тому же постановленію, нужно будетъ войти въ сношеніе съ Православнымъ Архіереемъ и съ Лютеранскою Консисторіею (что случается часто); спрашивается: на какомъ языкѣ будетъ составленъ журналъ? По силѣ изъятія выраженнаго въ § 2, онъ напишется по Нѣмецки, ибо переписка съ Лютеранскою Консисторіею производится по Нѣмецки. Вообще, этотъ § есть не исполненіе, а отсрочка на неопредѣленное время исполненія 4 пункта Высочайшаго повелѣнія 1850 года.

*) Это ужъ даже не отсрочка, а рѣшительная отмѣна Высочайшаго повелѣнія, основанная на совершенно произвольномъ и доселѣ неслыханномъ дѣленіи присутственныхъ мѣстъ на коронныя и какія то *смѣшанныя*, о которыхъ законъ не вѣдаетъ; ибо, если всѣ мѣста причисляемыя Генераль-губернаторомъ къ категоріи смѣшанныхъ, тѣмъ самымъ, исключаются изъ числа коронныхъ, то ни одинъ изъ пунктовъ Высочайшаго повелѣнія 1850 къ нимъ не отнесется. По откуду же взялось это новое понятіе о *смѣшанныхъ* мѣстахъ? Понятіе короннаго мѣста противопоставляется всегда понятію, не смѣшаннаго, а *сословнаго* или *общественнаго*. Изъ всѣхъ наименованныхъ Генераль-губернаторомъ мѣстъ и учрежденій, ни одно не отнесено по своду законовъ къ числу образованныхъ на основаніи особыхъ мѣстныхъ узаконеній; Приказъ Общественнаго Призрѣнія прямо даже поименованъ въ числѣ мѣстъ учрежденныхъ въ губ. Остзейскихъ на основаніи постановленій введшихъ въ общій сводъ законовъ Имперіи (ст. 7 части 1 св. мѣст. узак.) а по общему своду никогда ни Приказъ Общественнаго Призрѣнія, ни Рекрутское Присутствіе,

4) Уѣзднымъ короннымъ и *смѣшаннымъ* учрежденіямъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ производить всю переписку съ мѣстами военнаго вѣдомства и съ учрежденіями внѣ Остзейскихъ губерній исключительно на Русскомъ языкѣ,*) съ сохраненіемъ въ своей силѣ нынѣ дѣйствующаго порядка въ отношеніи остальной переписки и всего дѣлопроизводства ихъ.**)

5) Начальникамъ Губерній имѣть *строгое* наблюденіе, чтобы къ занятію открывающихся вакансій по учрежденіямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ допускались впредь *преимущественно* только такіа лица, которыя имѣютъ основательныя познанія въ Русскомъ языкѣ и могутъ заниматься дѣлопроизводствомъ на ономъ.***)

6) Считаю однако необходимымъ присовокупить, что изъ доставленныхъ мнѣ Ваш. Прев. свиденій о степени знанія Русскаго языка чиновниками вѣреннаго вамъ Губернскаго Правленія,†) и усматриваю, что дѣлопроизводство въ той степени, какъ оно опредѣляется выше въ § 2, при безотлагательномъ примѣненіи во всемъ объемѣ,

ни Коммиссія Народ. Продов. не отличалась отъ коронныхъ мѣстъ и не считалась ни общественными, ни сословными. Если ужъ Генераль-губернаторъ считалъ себя въ правѣ до такой степени ограничивать силу Высочайшаго повелѣнія 1850 года, то неужели никто не сумѣлъ подсказать ему болѣе благовиднаго предлога?

*) Новая пуганица. Если Генераль-губернаторъ не считаетъ учрежденій Уѣздныхъ *смѣшанныхъ* коронными, то онъ не имѣетъ никакого права требовать отъ нихъ исполненія 1го пункта Высочайшаго повелѣнія 1850 года.

**) Вторую половину статьи 46 отсрочивается на неопредѣленное время исполненіе 4го пункта Высочайшаго повелѣнія во всѣхъ Уѣздныхъ мѣстахъ.

***) Это повтореніе, въ формѣ нѣсколько менѣе точной, пункта 2 Высоч. повелѣн. 1850. Вся разница въ томъ, что по этому пункту обязывался *наблюдать* Генераль-губернаторъ, который теперь, въ свою очередь, обязывается къ тому же Губернаторовъ, прибавляя прилагательное *строгое*, не совсѣмъ гармонирующее съ удержаннымъ въ редакціи словомъ *преимущественно*. Простое (не *строгое*) наблюденіе Генераль-губернатора, въ продолженіи 17ти лѣтъ, ни къ чему не повело — это мы видимъ изъ опыта; посмотримъ: къ чему поведетъ *строгое* наблюденіе Губернаторовъ.

†) Таблички какъ видно пригодились!

можетъ встрѣтить нѣкоторыя затрудненія, вслѣдствіе чего я предоставляю вамъ право допустить на нѣкоторое еще время тѣ исключенія изъ означенной мѣры, которыя вы признаете необходимыми, по собственному усмотрѣнію вашему, присовокупляя, что я буду смотрѣть на это отступленіе какъ на порядокъ переходный и ненормальный.*)

7) Губернаторамъ имѣть равномерно постоянное наблюденіе за точнымъ исполненіемъ со стороны мѣстныхъ Управленій постороннихъ вѣдомствъ всѣхъ мѣръ принятыхъ въ нихъ по настоящему дѣлу вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія 6 Іюня 1867 года.“***)

Итакъ, срока для введенія всего производства на Русскомъ языкѣ въ коронныхъ мѣстахъ, всѣтаки не назначено (пун. 4 Высоч. повел. 1850) а объ опредѣленіи въ должности съ 1го Янв. 1858 года *только* лицъ имѣ-

*) Въ самомъ § 2 насчитано было столько исключеній, что правило въ немъ выраженное почти безусловно упразднялось; теперь допускаются еще новыя исключенія, *senkja*, безъ ограниченія какимъ либо срокомъ и по усмотрѣнію Губернатора. По просту: мертворожденное слово остается таковымъ и на будущее время. Что Генералъ-губернаторъ всѣтаки будетъ *смотреть* на это какъ на порядокъ ненормальный — это конечно утѣнительно; но несомнѣнно также, что по прочтеніи его предложенія, мѣстныя власти и сословія взглянутъ на дѣло иначе и еще болѣе укоренятся въ своемъ убѣжденіи, что въ Балтійскихъ Губерніяхъ, неисполненіе Высочайшей воли явленіе совершенно нормальное. Если нужно доказательство, то вотъ оно: въ недавно опубликованной корреспонденціи изъ Лиепаяди, мы читаемъ: „изъ хода дѣла о введеніи Русскаго языка, мѣстное рыцарство увидить, что тамъ наверху (въ Петербургѣ) политикую править страхъ (wird Angstrepolitik getrieben) также какъ и въ нѣкоторыхъ нашихъ политическихъ кружкахъ. Это напоминаемъ двухъ людей случайно другъ на друга патолкнувшихся въ потьмахъ. Обоихъ прохватилъ страхъ, но тотъ изъ нихъ, который первый рѣшится окликнуть: кто идетъ! непременно обратитъ другаго въ бѣгство. Итакъ, будетъ продолжать во всю глотку кричать: кто идетъ! въ гасгахъ и въ высшихъ слояхъ (an höherer Stelle) и трусливый призракъ исчезнетъ (Livl. Beitr. В. II. Lief. I S. 37). Корреспондентъ правъ: мы спасовали передъ крикомъ; но удивительна эта безцеремонная откровенность, съ которою намъ же печатно рассказываютъ какими средствами насъ надуваютъ и страшатъ.

**) Мнѣ неизвѣстно въ чемъ онъ состоитъ.

ющихъ основательныя познанія въ Русскомъ языкѣ (п. 3) даже и не упоминается. Наконецъ, Русскимъ проживающимъ въ Балтійскомъ краѣ и въ немъ приписаннымъ, никто и не подумалъ предоставить право, которымъ, по закону, пользуются Русскіе проживающіе во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи; я разумѣю право требовать, чтобъ судебныя мѣста Балтійскаго края принимали отъ нихъ всякаго рода бумаги на Русскомъ языкѣ. По ст. 122 св. мѣстн. узак. Лифляндскій Говъ-герихтъ обязанъ принять просьбу писанную на Русскомъ языкѣ, если она прислана къ нему по почтѣ изъ Москвы или Оренбурга, тамошнимъ купцомъ или дворяниномъ, и уже самъ Говъ-герихтъ распоряжается переводомъ ея на языкъ Нѣмецкій; но тотъ же Говъ-герихтъ не принимаетъ просьбы на Русскомъ языкѣ отъ Рижскаго купца Русскаго происхожденія. Таково положеніе Русской колоніи въ краѣ.*)

Издатель Лифляндскихъ вкладовъ, упоминая о распоряженіяхъ сдѣланныхъ разными вѣдомствами по поводу повторенія закона 1850 года о введеніи Русскаго языка, называетъ ихъ рядомъ мѣръ насильственныхъ (eine ganze Reihe von Zwangsmassregeln) и прибавляетъ: „а впрочемъ, если онѣ наткнутся на сопротивленіе, то можетъ быть и не рѣшатся принудить къ исполненію.“**)

Онъ угадалъ вѣрно: правительство повторило прежнсе свое повелѣніе,

*) Въ Прагѣ всѣ присутственныя мѣста и власти принимаютъ всякаго рода просьбы, объявленія и т. п. на Чешскомъ и на Нѣмецкомъ языкахъ безъ различія и, по общепринятому правилу, выдаютъ резолюціи на томъ языкѣ, на которомъ писана просьба. Таково положеніе государственнаго языка въ Чехіи; Русскій, въ Балтійскомъ краѣ, до сихъ поръ не получалъ и этого права, а между тѣмъ никто конечно не вздумалъ приравнять отношенія Чехіи къ Австріи къ отношенію Балтійскихъ губерній къ Россіи. Чехія издревле составляла отдѣльное королевство; Чехія завоевана не была; коропа Чешская перешла къ Габсбургскому дому, но, при этой посредственной, чисто династической связи съ другими владѣніями Габсбурговъ, Чехія всегда состояла, въ составѣ Австрійской Имперіи, на такихъ же правахъ какъ Венгрія.

**) Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 27.

встрѣтило оппозицію и отретировалось. Дѣло было обдѣлано въ Петербургѣ и безъ отправки депутатовъ.

Х.

Въ заключеніе этого длиннаго перечня нашихъ уступокъ, нашихъ потерь и сдѣланныхъ нами промаховъ, нельзя умолчать о разгромѣ постигшемъ отъ нашихъ же рукъ первую попытку интеллигентныхъ Латышей поставить своихъ земляковъ въ прямыя и непосредственныя отношенія къ Россіи. Русскія газеты нѣсколько разъ уже заговаривали объ этомъ прискорбномъ явленіи, но, къ несчастію, правительство до сихъ поръ еще не усмотрѣло дѣйствительнаго его значенія и не оцѣнило нравственныхъ его послѣдствій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ, основана была первая и до сихъ поръ единственная въ своемъ родѣ газета, издававшаяся на Латышскомъ языкѣ, для Латышей, не оцѣмѣчившимися Латышами. Ихъ было немного, человекъ пять или шесть, но всѣ они были даровиты, душою преданы своему дѣлу и цѣлое племя смотрѣло на нихъ какъ на лучшихъ своихъ представителей. Латыши-литераты, изъ которыхъ нѣкоторые получили полное Университетское образованіе и, при всемъ томъ, не гнушались своего происхожденія и не измѣняли своимъ землякамъ, а напротивъ посвящали на служеніе имъ свои познанія и способности — это было явленіе совершенно небывалое, недавно еще казавшееся невозможнымъ. Въ повомъ литературномъ органѣ, цѣлое племя, въ первый разъ, приобрѣтало голосъ для выраженія своихъ потребностей, желаній и стремленій. Направленіе изданія, въ политическомъ отношеніи, было не только безвредно для Россіи, но напротивъ такъ очевидно совпадало съ ея интересами понятными вѣрно, что во всякой другой землѣ, въ Ирландіи, въ Венгріи, въ Познанскомъ

Герцогствѣ или въ Ганноверѣ, откройся тамъ литературный органъ такого же цвѣта, тамошнее правительство привѣтствовало бы его появленіе какъ самый счастливый симптомъ и приняло бы его подъ свое покровительство. Въ противность сепаратистическимъ стремленіямъ Нѣмецкой Балтійской прессы, эти неожиданные, какъ бы съ неба упавшіе къ намъ союзники проповѣдывали Латышскому племени, что вся его будущность въ возможно полномъ объединеніи его съ Россією; на адреса рыцарства и на громкія заявленія вѣрности обусловленной неприкосновенностью мѣстныхъ привилегій, граждане того же края Латышскаго происхожденіе отвѣчали заявленіемъ преданности безусловной и безоговорочной, не скрывая своего желанія, чтобы правительство даровало ихъ племени такіе же права и законы, такой же просторъ, такую же свободу, какими пользовались его коренные подданные въ другихъ областяхъ. Мы, разумѣется, пропустили все это мимо ушей и не обратили ни малѣйшаго вниманія на скромный голосъ этихъ откудато взявшихся людей, говорившихъ на непонятномъ для насъ языкѣ. Но Балтійское дворянство и Лютеранское духовенство взглянули на дѣло иначе и встревожились не на шутку. Они очень хорошо поняли, что еслибы Латышамъ удалось вступить въ прямые сношенія, на первый разъ, хотя бы съ Русскою публикою, и проложить себѣ новый путь къ просвѣщенію, котораго они жаждутъ, именно путь изъ Россіи; то вскорѣ и въ правительственной средѣ поколебалась бы та странная, но общепринятая фикція, въ силу которой помѣщики принимаются за представителей и опрашиваются какъ представители интересовъ крестьянъ; что тогда открылся бы пожалуй новый источникъ для новѣрки официальныхъ отзывовъ о благоустройствѣ и благосостояніи края; наконецъ, что изъ рукъ господствующей партіи, ускользнуло бы надежнѣйшее орудіе германизациі тузем-

цевъ. Все обыкновенные приемы, клеветы, доносы, застра-
 щиваніе, были употреблены въ дѣло, чтобъ отвратить эти
 бѣды и, разумѣется, съ обыкновеннымъ усѣхомъ. Прежде
 всего, добились черезъ Генераль-губернатора (барона Ли-
 вена) перевода цензуры Латышской газеты изъ Петер-
 бурга въ Ригу, разсудивъ, очень основательно, что имѣя
 ее подъ рукою, гораздо легче будетъ задуть ее втихо-
 молку; потомъ, испросили у Министра Внутреннихъ Дѣлъ
 приостановленія ея на нѣсколько мѣсяцевъ, а за тѣмъ
 запрещенія. Въ такихъ мелочахъ людямъ заслуженнымъ
 и пользующимся полною довѣренностью правительства,
 отказа не бываетъ. Но всего этого было мало; нужно
 было, рукою самаго правительства, разбить групу людей
 собравшихся около Латышской газеты, дабы, однимъ уда-
 ромъ, пришибить въ цѣломъ племени всякую надежду на
 заступничество со стороны власти и всякую вѣру въ ея
 сочувствіе. Въ этихъ видахъ, сложилась цѣлая коалиція,
 и, благодаря наговорамъ двухъ сословій (дворянства и
 духовенства*) благодаря усиленному ходатайству Губер-
 натора и Генераль-губернатора, благодаря наконецъ пре-
 дупредительной услужливости III Отдѣленія и Министер-
 ства Внутреннихъ Дѣлъ, административная кара обру-
 шилась на невинныя головы бывшихъ редакторовъ и
 главныхъ сотрудниковъ. Подъ самыми вздорными пред-
 логами, начались домашніе обыски и допросы; кого запу-
 гали, кого лишили мѣста и раззорили, кого административнымъ
 порядкомъ отравили въ дальнюю ссылку, кого едва было не погубили по суду, если бы не вмѣшался въ
 дѣло Правительствующій Сенатъ и не остановилъ въ пору
 юридическаго убійства, къ несказанной досадѣ Лифлянд-
 скаго Гоеф-герихта.***) Этимъ гоненіемъ, по своей произ-

*) На это есть печатное свидѣтельство, которое я приведу.

**) Livl. Beitr. B. I Lief. I S. 25, 26.

вольности и жестокости безпримѣрнымъ въ нынѣшнее царствованіе, отвѣтило правительство на первую попытку мирной эмансипаціи Латышей въ области мысли и слова.

Теперь посмотримъ, что сдѣлано было по нашей инициативѣ въ Балтійскомъ краѣ, въ тотъ же двадцатилѣтній періодъ, дѣйствительно полезнаго.

XI.

Въ Ригѣ, отмѣнено степенное право, то право, въ силу котораго иногородные Русскіе купцы не могли продавать своихъ товаровъ иностраннымъ торговцамъ, а обязаны были сбывать ихъ гражданамъ города Риги. (30. Окт. 1861.)

XII.

Въ томъ же городѣ, рядъ безконечныхъ усилій, послѣ многихъ отсрочекъ, увѣнчался наконецъ отмѣною обязательной браковки льна и объявленіемъ этой отрасли мѣстной торговли свободною (27 Іюня и 23 Декабря 1864).

XIII.

Наконецъ, во всемъ краѣ, средневѣковое право мѣстныхъ цеховъ на исключительное производство ремеслъ (Gewerbs- und Zunftzwang) отмѣнено и теперь вольно всякому, не рискуя попасть подъ судъ, добывать себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ. Это было выговорено еще при сдачѣ города Риги въ 1710 году*) и было исполнено 156 лѣтъ спустя, въ 1866 году.

Кажется — это все чѣмъ мы можемъ похвалиться, но для

*) Договоръ стат. города Риги и резолюціи Фельд. Шереметева 4 Іюня 1710 (No. 2278) Резолюція на и. 22.

полноты обозрѣнія, нельзя не заглянуть нѣсколько впередъ и не упомянуть о начинаніи первостепенной важности, далеко впрочемъ еще не осуществившемся и котораго осуществленіе подвержено даже многими сомнѣніямъ.

XIV.

Я разумѣю судебную реформу. Она должна возимѣть на всю будущность края послѣдствія громадныя. Какъ повѣдала намъ недавно Сѣверная Почта, правительство имѣетъ въ виду „*особые отынки при распространеніи на Прибалтійскія губерніи главныхъ началъ судебной реформы*“ иными словами: предполагается *приспособить эти главные начала къ мѣстнымъ условіямъ*. Такъ, повидимому, понимаетъ задачу одинъ изъ официальныхъ органовъ высшаго правительства; и говорю *повидимому*, ибо все это заявляется только для Россіи, а про себя, Министерство Внутреннихъ дѣлъ очень хорошо знаетъ, что на мѣстахъ, въ Ригѣ, Ревелѣ и Дерптѣ, понимаютъ дѣло совершенно иначе и что высшее правительство почти ужь окончательно уступило мѣстнымъ возрѣніямъ. Когда тамошнія сословія призваны были къ выбору изъ своей среды депутатовъ въ комиссію, на которую былъ возложенъ трудъ первоначальной разработки проекта судебной реформы, Ливляндское дворянство снабдило своего депутата инструкціею, которою оно вмѣнило ему въ непремѣнную обязанность немедленно подать отъ себя протестъ и устранился отъ всякаго участія въ занятіяхъ комиссіи при первой попыткѣ заставить се принять за исходную точку предстоявшихъ работъ восьмой пунктъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 29 Сент. 1862 года,*) иными словами: буде правительство

*) Въ этомъ пунктѣ значилось: сообщить основныя положенія преобразованія судебной части главнымъ начальникамъ Кавказскаго и Закавказскаго

будеть стоять на томъ, чтобы къ Балтійскимъ губерніямъ были примѣнены *основныя положенія* принятія для всей Россіи. Затѣмъ, коммиссія, въ полномъ составѣ, 7 Ноября 1866 года, подала тогдашнему Генераль-губернатору Барону Ливену особую записку, въ которой она единогласно и торжественно опротестовывала напередъ предположеніе „будто бы она можетъ и соглашается считать себя стоящею на почвѣ основнаго положенія (als könnte oder wollte sie für formell auf dem Boden des „Fundamentalreglements“ stehend und arbeitend angesehen werden). Баронъ Ливень принялъ эту записку безъ всякаго возраженія, слѣдовательно призналъ законность выраженной въ ней оговорки, и, такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ испортилъ все дѣло. Графъ Шуваловъ, вскорѣ послѣ того заступившій мѣсто Барона Ливена, повидимому, не зналъ объ этомъ промахѣ своего предшественника (какъ это ни невѣроятно). По крайней мѣрѣ, онъ нѣсколько разъ пытался возстановить обязательность главныхъ основаній, но дѣлалъ это крайне неловко и неудачно. Вмѣсто того, чтобы вступить въ открытую борьбу съ антиправительственнымъ возрѣніемъ представителей мѣстнаго провинціализма, онъ вздумалъ перехитрить ихъ, запутался въ собственныхъ своихъ сѣтяхъ, уличенъ былъ членами коммиссіи

края, обнхъ частей Сибири, войска Донскаго и вообще *тѣхъ губерній и областей кои управляются не по общему положенію* и спросить мнѣнія ихъ: какія измѣненія и дополненія въ обнхъ для Имперіи основныя положенія необходимо сдѣлать при *примѣненіи* обнхъ къ судебнымъ учрежденіямъ сихъ мѣстностей, и т. д. — Подъ обнмъ понятіемъ губерній и областей кои управляются не по общему положенію, Балтійскія губерніи подразумѣваемы быть не могутъ — такъ рассуждало дворянство и ту же тему подробно развиваютъ теперь въ печатныхъ брошюрахъ тамошніе юристы. — Стало бытъ, заключаете вы, Балтійскія губерніи принадлежатъ къ числу управляемыхъ по общему положенію? — Опять нѣтъ — отвѣчаютъ вамъ тѣ же юристы. — Такъ какъ же, спрашиваете вы, относятся онѣ къ Имперіи? — Да такъ же! Онѣ находятся *вне* всякаго закономъ признаваемаго отношенія составныхъ частей государства къ цѣлому государству.

въ противорѣчiяхъ, въ ссылкѣ на какое то Высочайшее повелѣнiе, котораго онъ предъявить не могъ, словомъ: потерѣлъ позорное пораженiе и, послѣ какихъ то успокоительныхъ увѣрений, будто бы полученныхъ представителями дворянства отъ самаго Государя, сознался, въ исходѣ 1865 года, что онъ ошибался и что основныя положенiя судебной реформы не имѣють для Балтiйскаго края никакой обязательной силы.*) Итакъ, дѣло по видимому окончательно нами проиграно; вопросъ поставленъ не о примѣненiи, распространенiи и приспособленiи существующаго у насъ (какъ увѣряетъ Сѣверная Почта) а объ изобрѣтенiи для Балтiйскаго края чего то совершенно новаго. По предположимъ даже (чего я далеко не считаю вѣроятнымъ) что высшее правительство въ пору еще одумается; за тѣмъ, при неоспоримой необходимости принять въ соображенiе мѣстныя особенности, возникнетъ вопросъ: что считать *главными* началами и что *отгѣнками*; въ какой мѣрѣ, изъ уваженiя къ послѣднимъ, будетъ отступлено отъ первыхъ и вообще: восторжествуетъ ли желанiе еще болѣе обособиться, или обратное стремленiе къ объединенiю? Кто, на мѣстахъ и въ вышнихъ государственныхъ учрежденiяхъ, будетъ представителемъ объединенiя — мы еще не знаемъ, а что горячими сторонниками обособленiя будутъ все представители Балтiйской интеллигенци и государственныя наши саповники ею вдохновляемые — это не подлежитъ сомнѣнiю. Изъ разныхъ брошюръ изданныхъ за границею, изъ журналовъ и газетъ издающихся въ самомъ краѣ, мы знаемъ, что мѣстные юристы отпеселись къ нашимъ судебнымъ уставамъ съ высокоумнымъ пренебреженiемъ; этотъ трудъ (такъ разсуждаютъ они) можетъ быть пригоденъ для Россiи, но *Нумесiя*,

*) Я заимствую эти подробности изъ Ливляндскихъ вкладовъ (Livl. Beitr. V. I Lief. III S. 7—20). Авторъ очень подробно разсказываетъ весь ходъ дѣла, въ которомъ онъ самъ принималъ участiе.

Прибалтійскія провинціи, такъ далеко опередишия ее во всемъ, имѣють полное право требовать для себя чего нибудь лучшаго. Мы вычитали также, что дворянство *никогда* не откажется отъ своего сословнаго суда и не уступитъ права замѣщать судебныя должности по выбору изъ своей среды. Впрочемъ, послѣдному заявленію нельзя придавать слишкомъ большаго значенія; въ дѣлѣ торговомъ (а всякое преобразование предпринимаемое правительствомъ встрѣчается въ томъ краѣ какъ запросъ противной стороны) обыкновенный приемъ: сперва заломить огромную цѣну, чтобъ было съ чего уступить и послѣ похвалиться оказаннымъ уваженіемъ. Вѣроятно, только это и имѣють въ виду Балтійцы дѣйствительно интеллигентные, хорошо знающіе, что судоустройство основанное на началѣ сословнаго разьединенія теперь уже немислимо, и что, какимъ бы порядкомъ ни назначались судьи, Нѣмецкая партія настолько сильна, что никогда личность ей негодная, а тѣмъ паче Русскій, не проскользнетъ черезъ Балтійскую заставу. Настоящая борьба завяжется на другихъ пунктахъ. Добиться отмены основныхъ началъ въ системѣ выбора мировыхъ судей и въ институтѣ присяжныхъ — вотъ, по всей вѣроятности, на что обращены будутъ всѣ усилія. Тутъ, конечно, приведутъ какъ доказательства и выставятъ ребромъ: отсутствіе и невозможность въ Балтійскихъ губерніяхъ *всесословныхъ* собраній, въ родѣ нашихъ земскихъ и городскихъ, которымъ бы могъ быть порученъ выборъ мировыхъ судей, разноплеменность и разноязычіе мѣстнаго населенія, грубость и необразованность Латышей и Эстовъ, грозящій впереди демократизмъ, необходимость, въ видахъ предусмотрительнаго консерватизма, сохранить за дворянствомъ прежнее его полновластіе и т. п. Если (что не подлежитъ сомнѣнію) эти соображенія встрѣтятся въ высшихъ учрежденіяхъ сильную поддержку и (что довольно вѣроятно) не возбудятъ рав-

носильнаго противодѣйствія, тогда, при нѣкоторой ловкости, будетъ весьма не трудно составить для Балтійскаго края *свой особенный* мировой институтъ и, подъ этимъ новымъ названіемъ, воскресить только что упраздненную правительствомъ вотчинную юрисдикцію, иначе: облеченный въ судебныя формы, и потому неприкосновенный, произволь помѣщичьихъ конторъ. Это одна, ближайшая опасность; но дѣло можетъ принять еще худшій оборотъ. Мировой судъ, въ томъ видѣ въ какомъ онъ введенъ у насъ и въ какомъ онъ дорогъ Россіи, такъ глубоко антипатиченъ Балтійскому рыцарству, что если агенты его встрѣтятъ въ Петербургѣ непреодолимое противодѣйствіе введенію въ своемъ край особаго мирового института, то очень вѣроятно, что они перемѣнятъ свою диспозицію и, разумѣется не прямо отъ себя, а черезъ разныхъ преданныхъ имъ государственныхъ мужей, въ стачкѣ съ Поляками и съ какою нибудь „Вѣстью“, поведутъ атаку противъ Мироваго суда вообще и постараются натолкнуть правительство на мысль преобразовать его во всей Имперіи по какому нибудь Остзейскому идеалу. Многіе, по видимому ничтожные признаки заставляютъ даже предполагать, что уже теперь, въ вліятельныхъ кругахъ, складывается такого рода замысль, который, въ случаѣ малѣйшаго успѣха, нанесъ бы рѣшительный ударъ нашей гражданственности и — говоря это не обвиняя — лишилъ бы верховную власть значительной доли ея популярности. Будемъ надѣяться, что въ рѣшительную минуту, счастливое вдохновеніе, одно изъ тѣхъ вдохновеній какими такъ часто спасалась Россія, обратитъ въ ничто зловѣщія приготовления, за которыми она слѣдитъ издали съ недоумѣніемъ и безпокойствомъ.

Не мудро такъ же, что институтъ присяжныхъ, послѣ нѣсколькихъ приспособленій, совершенно утратитъ характеръ суда *общественнаго* и превратится въ судъ *интел-*

мисленно меньшинства, то есть Нѣмецкой колоніи, надъ безгласнымъ большинствомъ; что правительство пожертвуетъ своимъ правомъ назначать по своему усмотрѣнію судей и лицъ прокурорскаго надзора, или обяжется выбирать ихъ изъ списка кандидатовъ, которыхъ будутъ представлять ему первенствующія сословія, или, что оно, не принимая на себя формальнаго обязательства, *de facto*, будетъ замѣщать эти должности исключительно уроженцами Балтійскихъ губерній, устранивъ совершенно Русскихъ, и, такимъ образомъ, ввѣрить приведеніе въ исполненіе судебной реформы лицамъ наиболѣе ей противодѣйствующимъ и наименѣе сочувствующимъ ея духу — все это было бы совершенно согласно съ установившимися издавна традиціями. Наконецъ, почему бы (также по очень многимъ бывшимъ примѣрамъ) не обойти и въ этомъ вопросѣ Государственнаго Совѣта, и не представить проекта судоустройства для Балтійскаго края на Высочайшее утвержденіе прямо отъ Остзейскаго Комитета, съ тѣмъ разумѣется, чтобы ввести его *ex viâ experientiae*, и отложить обсужденіе его въ порядкѣ законодательномъ до той минуты, когда проектъ успеетъ обратиться въ совершившійся фактъ? Если дѣло приметъ такой или похожій на это оборотъ, то отъ главныхъ началъ уцѣлѣетъ не многое, въ сущности, уцѣлѣетъ одно: Лифляндія, Эстляндія и Курляндія, доселѣ не имѣвшія ни одного общаго, центрального присутственнаго мѣста, получать его въ Судебной Палатѣ — спорить противъ этого никто конечно не будетъ; онѣ сплотятся въ одно цѣлое, въ одинъ Остзейскій округъ (къ которому, безъ сомнѣнія, не причислятъ ни одной Русской губерніи, чтобъ лучше изолировать его) и тогда Балтійскій край, въ судебномъ отношеніи, отвалится окончательно отъ Россіи. Онъ избавится „*von der Calamität der Unterordnung unter dem Russisch verhandelnden St. Petersburger Senat* (отъ напасти подчиненія С. Петер-

бургскому Сенату производящему дѣла по Русски) и получить наконецъ то, чего онъ не переставалъ настойчиво домогаться съ самой минуты его завоеванія, именно *верховный трибуналъ* для себя, и чего не давалъ ему Петръ I, даже въ то время, когда, въ упоеніи побѣды и на радостяхъ, что у него наконецъ завелись и Нѣмецкіе подданные, онъ имъ ни въ чемъ не отказывалъ. Направить судебную реформу въ ту или другую сторону, то есть къ сближенію съ Россією или къ обособленію отъ нея, призванъ теперь Графъ Паленъ, назначенный Министромъ Юстиціи помимо всѣхъ Русскихъ юристовъ, самимъ правительствомъ подготовленныхъ, и своими трудами по составленію судебныхъ уставовъ, кажется оправдавшихъ возложенныя на нихъ надежды.

Но я не хочу, чтобъ меня упрекнули въ гаданіи и потому, отъ неизвѣстнаго будущаго, обращаюсь назадъ къ прошедшему, въ фактамъ совершившимся.

Сравненіе выведеннаго итога нашихъ жертвъ, потерь, уступокъ и промаховъ съ итогомъ нашихъ пріобрѣтеній и успѣховъ приводитъ къ заключенію, которымъ мы едвали въ правѣ похвалиться. Говоря словами Петра I^о, во авантажѣ остается мѣстный провинциализмъ, а для Россіи балансъ сводится на минусъ. Это такъ очевидно, что, по отношенію къ результатамъ, истекшее двадцатилѣтіе въ Балтійскомъ краѣ, и особенно 14^{тм} лѣтнее управление внука великаго Гепералиссимуса (отъ 1848 до 1861 года^{*)}) уподобляется даже не потерянному сраженію, а цѣлой несчастной для насъ кампаніи, въ продолженіи которой государственное знамя постоянно склонялось и отступало

^{*)} Не даромъ отъявленный врагъ Россіи, издатель Ливляндскихъ вкладовъ, говоритъ объ управленіи Кнзя Суворова съ такимъ сочувствіемъ, называя его временемъ отдыха и спокойствія, въ продолженіи котораго край *сообразился, одумался и собрался съ силами.* (Livl. Beitr. B. I Lief. I S. 88).

личнаго меньшинства, то есть Нѣмецкой колоніи, надъ безгласнымъ большинствомъ; что правительство пожертвуетъ своимъ правомъ назначать по своему усмотрѣнію судей и лицъ прокурорскаго надзора, или обяжется выбирать ихъ изъ списка кандидатовъ, которыхъ будутъ представлять ему первенствующія сословія, или, что оно, не принимая на себя формальнаго обязательства, *de facto*, будетъ замѣщать эти должности исключительно уроженцами Балтійскихъ губерній, устранивъ совершенно Русскихъ, и, такимъ образомъ, вѣрнѣе приведетъ въ исполненіе судебной реформы лицамъ наиболѣе ей противодѣйствующимъ и наименѣе сочувствующимъ ея духу — все это было бы совершенно согласно съ установившимися издавна традиціями. Наконецъ, почему бы (также по очень многимъ бывшимъ примѣрамъ) не обойти и въ этомъ вопросѣ Государственнаго Совѣта, и не представить проекта судоустройства для Балтійскаго края на Высочайшее утвержденіе прямо отъ Остзейскаго Комитета, съ тѣмъ разумѣется, чтобы ввести его *ex viâdâ experientia*, и отложить обсужденіе его въ порядкѣ законодательномъ до той минуты, когда проектъ успеетъ обратиться въ совершившійся фактъ? Если дѣло приметъ такой или похожій на это оборотъ, то отъ главныхъ началъ уцѣлѣетъ не многое, въ сущности, уцѣлѣетъ одно: Лифляндія, Эстляндія и Курляндія, доселѣ не имѣвшія ни одного общаго, центрального присутственнаго мѣста, получатъ его въ Судебной Палатѣ — спорить противъ этого никто конечно не будетъ; онѣ слотятся въ одно цѣлое, въ одинъ Остзейскій округъ (къ которому, безъ сомнѣнія, не причислятъ ни одной Русской губерніи, чтобы лучше изолировать его) и тогда Балтійскій край, въ судебномъ отношеніи, отвалится окончательно отъ Россіи. Онъ избавится „*von der Calamität der Unterordnung unter dem Russisch verhandelnden St. Petersburger Senat* (отъ напасти подчиненія С. Петер-

бургскому Сенату производящему дѣла по Русски) и получить наконецъ то, чего онъ не переставалъ настойчиво домогаться съ самой минуты его завоеванія, именно *верховный трибуналъ* для себя, и чего не давалъ ему Пётръ I, даже въ то время, когда, въ упоеніи побѣды и на радостяхъ, что у него наконецъ завелись и Нѣмецкіе подданные, онъ имъ ни въ чемъ не отказывалъ. Направить судебную реформу въ ту или другую сторону, то есть къ сближенію съ Россією или къ обособленію отъ нея, призванъ теперь Графъ Паленъ, назначенный Министромъ Юстиціи помимо всѣхъ Русскихъ юристовъ, самимъ правительствомъ подготовленныхъ, и своими трудами по составленію судебныхъ уставовъ, кажется оправдавшихъ возложенныя на нихъ надежды.

Но я не хочу, чтобъ меня упрекнули въ гаданіи и потому, отъ неизвѣстнаго будущаго, обращаюсь назадъ къ прошедшему, въ фактамъ совершившимся.

Сравненіе выведеннаго итога нашихъ жертвъ, потерь, уступокъ и промаховъ съ итогомъ нашихъ пріобрѣтеній и успѣховъ приводитъ къ заключенію, которымъ мы едвали въ правѣ похвалиться. Говоря словами Петра I^{го}, во авантажѣ остается мѣстный провинциализмъ, а для Россіи балансъ сводится на минусъ. Это такъ очевидно, что, по отношенію къ результатамъ, истекшее двадцатилѣтіе въ Балтійскомъ краѣ, и особенно 14^{мъ} лѣтнее управленіе внука великаго Генералиссимуса (отъ 1848 до 1861 года*) унодобляется даже не потерянному сраженію, а цѣлой несчастной для насъ кампаніи, въ продолженіи которой государственное знамя постоянно склонялось и отступало

*) Не даромъ отъявленный врагъ Россіи, издатель Ливонскихъ владовъ, говоритъ объ управленіи Князя Суворова съ такимъ сочувствіемъ, называя его временемъ отдыха и спокойствія, въ продолженіи котораго край *собрался, одумался и собрался съ силами.* (Livl. Beibl. B. I. Lief. I S. 88).

передъ значкомъ провинціализма и наконецъ упало такъ низко, что самая скромная попытка поднять его возбуждаетъ теперь негодование какъ неслыханная дерзость.*)

„Скажите имъ, что я Императрица Всероссийская, а не Герцогиня Курляндская“ — отвѣчала съ высоты своего престола Екатерина II на какое то заносчивое домогательство своихъ Балтійскихъ подданныхъ.

„Помните, что мы чтимъ въ своемъ Государѣ не Императора Всероссийскаго, а Лифляндскаго Герцога, свободнаго отъ всякаго односторонно Русскаго давленія (von einseitiger Russischer Pression freien)“ — отвѣчаетъ намъ теперь изъ за границы дѣятельнѣйшій изъ Балтійскихъ

*) Вотъ, на примѣръ, какого рода *печатные* отзывы мы теперь встречаемъ о послѣднемъ пребываніи Государя Императора въ Ригѣ и о произнесенныхъ имъ въ этомъ городѣ словахъ, въ связи съ недавнею попыткою ввести Русскій языкъ въ оффиціальное употребленіе, окончившеюся, какъ извѣстно, рѣшительнымъ отступленіемъ правительства передъ мѣстною оппозиціею. Падагель Лифляндскихъ вкладовъ видитъ въ этой попыткѣ первый приступъ къ осуществленію какого то давняшняго замысла *подавить* въ Остзейскихъ губерніяхъ *Германизмъ, эту стихію, которой Царствующая династія обязана надежнѣйшими своими опорами* (das Deutschthum — dieses Element im Russischen Reiche, welchem die Kaiserliche Dynastie ihre festesten Stützen zu verdanken hat) и говоритъ: „для насъ; *уничтожены* (unterdrückt) всего больше и обиднѣе при этомъ то обстоятельство, что распоряженіе правительства (Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ объ оживленіи мертвой буквы закона 1850) заключало въ себѣ разъясненіе загадочныхъ словъ произнесенныхъ Государемъ Императоромъ въ Ригѣ, во время какъ его тамъ принимали съ обычнымъ, *честнымъ и доверчивымъ гостепріимствомъ* (mit gewohnter loyaler und zutrauensvoller Gastlichkeit); мало того: сопоставленіе чиселъ (пребыванія въ Ригѣ и утвержденія упомянутого положенія) доказываетъ, что Государь Императоръ, пользуясь этимъ гостепріимствомъ и принимая его, *держалъ про себя* (in petto) свое намѣреніе (настоять на введеніи Русскаго языка).“ — Итакъ, за то, что Государь Императоръ взялъ на себя трудъ лично предупредить Балтійскую публику о своихъ намѣреніяхъ, Его же теперь обвиняютъ въ какой то двуличности, почти въ предательствѣ. Какъ же могъ Овъ помешлять о введеніи Русскаго языка и о тѣснѣйшемъ объединеніи Балтійскаго края съ Россіею, когда Рига встрѣчала его гостепріимно и оказывала ему довѣріе! — Вотъ до чего доводитъ система угожденія, задабриванія, заискиванія и баловства (Livl. Beitr. V. I Lief. II S. III, IV).

публицистовъ, вице-президентъ Лифляндскаго Гофъ-герихта Г. В. фонъ Боккъ.*) И не онъ одинъ это говорить.

Между этими двумя политическими исповѣданіями — почти столѣтіе. Теперь видно въ какую сторону мы шли въ этотъ промежутокъ времени и сколько пройдено нами пути.

Но отчего такой поразительный fiasco, спросить вѣроятно читатель? Ужь не оттого ли, что вся энергія правительства растрачивается на обузданіе нашихъ дворянскихъ и земскихъ собраний, да на гигантскую борьбу его съ Московскими газетами, и что, за таковымъ расходомъ, ничего не остается въ запасѣ для нашей Балтійской окраины? — Но хотя бы даже и такъ, всётаки хотѣлось бы разъяснить себѣ: отчего же эта энергія обращается именно туда гдѣ можно бы было безъ нея обойтись, а не туда гдѣ ощущается въ ней дѣйствительная надобность? Причинъ много — я укажу на двѣ.

Управлять Балтійскимъ краемъ очень трудно и въ тоже время очень легко; все зависитъ отъ того: какъ понимать слово *управлять*. Если управлять значитъ быть адвокатомъ первенствующихъ сословій передъ высшимъ правительствомъ, то задача разрѣшается очень просто. Еслижъ управлять значитъ быть дѣятельнымъ представителемъ государственнаго начала и проводникомъ его требованій, то должность Генераль-губернатора въ Ригѣ одна изъ самыхъ трудныхъ и неблагодарныхъ. Въ Балтійскомъ краѣ борятся законъ съ юридическими традиціями и общее законодательство Имперіи съ провинціальнымъ; борятся два вѣроисповѣданія, изъ коихъ одно считается господствующимъ во всей Имперіи, а другое считаетъ себя

*) Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 297, 300.

господствующимъ въ томъ краѣ (Landeskirche); борятся три народности, господствующая по оффиціальной терминологіи, господствующая на самомъ дѣлѣ, и подавленная; наконецъ: тяжутся городская аристокрація съ городскимъ пролетаріатомъ и обезземеленные крестьяне съ землевладельцами; въ этихъ борьбахъ и тяжбахъ жизнь всего края. Оттого, самыя обыкновенныя дѣла управленія до крайности усложняются и принимаютъ размѣры вопросовъ политическихъ, церковныхъ, народныхъ или сословныхъ, затрагивающихъ самыя щекотливыя интересы цѣлыхъ вѣроисповѣданій, корпорацій, даже цѣлыхъ націй. Въ Москвѣ, Петербургѣ или Одессѣ, Генераль-губернаторъ не встрѣчаетъ ничего подобнаго. Далѣе, по принятому въ краѣ порядку дѣлопроизводства, всѣ возникающіе вопросы, споры и недоразумѣнія немедленно переносятся въ область историческаго права и обростають множествомъ ссылокъ на документы не всегда достовѣрные, часто темные и обыкновенно допускающіе самыя разнообразныя толкованія. Для Русскаго, не спеціалиста по этой части, трудно даже усвоить себѣ мѣстную юридическую терминологію, выработанную вѣками для выраженія понятій нигдѣ въ Россіи не встрѣчающихся. Чтобы не заблудиться въ этомъ лабиринтѣ, необходима юридическая подготовка, которая, къ сожалѣнію, не пріобрѣтается ни командованіемъ гвардейскимъ полкомъ, ни пріемомъ рекрутовъ, ни бѣглыми осмотрами по разнаго рода порученіямъ. Чтобы сохранить независимость взгляда и воли, не подчиниться одностороннимъ вліяніямъ и не уклониться отъ борьбы съ провинціализмомъ въ его антигосударственныхъ притязаніяхъ, нужно болѣе чѣмъ обыкновенное представительство и умѣніе орудовать властью; нужно въ добавокъ гражданское мужество, въ полномъ значеніи слова. Ибо, какимъ бы личнымъ къ себѣ довѣріемъ верховной власти Балтійскій Генераль-губернаторъ ни пользовался,

онъ не можетъ не сознавать, что политическая его будущность въ значительной степени зависитъ отъ мнѣнія, которое составитъ объ немъ въ Ригѣ, оттуда перейдетъ въ Петербургъ и тамъ укоренится въ вліятельныхъ кругахъ; а репутацію администратора популярнаго, умѣющаго привлекать сердца къ правительству, или ненавидимаго и возбуждающаго всеобщее неудовольствіе, составятъ ему конечно не Латыши, не Православное духовенство и не Русскіе куницы, а дворяне и такъ называемая интеллигенція края, то есть тѣже представители мѣстнаго провинціализма. При такихъ условіяхъ, всякій ли рѣшится вступитъ съ нимъ въ борьбу?

Но эта незаманчивая обстановка главнаго мѣстнаго начальника мгновенно измѣняется какъ только онъ берется за управленіе въ другомъ значеніи этого слова. Трудности исчезаютъ, недоразумѣнія уясняются; оказывается, что все напередъ придумано, разрѣшено и написано (хотя и не совсѣмъ чистымъ Русскимъ языкомъ), а ему, счастливому представителю власти, остается только подписывать. Приходится ли отвѣчать на цекотливый запросъ изъ Петербурга, или ѣхать туда отстаивать какое нибудь произведеніе мѣстныхъ законодателей — ему подвертываютъ кучу искусно подобранныхъ фактовъ и цифръ, цѣлый арсеналъ аргументовъ, заранѣе подготовленныхъ въ отвѣтъ на всѣ возраженія, словомъ: его начиниваютъ, подогрѣваютъ, наставляютъ, и всѣтаки отпускаютъ въ путь не одного, а приставивъ къ нему надежнаго руководителя, который будетъ выручать его въ случаѣ надобности и въ тоже время будетъ повсюду прославлять его популярность. Чегоже лучше? Обыкновенно бываетъ такъ, что вновь назначенный Генераль-губернаторъ изъ Русскихъ*)

*) О Генераль-губернаторахъ изъ мѣстныхъ дворянъ я не говорю. Издатель Ливляндскихъ вкладовъ характеризуетъ одного изъ нихъ слѣдую-

пріѣзжаетъ съ твердымъ намѣреніемъ управлять въ настоящемъ смыслѣ слова и, мало по малу, нечувствительно, переходитъ къ противоположной системѣ управленія, то есть попадаетъ въ колею своихъ предшественниковъ. Это дѣлается какъ то само собою. При первомъ же докладѣ, онъ невольно испытываетъ непріятное ощущеніе человѣка заблудившагося въ лѣсу и обязаннаго указывать дорогу другимъ. Понятно, что чѣмъ онъ добросовѣстнѣе и умнѣе, тѣмъ невыносимѣе для него такое положеніе; онъ оглядывается по сторонамъ ища совѣта, и, съ перваго шага, попадаетъ въ руки какого нибудь мѣстнаго дѣльца, заранѣе подготовленнаго, который предупредительно выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу. Еще нѣсколько мѣсяцевъ — и настоящимъ главнымъ начальникомъ края дѣлается мѣстный Ландмаршалъ, Ландратъ или Губернаторъ изъ Ландратовъ, а Генераль-губернаторъ превращается въ его чиновника по особымъ порученіямъ, на котораго возлагается обязанность повторять и проводить въ Петербургѣ то, что внушается ему въ Ригѣ. Можно смѣло сказать, что съ 1847 года, государственное начало не имѣло въ Балтійскомъ краѣ ни одного серьезнаго представителя, и вотъ отчего самые ярые противники этого начала такъ дорожатъ должностію Прибалтійскаго Генераль-губернатора „этимъ столь существеннымъ *maladumom* всѣхъ надеждъ и стремленій направленныхъ къ укрѣпленію Балтійскаго Германизма“ (какъ выражается авторъ Ливляндскихъ вкладовъ).*) Повторяю: быть адвокатомъ провинціальнаго интереса и трубою провинціальнаго воз-

шими словами: der wackere, echt deutsch und protestantisch gesinnte Gener.-Gouv. Baron Wilhelm Lieven (бойкій, но истиннѣ въ Нѣмецкомъ и Протестантскомъ духѣ настроенный Баронъ Ливень). — Ту же характеристику можно применить къ Барону Палену и къ другимъ ихъ землякамъ. (Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 263).

*) Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 72.

зрѣній легко и пріятно; но разъ принявъ эту роль, надобно держаться ея послѣдовательно, какъ дѣлалъ Князь Суворовъ, и уже не позволять себѣ никогда порывовъ самостоятельности; иначе, можно легко нажать горькія непріятности и надѣлать промаховъ, какъ это случилось съ Графомъ Шуваловымъ, когда онъ захотѣлъ было поддержать требованія правительства въ дѣлѣ судебной реформы, и какъ случилось недавно съ Ген.-Ад. Альбединскимъ, неожиданно вздумавшимъ заговорить по Русски.

Дѣло происходило такимъ образомъ. Генераль-губернаторъ, на сей разъ вѣроятно не испросившій благословенія ни у Г. Эттингена, ни у Графа Кейзерлинга, послалъ въ Ревельскій Магистратъ какіе то акты по частному, долговому взысканію, при предложеніи отъ себя писанномъ по Русски. Съ какою цѣлью это было сдѣлано — непонятно. Магистратъ отвѣчалъ ему по *нѣмецки* слѣдующее (я перевожу буквально).*)

„Ваше Превосходительство, при предложеніи отъ 29 М. за № 2139 препроводили въ Ревельскій Магистратъ бумаги относящіяся къ дѣлу о передачѣ оффиціальнымъ путемъ проживающему въ Пестѣ Рудольфу..... остатка отъ вексельнаго долга Германа Ергелета. Сколь неважно это предложеніе по своему содержанію, столь, на оборотъ, многозначительно оно по своей формѣ; въ этомъ послѣднемъ отношеніи, оно имѣетъ даже историческую важность. Болѣе полутора ста лѣтъ, городъ Ревель пользуется высокимъ счастіемъ находится подъ скипетромъ славноправящихъ Государей Русскихъ, и, за весь этотъ періодъ времени, въ первый разъ получаетъ Ревельскій Магистратъ отъ Генераль-губернатора Остзейскихъ губерній бумагу писанную по Русски.“

„Еслибы Магистратъ упустилъ откровенно высказать

*) Текстъ напечатанъ въ Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 74.

Вашему Превосходительству какую важность онъ находить себя вынужденнымъ придать этому дѣлу (состоящему въ тѣснѣйшей связи съ правомъ специально обеспеченнымъ городу Ревелю) то онъ, Магистратъ, тѣмъ самымъ измѣнилъ бы своему долгу и призванію быть оберегателемъ и стражникомъ особенныхъ правъ города. Въ пунктѣ 25 капитуляціи 29 Сент. 1710 года, заключенной при подчиненіи города Ревеля скипетру Его Величества въ Бозѣ почившаго Государя Императора Петра I^{го} значится:

„Чтобъ въ семь городѣ и землѣ Нѣмецкаго языка искусный правитель или губернаторъ учрежденъ былъ, и всѣмъ указы на Нѣмецкомъ языкѣ изданы были, и никакого языка кромѣ Нѣмецкаго въ губернской и городской канцеляріяхъ, также въ судахъ, не употреблять (*и городъ гербовою бумагою не отягощать*).“*)

„Этотъ пунктъ, тогдаже, представителемъ Его Величества признанъ былъ вполне справедливымъ и имѣющимъ основаніе въ несомнѣннѣйшихъ фактахъ; сверхъ того, этотъ пунктъ въ п. 33 тойже капитуляціи, объявленъ утвержденнымъ; затѣмъ, онъ же, вмѣстѣ съ другими пунктами капитуляціи, обеспеченъ въ настоящемъ и на будущія времена генеральною конfirmaціею привилегій г. Ревеля Его Величествомъ славною памяти Государемъ и Императоромъ Петромъ I 13 Марта 1712 года; наконецъ, этотъ же пунктъ, въ силу ст. 9 Ништатскаго мира 30го Августа 1721 года *получилъ значеніе обязательства между-народнаго* (eine internationale Bedeutung).“**)

*) Последнихъ, курсивомъ напечатанныхъ словъ, въ скобкахъ, Магистратъ не привелъ, конечно потому, что онѣ къ дѣлу не относились, а можетъ быть еще и потому, что qui proove ter ne proove reis, ибо, на основаніи капитуляціи, городъ имѣеть совершенно одинаковые поводы отказываться отъ платежа гербовыхъ пошлинъ и возвращать Генералъ-губернатору бумаги писанныя по Русски.

**) Вотъ что значится въ этомъ пунктѣ: Его Царское Величество объ-

„Позднѣйшая, болѣе чѣмъ полуторостолѣтняя практика и обычай служатъ монументальнымъ истолкованіемъ этого обезпеченія по капитуляціи, изъ чего обнаруживается, что предложеніе Вашего Превосходительства превращаетъ въ вопросъ старое, документально закрѣпленное право г. Ревеля, притомъ право формально признанное и въ новѣйшее время, въ области законодательной. Ибо второе примѣчаніе къ ст. 121 перваго продолж. къ 1 част. мѣстнаго свода для губер. Остзейскихъ основано на ясно высказанномъ предположеніи, что персиска всѣхъ коронныхъ присутственныхъ мѣстъ и властей въ Остзейскихъ губерніяхъ съ управленіями и судами производящими дѣла свои на Нѣмецкомъ языкѣ, должна также производиться на этомъ языкѣ.“

„Ревельскій Магистратъ имѣетъ полное основаніе, съ самодовольствіемъ и даже съ гордостью, указывать на лѣтисчисленіе города за все продолжительное и счастливое время прожитое имъ *въ соединеніи* съ Россійскою Имперію (замѣтьте: не *въ составъ* Россіи).“

„Въ вѣрности и послушаніи, въ радости и въ горѣ, стоялъ городъ къ Императору и государству, считая за славу принадлежать имъ. А это послушаніе и эта вѣрность (въ соблюденіи коихъ на всѣ времена городъ и высшее городское управленіе будутъ полагать свою славу и свою гордость) покоятся на несокрушимомъ упованіи, что права*) и интересы города Ревеля, всегда и во вся-

часть при томъ, что всѣ жители провинцій Ливляндской, Эстляндской, также и острова Эзеля, шляхетные и несляхетные, и въ тѣхъ провинціяхъ обитающіе города, магистраты, цехи и цunftы при ихъ подѣ Свейскимъ правленіемъ имѣвшихъ привилегіяхъ, обыкновеніяхъ, правахъ и справедливостяхъ, постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будутъ.

*) Въ томъ числѣ, конечно, и право не платить гербовыхъ пошлинъ, *которыя однако взимаются*, и право не позволять незаконнымъ въ цехи трудами рукъ своихъ добывать себѣ кусокъ хлѣба, *которое недавно отнято правительствомъ.*

комъ случаѣ, могутъ разсчитывать на защиту и благоволеніе верховныхъ владыкъ края и ихъ высокихъ представителей; въ этомъ упованіи заключается самое твердое основаніе вѣрности и послушанія. Нынѣ, обращаясь къ Вашему Превосходительству съ почтительнѣйшею и вмѣстѣ рѣшительно высказываемою просьбою (ebenso ehrfurchtsvoller als bestimmter Bitte) на будущее время облекать Ваши предложенія въ ту форму, которая одна только и соотвѣтствуетъ выведенному выше праву Магистрата въ дѣлѣ официальной переписки, Магистратъ надѣется, что Ваше Превосходительство благоволите признать эту просьбу не за что иное, какъ за выраженіе тогоже невозмутимаго и несокрушимаго упованія.“ Ревель Сент. 1867 года. Слѣдуютъ подписи первоприсутствующаго и 12^{ти} бургомистровъ.

Что оставалось дѣлать бѣдному Генераль-губернатору по полученіи этой нотации? Можно было перенести вопросъ съ почвы международныхъ обязательствъ на почву свода законовъ и разъяснить, за одинъ разъ, всѣмъ мѣстнымъ учрежденіямъ что есть трактатъ, что привилегія и что законъ. Случай былъ очень удобенъ, но чтобы рѣшиться поднять такой вопросъ и быть въ состояніи сообразить впередъ дальнѣйшій ходъ его, нужна имсно та научная подготовка, о которой было говорено выше, и которой не даютъ обыкновенныя занятія большей части лицъ призываемыхъ у насъ къ административнымъ должностямъ. Представлялся и другой путь: можно было, уклонившись отъ дерзкаго вызова Ревельскаго Магистрата, обратиться къ Шведскому Консулу и попросить его навести справку: позволить ли Стокгольмское правительство Рижскому Генераль-губернатору говорить и писать по Русски? Можетъ быть мы къ этому и придемъ, когда насъ окончательно убѣдятъ, что Пиштатскій миръ связалъ насъ по рукамъ и по ногамъ и что мы должны управлять Бал-

тійскимъ краемъ не на основаніи общаго и мѣстнаго свода законовъ, а на основаніи Шведскаго кодекса XVII вѣка; но всёже, въ настоящую минуту, и особенно Генераль-губернатору вновь назначенному, трудно было рѣшиться на такой шагъ. Затѣмъ, оставалось только одно: смириться. И Генераль-губернаторъ смирился.

Я готовъ допустить, что съ его стороны это было благоразумно; но представьте себѣ рядъ такихъ случаевъ (а ихъ можно бы насчитать не мало) и вы поймете отчего авторитетъ власти ежедневно падаетъ, отчего не удается судебная реформа и отчего введеніе въ официальное употребленіе государственнаго языка пошло попятнымъ ходомъ. Лучше бы, кажется, и не предпринимать ничего подобнаго, чѣмъ всякій разъ обращаться вспять съ нахлобучкою.

Это одна причина. Другая, и самая существенная, заключается въ томъ, что высшее правительство, по видимому, не совсѣмъ ясно понимаетъ свое призваніе въ Балтійскомъ краѣ, именно въ настоящую минуту, а недостатокъ яснаго пониманія происходитъ въ свою очередь оттого, что господствующее представленіе объ этомъ краѣ устарѣло и отстало отъ дѣйствительности болѣе чѣмъ на дѣлое двадцатилѣтіе. Мы все еще продолжаемъ смотрѣть на него какъ на законченный продуктъ прошедшаго, когда то нами признанный и этимъ какъ будто увѣковѣченный; мы воображаемъ себѣ, что сложившійся въ немъ порядокъ вещей только упирается и обороняется отъ покушеній на него извнѣ; мы бережемъ его какъ старую, почтенную развалину, и это суевѣрное къ нему уваженіе сдерживаетъ преобразовательную инициативу къ которой мы призваны; а между тѣмъ, эта развалина разбирается заботливыми руками, и въ тихомолку, безъ нашего участія и вѣдома, перестраивается въ крѣпость обращенную противъ Россіи. Не замѣчаемъ же мы этого потому, что

вся работа укрывается отъ насъ за средневѣковымъ фасадомъ, къ которому мы приглядѣлись, и который искусственно поддерживается на прежнее мѣстѣ именно для того, чтобъ замаскировать на время производящуюся за нимъ перестройку. Такимъ образомъ, инициатива, отъ которой мы добровольно отказываемся изъ уваженія къ старинѣ, переходитъ въ другія руки, трудящіяся усердно, но только не для Россіи. Значеніе и цѣль этой внутренней, ускользающей отъ нашего наблюденія работы, можно выразить въ немногихъ словахъ: *средневѣковая перестройка, которыми взаимно разобщались сословія и корпорации, постепенно падаютъ, а изъ разрозненныхъ некогда частей стараго общества сплавивается новый организмъ — политическая національность.*

Повѣрятъ ли читатели, что Князь Суворовъ, первый, хотя и въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ, намекнулъ на это явленіе, заявивъ тутъже, что онъ отнюдь не намѣренъ ему противоудѣствовать? Вотъ что онъ писалъ въ 1848 году, въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ: „въ послѣдніе годы часто упоминаемо было о сопротивленіи Германской народности и о враждѣ Германскаго населенія края противъ Россіи. Я же постоянно руководствовался мыслию, *что съ точки правительства,**) Германская народность въ Балтійскихъ губерніяхъ *окончательно заключена***) *въ предѣлахъ домашняго быта* и что стародавнія Германскія учрежденія и должностное употребленіе Нѣмецкаго языка, историческое наслѣдство края, съ присоединеніемъ его къ Россіи, должно было утратить***) народностное (sic) значеніе. Какими бы побужденіями ни руководствовалось въ томъ или другомъ данномъ случаѣ мѣстное Нѣмецкое населеніе, я считаю

*) Это конечно значить: *въ интересахъ правительства.*

**) Разумѣть слѣдуетъ: *должна бы быть* заключена.

***) То есть: должно бы было утратить.

удобнѣйшимъ (!) оставлять встрѣчаемыя противодѣйствія оффиціально *на урость* (sic) сословныхъ или частныхъ явленій. Напротивъ того, оффиціальное признаніе ихъ народностными придало бы имъ, сколько мнѣ кажется, значеніе и единство, котораго онѣ нынѣ не имѣютъ.“

Чтобъ понять эту выписку, надобно знать, что на языкѣ, который въ канцеляріи Балтійскаго Генералъ-губернатора слылъ за Русскій „народностный“ значило заявляемый отъ имени народности, а „оставлять на урость“ значило: принимать за. Итакъ, смыслъ приведенной выписки слѣдующій: въ оффиціальной моей дѣятельности, я встрѣчаю, со стороны лицъ и цѣлыхъ сословій, правда еще не успѣвшихъ сложиться въ плотную организацію, противодѣйствіе во имя Нѣмецкой народности; но я притворяюсь будто бы не замѣчаю этого и продолжаю повторять, что Нѣмецкая народность окончательно заключена въ предѣлахъ домашняго быта. Я знаю, что это неправда; знаю, что оффиціальный языкъ есть всётаки Нѣмецкій, что на всѣхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ и законахъ лежитъ Нѣмецкое клеймо, тщательно подновляемое, чтобъ оно не стёрлось; но я всё это игнорирую, находя болѣе удобнымъ довольствоваться словами, чѣмъ имѣть дѣло съ дѣйствительностью.*)

Чье именно удобство имѣлось при этомъ въ виду — не объяснено; но очевидно, что для тѣхъ, которые руководили начинавшимся въ то время національнымъ движеніемъ, ничто конечно не могло быть удобнѣе этого

*) И вѣдь Князь Суворовъ, въ самомъ дѣлѣ, руководствовался этимъ правиломъ. Въ 1848 году, Курляндское дворянство представило ему для поднесенія Государю Императору всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ значилось „что вѣрность дворянства истекаетъ изъ чувства признательности къ справедливому Монарху охраняющему вѣру, *національность* и унаследованія отъ предковъ учрежденія Курляндіи.“ Князь Суворовъ уговорилъ вычеркнуть слово *національность* и отправилъ адресъ по принадлежности, какъ правдивое выраженіе политическаго образа мыслей дворянства.

предназначеннаго игнорирования со стороны мѣстнаго представителя государственныхъ интересовъ. Прямого отъ него содѣйствія, нельзя же было требовать, довольно было и того, что онъ имъ не мѣшалъ и какъ будто ихъ не замѣчалъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что стремленіе къ объединенію съ родною Германіею (*mit dem Stammlande*) подъ однимъ народнымъ знаменемъ, было прирожденно ея *Балтійской колоніи*, какъ она сама себя называетъ; но оно долго сдерживалось противоположнымъ ему началомъ сословнаго обособленія и стало брать верхъ надъ нимъ не ранѣе какъ послѣ и вслѣдствіе событій 1845 года. Въ это время, дворянство, Лютеранское духовенство и среднее сословіе, если не въ массѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ передовыхъ людей, многому научились. Они выразумѣли чего имъ не доставало, чѣмъ они были слабы, и съ той поры, нѣкогда безотчетное національное стремленіе стало постепенно возвышаться до сознательной системы. Теперь окончательно выработалась цѣлая программа дѣйствій обнимающая три задачи.

Прежде всего, Лютеранское духовенство, глубоко притѣвленное скоростью и легкостью отпаденія своей паствы, частью въ Гернгутерство, частью въ Православіе, не могло не усмотрѣть, что Протестантское вѣроисповѣданіе не имѣло въ краѣ никакихъ корней. Это была казнь за вѣковое нерадѣніе и за высокоумное пренебреженіе къ простонародью и его нуждамъ. Помѣстное дворянство не менѣе живо почувствовало непрочность своего господства и убѣдилось, что ему нельзя и мечтать о какой бы то ни было политической роли, пока все крестьянство, массою, стояло противъ него, тянуло къ Россіи всѣми своими надеждами, и, тѣмъ самымъ, вызывало постоянное вмѣшательство со стороны правительства. Надоумились оба сословія, дворянство и духовенство, и приняли серьезно за *Германизацию Ли-*

тѣшней и Эстова. Но такъ какъ совладать съ цѣлою массою, перевоспитать ее, побѣдить въ ней недовѣрчивость вопедающую въ ея плоть и кровь, наконецъ: вырвать изъ ея сердца и помысловъ инстинктивныхъ чаянїя заставляющїя ее обращаться къ Россїи, было бы невозможно, то естественно пришлось ограничить задачу. Она теперь опредѣлилась такимъ образомъ: отвлечь отъ массы простонародья и притянуть къ себѣ верхнїй слой крестьянства; онѣмечить его насквозь посредствомъ первоначальнаго, школьнаго образованїя, и подкрѣпить Нѣмецкое общество этими свѣжими силами взятыми изъ народа; сосредоточить въ рукахъ онѣмеченныхъ, или, вообще, тѣмъ или другимъ способомъ оторванныхъ отъ массы туземцевъ, крестьянскую поземельную собственность и, такимъ образомъ, единствомъ поземельныхъ интересовъ, связать съ дворянствомъ эту своего рода мелкую шляхту, *diese bauerliche kleine Elite*, какъ говорятъ Балтїйцы;*) наконецъ: лишивъ массу сельскаго народонаселенїя, не только всякаго участїя въ землевладѣнїи, но и всякой надежды когда либо прїобрѣсти прочную осѣдность, осадить ее какъ можно глубже и обречь на вѣчное батрачество крупнымъ и мелкимъ землевладѣльцамъ. Эта программа, въ настоящую минуту, приводится въ исполненїе съ замѣчательнымъ усїѣхомъ, благодаря не только бездѣйствию, но, во многихъ отношенїяхъ, прямому, хотя конечно безсознательному, содѣйствию правительства. Лѣтъ тридцать тому назадъ, въ Балтїйскомъ краѣ, господствовало убѣжденїе, что учить и просвѣщать Латышей противно интересамъ высшихъ сословїй; сами же Латыши, въ этомъ отношенїи, вовсе о себѣ не заботились. Теперь не то; школы для народа открыто много и, съ каждымъ днемъ, открываются новыя; Нѣмецкїй языкъ постепенно входитъ въ кругъ предметовъ преподаванїя;

*) Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 274.

крестьяне учатся съ жадностью. — Такому усилѣху нельзя не радоваться; а что, вмѣстѣ съ образованіемъ, вливается въ массы мѣстный Германизмъ, то есть самая ѣдкая неприязнь къ Россіи и къ Православной вѣрѣ — это конечно никого не удивить. Намъ вѣдь ужъ объявлено печатно, что Балтійская интеллигенція опознала въ Русской вѣрѣ грубѣйшее проявленіе Цезаропанизма и прямое отрицаніе *западнаго Христіанства*, а въ *Москаль* (*dem Moskowiter*) заклятаго и непримиримаго своего врага.*) Все это, пожалуй, выходитъ довольно карикатурно въ политическихъ брошюрахъ предназначаемыхъ для образованной публики; но получаетъ совершенно иное значеніе и дѣйствуетъ совершенно иначе, въ какойнибудь сельской школѣ, гдѣ каждое слово наставника принимается съ жадностью двѣнадцатилѣтними Латышами, уставившими въ него глаза и настроившими уши. Къ несчастію, мы мало объ этомъ думаемъ. Вопросъ о сельскихъ школахъ въ Балтійскомъ краѣ недавно занималъ правительство и рѣшенъ тѣмъ, что школы раздѣлены на Православныя и Лютеранскія; первыя отданы въ исключительное завѣдываніе Православнаго духовенства, а вторыя, тѣмъ самымъ, сохранили (или, точнѣе: получили) строго Лютеранскій, вѣроисповѣдной характеръ. Это былъ одинъ изъ капитальныхъ промаховъ сдѣланныхъ въ послѣднее время; ибо, во первыхъ, не трудно было предвидѣть, что Православныя школы, при скудныхъ ихъ средствахъ, будучи лишены поддержки и покровительства со стороны первенствующихъ въ краѣ сословій, непременно далеко отстанутъ отъ Лютеранскихъ; во вторыхъ, если гдѣ позволительно желать строгаго отдѣленія обученія предметамъ вѣры отъ преподаванія другихъ предметовъ, то конечно тамъ, гдѣ мѣстное вѣроисповѣданіе составляетъ пераздѣльную принадлежность

*) Livl. Beitr. B. II Lief. I S. 1.

и какъ бы подбивку чуждой народности, находящейся въ прямой оппозиціи къ господствующей. А что таково именно отношеніе Протестантства къ Германизму въ Балтійскомъ краѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ авторъ Диландскихъ вкладовъ. Вотъ его слова: „кто сколько нибудь способенъ понимать кризисъ нынѣ переживаемый Германизмомъ въ Нѣмецкихъ, Остзейскихъ провинціяхъ Россіи, тотъ не усомнится признать, что въ сущности и на практикѣ, онъ сводится окончательно къ вопросу: останется ли направленіе народной сельской школы въ рукахъ мѣстнаго рыцарства, или перейдетъ къ *такъ называемому* Министерству Народнаго Просвѣщенія. . . . Доктору Ульману,*) болѣе чѣмъ кому либо, обязаны мы тѣмъ, что проведена была черта строгаго разграниченія по вѣроисповѣданіямъ между сельскими, народными школами Лютеранскими и Греко-Россійскими; благодаря этому, самое острое орудіе изъ всѣхъ служащихъ въ настоящее время *доброму дѣлу Протестантства и, косвеннымъ образомъ, Германизма*, осталось въ нашихъ рукахъ не притупленнымъ . . . ибо, въ Балтійскомъ краѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, судьба Протестантства, въ принятой имъ формѣ областной Лютеранской церкви, тождественна съ судьбами Германизма . . . съ нею онъ стоитъ и съ нею бы вмѣстѣ упалъ“**) — Спрашивается: кто, въ этомъ случаѣ, лучше понималъ дѣло: наше правительство, создавшее на Балтійской нашей окраинѣ систему Протестантско-германскаго народнаго образованія, или заклятый нашъ врагъ, считающій это правительственное распоряженіе величайшею побѣдою своей партіи? Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что народное воспитаніе, это могучее орудіе, посредствомъ котораго, не только направляется въ ту или другую сторону,

*) Нынѣ вице-президенту Генеральной Лютеранской Консисторіи.

**) Livl. Beitr. B. I. Lief. II S. 103, 131, 135. Lief. I S. 5.

по создается духъ народный, въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, находится исключительно въ рукахъ Лютеранскаго духовенства и Лютеранскаго дворянства, дѣйствующихъ разумѣется за одно, и вѣдъ всякаго серьезнаго контроля со стороны правительства, такъ часто и такъ не кстати поговаривающаго о необходимости зорко слѣдить за первоначальными школами во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ.*)

Я нисколько отъ себя не скрываю, что при нашихъ административныхъ средствахъ и обыкновенныхъ приѣмахъ, отъ контроля за преподаваніемъ многого ожидать нельзя; но, кромѣ наблюденія, есть и другія средства. Такъ, на примѣръ, правительство могло оказать очень дѣйствительное и при томъ ни для кого не обидное противодѣйствіе германизаци Латышей, вступивъ въ свободную конкуренцію съ дворянствомъ и Лютеранскимъ духовенствомъ, поднявъ и усиливъ народныя школы въ Православныхъ приходахъ, открывъ на свой счетъ такія же школы въ казенныхъ имѣніяхъ и введя въ тѣхъ и другихъ преподаваніе Русскаго языка — чего сами Латыши недавно домогались, какъ заявили печатно тамошній уроженецъ и ревностный германизаторъ. Къ сожалѣнію, слѣдуя системѣ Князя Суворова, мы находили *болѣе удобнымъ* ничего не дѣлать, такъ что теперь остается лишь заявить отрицательные результаты нашей беззаботности и неумѣстной бережливости. Какъ это ни тяжело, а нельзя не сознаться, что Графъ Бобринскій, въ своемъ очеркѣ Православныхъ народныхъ школъ въ Лифляндіи, отнесся къ нимъ скорѣе спсходительно чѣмъ строго; что

*) „Къ счастью, Лютеранскія сельскія школы въ Балтійскомъ краѣ, до сихъ поръ, были избавлены отъ всякаго серьезнаго внимательства со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія и подлежатъ исключительно заведенію мѣстныхъ земскихъ учреждений“ — это говоритъ авторъ Лифл. вкладовъ. (Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 262).

Г. Георгъ Сиверсъ говоритъ сущую правду, утверждая, что уровень преподаванія въ этихъ школахъ гораздо ниже чѣмъ въ Лютеранскихъ; что нельзя не согласиться и съ Г. фонъ Боккомъ, увѣряющимъ, что Православныя школы, *благодаря усиліямъ того же доктора Ульмана* (который, какъ видно, усердно объ этомъ старался) потерпѣли постыдѣйшее fiasco, и что не даромъ народная поговорка ходящая по Лифляндіи гласитъ, что Православная молодежь *ростетъ какъ безсловесное животное (wie das liebe Vieh)*. По первоначально составленнымъ печатнымъ правиламъ для Православныхъ школъ въ Лифляндіи, обученіе Русскому языку и живое упражненіе въ разговорахъ на немъ введены были въ кругъ предметовъ обязательнаго преподаванія, какъ въ приходскихъ такъ и въ вспомогательныхъ школахъ; но эти правила остались мертвою буквою. Педдавно признали нужнымъ составить новыя и нынѣшній Генераль-губернаторъ Прибалтійскихъ губерній заявилъ при этомъ „что преподаваніе главнѣйшихъ правилъ Русской, Латышской или Эстской грамматикъ, при совершенной неразработанности этихъ предметовъ, и за немѣнимъ хорошихъ учебниковъ, *можетъ быть слишкомъ обременительно для малолѣтнихъ, безъ особенной для нихъ пользы.*“ Въ самомъ дѣлѣ! Стоитъ ли обременять бѣдныхъ малютокъ, а главное — самихъ себя, пріисканіемъ учителей и составленіемъ учебниковъ? Пусть иѣмечатся на здоровье!... Къ чему насъ приведетъ такая дальновидность нашей администраціи и такая настойчивость въ борьбѣ съ встречаемыми затрудненіями, въ то время какъ Пѣмецко-Протестантская пропаганда съ каждымъ днемъ усиливается — угадать не трудно.*)

*) Что народныя школы въ Балтійскомъ краѣ употребляются именно съ цѣлью германизировать Латышей, то есть поворотить ихъ лицомъ въ ту сторону, откуда тамошняя интеллигенція ожидаетъ избавленія отъ Вавилонскаго плѣна — я могъ бы доказать множествомъ свидѣтельствъ. На примѣръ:

Кромѣ сельской школы, германизация владѣть и другимъ орудіемъ, еще сильнѣйшими, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ и по ближайшимъ результатамъ, которые имъ достигаются. Мы недавно убѣдились, въ западномъ краѣ, что наше въ немъ владычество тогда лишь упрочится когда недвижимая собственность перейдетъ въ Русскія руки; мы объявили объ этомъ съ барабаннымъ боемъ, возбудили въ Европѣ скандалъ, но мало извлекаемъ пользы изъ собственной своей смѣлости, подвигаясь къ цѣли какъ то вяло, нерѣшительно и какъ будто нехотя. Въ Балтійскомъ краѣ, дѣлается тоже самое, въ такихъ же политическихъ видахъ, но гораздо толковѣе, то есть безъ огласки, незаметно и живо. Тутъ правительство положи-

„чтобы придать народной школѣ въ Ливляндіи подобающій ей темпераментъ и влить въ ея жилы жизненный огонь, на это нужна была пережитая нами буря 1841—1845 годовъ“ . . . „Правда, опѣшеніе поселенія Даттшскаго и Эстскаго племенъ *еще еще не доведено* до конца (noch nicht durchgeführt) . . . но между ними есть уже такъ называемыя *полу-немцы*, т. е. переживающіе процессъ опѣшенія (welche erst in der Germanisation begriffen sind) . . . Латвии охотно принимаютъ отъ Нѣмцевъ образованіе и, еслибъ можно было добиться, чтобы Русскіе, хотя бы въ продолженіи нѣсколькихъ десятилѣтій, не тревожили, не подстрекали ихъ, и не расшевеляли бы безпрестанно крестьянскихъ учреждений, тогда, начавшееся развитіе, при вытѣсненіи общественныхъ отношенійхъ, пошло бы наилучшимъ, быстрымъ, здоровымъ *Нѣмецкимъ ходомъ* (deutschen Fortgang)“ — это сужденіе опытнаго сельскаго пастора (Livl. Beitr. V. I Lief. II S. 129. Lief. III S. 245, 267, 269). А еще недавно, другой Ливляндецъ, фельд Сиверъ, говорилъ о *выходкахъ* Русской прессы, по поводу *минимиз*а попользовеній Балтійскихъ провинціаловъ германизировать край (die angeblichen Germanisierungs-Gelüste)! Неужели опъ такъ плохо знаетъ что творилось на его родинѣ, передъ его глазами? (Appell an die Oeffentlichkeit S. 1).

Австрія, въ послѣднюю войну, была побѣждена не Прусскими генералами, а Прусскими школьмейстерами — эта фраза теперь повторится во всей Германіи и сдѣлалась общимъ мѣстомъ. У насъ, въ Балтійскомъ краѣ, дѣло конечно до генераловъ не дойдетъ, но, если оно будетъ идти какъ идетъ теперь, то тамошніе школьмейстеры побѣдятъ насъ въ томъ отношеніи, что окончательно отвоюютъ у насъ народъ. Вся разница въ томъ, что Австрійцевъ одолѣли школьмейстеры всётаки чужіе, ей не подвластные, а нашъ авторитетъ и нашу нравственную силу подтачиваютъ теперь Россійскіе подданные, свои люди.

тельно помогло, не простымъ бездѣйствіемъ, а содѣйствіемъ. Во первыхъ, оно ничего не сдѣлало для предупрежденія систематическаго обезземленія крестьянъ принявшихъ Православіе, хотя фактъ этотъ, заявленный во множествѣ поступавшихъ отъ нихъ жалобъ, былъ официально признанъ.*) Во вторыхъ, какъ было подробно объяснено выше (въ статьѣ о крестьянахъ IV), допустивъ, по ходатайству дворянства, отобраніе усадьбъ у владѣющихъ ими хозяевъ подъ предлогомъ отмены барщины и продажи участковъ, правительство окончательно потрясло личныя, поземельныя права крестьянъ и предоставило помѣщикамъ полную возможность, ничѣмъ не стѣсняясь, переводить крестьянскіе участки изъ рукъ въ руки, жаловать правомъ поземельной собственности кого имъ вздумается, даже сбывать вовсе Латышей и Эстовъ и разсаживать, въ отобранныхъ у нихъ усадьбахъ, колонистовъ и мѣщанъ Пѣмецкаго происхожденія. Что мѣстное дворянство, при общемъ, открыто заявленномъ его стремленіи „консолидировать“ въ краѣ Германизмъ, пользуется своими правами именно въ этихъ видахъ, то есть для сосредоточенія крестьянской недвижимой собственности въ рукахъ людей насквозь опѣмеченныхъ и для Россіи окончательно потерянныхъ — въ этомъ, я думаю, никто и не сомнѣвается. Наконецъ, нельзя не прибавить, что правительство, не только никогда не заботилось объ удержаніи за собою довѣрія и сочувствія Латышей и Эстовъ, а совершенно на оборотъ, какъ будто старалось о томъ, чтобъ они объ немъ позабыли. Всѣмъ извѣстно, что ему принадлежала инициатива всѣхъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ для улучшенія крестьянскаго быта, и что дворянство систематически, и до послѣдней минуты, противодѣйствовало намѣреніямъ власти; тѣмъ не менѣе, при объ-

*) Даже Князь Суворовъ не отрицалъ его, а только находилъ невозможнымъ противодействовать ему. Отзывъ его по этому вопросу будетъ приведенъ въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ.

явленіи законоположеній дѣйствительно благопріятно дѣйствовавшихъ на судьбу крестьянъ (н. п. о возстановленіи вышшаго размѣра барщины, объ упраздненіи вотчинной расправы и т. подоб.) правительство умышленно маскировалось въ глазахъ народа, давая передъ собою шагъ дворянству и уступая ему всю честь почина. Иногда, оно даже принимало мѣры для предупрежденія огласки лучшихъ и благотѣльнѣйшихъ своихъ начинаній (н. п. распоряженія о надѣленіи батраковъ землею въ казенныхъ имѣніяхъ). Къ чему это? — и не странно ли, что до сихъ поръ, Латыши и Эсты ни разу не слышали слова Монарха, непосредственно къ нимъ обращеннаго, тогда какъ это могучее слово, какъ давно ожидаемый благовѣсть, разносилось по всеѣмъ деревнямъ Россіи и Польши, сливая въ одинъ электрическій токъ горячей признательности сдержанные вздохи, неопредѣленные чаянія, и долго безотвѣтныя порывы? Приписать ли это скромности или пренебреженію къ черни — я не знаю; но, во всякомъ случаѣ, едва ли разумно жертвовать популярностью не только правительства, но и Россіи, въ дѣлѣ столь близко касающемся ея политическихъ интересовъ на одной изъ самыхъ для нея важныхъ окраинъ Имперіи. Все какъ будто нарочно въ тѣхъ видахъ придумывалось, дѣлалось или упускалось, чтобъ отвлечь отъ насъ сочувствіе массъ, по крайней мѣрѣ не возбуждать его, а предоставить Германизму полную свободу раскидываться во все стороны, овладѣвать умами и водворять въ нихъ вѣру въ свое всемогущество. Этому ему и хочется; а когда онъ этого достигнетъ, когда простой народъ *(который уже теперь, по отзыву Г. фонъ Бокка, сочувственно относится къ Нѣмцамъ чѣмъ къ Русскимъ и быстро дозрѣваетъ до Германизма)** окончательно онѣмчится (dem vollen Deutsch-

*) Das mehr unrussische als undutsche, dem Deutschthume rasch entgegen-reifende Volk. Livl. Beitr. B. I Lief. II S. 4.

thum zugeführt wird),*) тогда — Балтійское паше поморіе дѣйствительно перестанетъ быть *нашимъ*, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ народно-бытовомъ; тогда — и государственное наше владычество въ этомъ краѣ потеряетъ самую прочную, ничѣмъ незамѣнимую свою основу, и, при первой обще-Европейской компликаціи, сдѣлается вопросомъ; тогда — мы будемъ разомъ отброшены къ началу XVIII вѣка; но тогда же — какъ бы не проснулись негодующія тѣни Петра I и Екатерины II и не потребовали отчета въ ихъ легкомысленно растроченномъ наслѣдіи.

Итакъ — германизировать Латышей и Эстовъ — это первая задача нынѣшней Балтійской политики.

А вотъ вторая: покончить скорѣе, домашнимъ порядкомъ, всѣ тѣ междоусобныя тяжбы и распри, которыя могли бы подать поводъ законодательной власти вмѣшаться во взаимныя отношенія первенствующихъ въ краѣ сословій, и, для достиженія этой цѣли, принести добровольно въ жертву все, что въ существующихъ правахъ и учрежденіяхъ мѣшаетъ внутреннему объединенію Нѣмецкаго общества; но, измѣняя въ этихъ видахъ историческую старину, въ тоже время, упорнѣе чѣмъ когда либо отстаивать ее какъ святыню противу всѣхъ начинаній идущихъ отъ правительства и отбиваться отъ преобразованій даже очевидно полезныхъ, буде они влекуть за собою, въ какомъ бы то ни было отношеніи, объединеніе съ Россією или хотя бы только сближеніе съ нею. — Первая часть этой задачи ужъ болѣе чѣмъ на половину исполнена по инициативѣ дворянскихъ сословій.

Матрикулированное рыцарство всѣхъ трехъ Балтійскихъ губерній добровольно отреклось отъ своихъ не совсѣмъ благопріобрѣтенныхъ привилегій, которыми прочія

*) Wesentliche Verschiedenheit der Bedeutung etc. S. 22.

сословія липались вовсе права владѣть недвижимою дворянскою собственностью въ уѣздахъ, или подвергались праву перекупа; въ тоже время, участіе землевладѣльцевъ нематрикулированныхъ въ обсужденіи земскихъ, хозяйственныхъ дѣлъ (на ландтагахъ) нѣсколько расширено и, вѣроятно, будетъ расширено еще болѣе; поговариваютъ о допущеніи ученыхъ и литераторовъ къ занятію нѣкоторыхъ должностей замѣщаемыхъ по выбору дворянства; даже проскакиваютъ иногда намѣки на возможность предоставить, со временемъ, лучшимъ изъ крестьянъ, цѣлѣу сельского сословія (*der Elite des Bauernstandes*) т. е. крестьянамъ насквозь офѣмеченнымъ, право голоса въ выборѣ членовъ общихъ судебныхъ инстанцій.*) Все это называется *окрупленіемъ уловогъ и выравниваніемъ шероховатостей обращенныхъ внутрь* (т. е. разобщающихъ мѣстныхъ сословія между собою).**) Между тѣмъ, очень еще недавно, суровая исключительность землевладѣльческихъ правъ рыцарства защищалась представителями мѣстнаго дворянства и ихъ патронами въ высшемъ правительствѣ какъ краеугольный камень, на которомъ будто бы держалось такъ называемое благоустройство края. Теперь, этотъ камень изъ подъ него выхваченъ; обобщеніе правъ, котораго такъ давно домогались цѣлыя сословія и общества (н. п. Рижскіе граждане по вопросу о приобрѣтеніи недвижимои собственности) частью совершилось, частью довершается; но никто, разумѣется, и не думаетъ сказать за это спасибо правительству, такъ какъ оно дѣйствительно ничего отъ себя не сдѣлало, а ограничилось лишь утвержденіемъ постановленій дворянства. Мало того, оно даже осталось въ накладѣ въ томъ отношеніи, что приносимыя дворянствомъ жертвы предназначались служить и дѣйствительно

*) Appell an die Europ. Oeffentlichkeit.

***) Какъ выразался какой то Ливляндскій патриотъ въ 1859 году. Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 40, 63.

послужили политической цѣли совершенно противоположной нашимъ государственнымъ интересамъ, т. е. объединенію Пѣмецкаго общества въ видахъ единодушнаго отпора *наиздному* владычеству (*der Fremdherrschaft*).*)

Съ другой стороны, противодѣйствіе во имя неприкосновенной старины законодательнымъ предположеніямъ правительства, въ послѣднее время, усилилось и приняло особенный характеръ. Памъ долго твердили, и многіе до сихъ поръ убѣждены, что населеніе Балтійскаго края Пѣмецкаго происхожденія чуждается Россіи потому, что для него бесконечно дороги его законы, учрежденія и обычаи, уцѣлѣвшіе, какъ бы подъ колпакомъ, отъ среднихъ вѣковъ. Это и справедливо по отношенію къ прошедшему. Было дѣйствительно время, когда рыцарство и биргеры чисто-сердечно вѣрили въ возможность заключиться навсегда въ историческихъ рамкахъ XV вѣка и совершенно добросовѣстно считали всякое къ нимъ прикосновеніе преступнымъ посягательствомъ. Все это теперь измѣнилось. Тѣже сословія, по крайней мѣрѣ сословныя интеллигенціи, думаютъ иначе; да и нельзя было не одуматься. Въ родной Германіи, гдѣ историческое развитіе общепѣмцкой гражданственности совершалось на свободѣ, при условіи полной политической независимости, замкнутыя корпораціи раскрывались, ступневывались и исчезали въ новыхъ общественныхъ группахъ, слагавшихся на основаніи единства экономическихъ или національныхъ интересовъ; поземельныя отношенія упростились, торговля и промыслы выбивались на просторъ; личная свобода и гражданская равноправность отвоевывали одну за другою привилегированныя позиціи укрѣпленныя по средневѣковой системѣ; пути и поприща открытые для личной предпріимчивости расширились. Въ Россіи, съ тѣхъ поръ какъ началось преобразованіе ея

*) Livl. Beitr. B. II Lief. I S. 5.

внутренняго устройства, совершалось явленіе аналогическое; при этомъ, въ общественной организаціи данной нашимъ селамъ, волостямъ, приходамъ и городамъ, въ нашихъ земскихъ собраніяхъ и управахъ, въ нашемъ мировомъ институтѣ, въ нашемъ новѣйшемъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, обнаруживалось гораздо болѣе сходства съ типами однородныхъ учрежденій выработанными новѣйшею Европейскою цивилизаціею чѣмъ съ средневѣковыми учрежденіями Балтійскаго края. Итакъ, становилось очевиднымъ, во первыхъ, что эти послѣднія учрежденія, отживъ болѣе чѣмъ законный свой вѣкъ, должны были преобразиться въ непродолжительномъ времени; во вторыхъ, что всякое въ нихъ улучшеніе непременно должно было сблизить ихъ съ порядкомъ вещей введеннымъ въ Имперіи и что, такимъ образомъ, самый естественный историческій прогрессъ вѣль несинуемо къ постепенному упраздненію тѣхъ „временемъ освященныхъ особенностей“ за которыми, какъ за брустверомъ, Балтійскій Германизмъ держалъ себя въ разобщеніи съ Россіею. По мѣрѣ того какъ это убѣжденіе проникало въ умы, измѣнялось и прежнее возрѣніе на привилегіи. Чтò прежде было само себѣ цѣлю, теперь сдѣлалось средствомъ для цѣли вѣдшей и, въ извѣстномъ смыслѣ, высшей. Прежде, Нѣмецкое населеніе дичилось Россіи и сторонилось отъ нея, чтобъ сохранить въ неприкосновенности свои права и обычаи; теперь оно отстаиваетъ ихъ, несмотря на дознанную ихъ обветшалость, чтобъ имѣть законный предлогъ держать себя особнякомъ отъ Россіи. Если хотите въ этомъ убѣдиться, то прочтите чтò печатають Балтійскіе публицисты за границею, для родной Германіи; тамъ, на свободѣ, безъ цензуры, и ободряемые сочувственною имъ Нѣмецкою публикою, они высказываются всегда гораздо откровеннѣе чѣмъ у насъ. Одинъ изъ нихъ, нечуждый нѣкотораго либеральнаго оттѣнка, разсуждая о земскихъ

учрежденіяхъ, говорить, что и Балтійцы были бы вовсе не прочь, со временемъ, допустить у себя всесловныя представительства, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ инициатива въ этомъ дѣлѣ оставалась за ними; иными словами: чтобъ выждать пока часть крестьянства будетъ окончательно отмѣчена и сдѣлать все по своему, безъ вышательства правительства, и не соображаясь съ порядкомъ вещей введеннымъ въ Россіи.*) Другой горько упрекаетъ своихъ земляковъ за то, что они не рѣшаются, изъ какого то ложнаго стыда, прямо и откровенно признать необходимость, именно въ Балтійскомъ краѣ, крѣпко держаться за такія учрежденія, которыми конечно можно бы было пожертвовать не задумываясь, при бѣльшей свободѣ и при другихъ, менѣ щекотливыхъ условіяхъ (*unter unbefangenen und freien Verhältnissen*) т. е. еслибы пожертваніе не было равносильно шагу впередъ на пути къ Россіи. Онъ же, подавая робкимъ примѣръ мужества, заявляетъ какъ *несомнѣнную истину, что вся выгода идущей отъ Россіи реформы Балтійской юстиціи не могли бы вознаградить за бѣдствіе, которое постигло бы Остзейскія провинціи, еслибы онъ добровольно подчинился Русскимъ, общимъ законамъ Имперіи.**)* Онъ же, въ статьѣ писанной специально

*) Appell an die Europäische Oeffentlichkeit gegen die Russischen Zeitungen von einem Deutschen, der, als geborener Livländer, Russischer Staatsangehöriger ist. (Воззваніе къ Европейской публикѣ въ защиту отъ Русскихъ газетъ. Писано *Нымьемъ*, который, будучи Ливляндскимъ уроженцемъ, принадлежитъ къ *Русскому Государству*; стр. 19 и 20). Эта не разъ уже мною цитованная брошюра, въ троекромъ отношеніи, принадлежитъ къ числу отрадныхъ исключеній въ массѣ новѣйшихъ произведеній Балтійской интеллигенціи. Во первыхъ, авторъ ся, Г. Егоръ Сиверсъ, выставилъ на ней свое имя полными буквами; во вторыхъ, въ ней слышно честное прямотуше и, въ самой запальчивости тона, болѣе негодованія (конечно очень неразумнаго) чѣмъ желчнаго, старческаго озлобленія; въ третьихъ, на цѣлыхъ 24 страницкахъ, ни одного допоса!

**) Livl. Beitr. V, I Lief, I S. 3. Lief. III S. 7. „Dass alle Vortheile einer von Russland kommenden Reform der Baltischen Justiz das Uebel nicht wettzumachen vermöchten, welches über die Ostseeprovinzen durch willfuge Anerkennung ihrer

для Пруссіи, защищаетъ противъ общественнаго мнѣнія либеральной Германіи, такъ называемыя привилегіи своей родины, впрочемъ отнюдь не ради ихъ внутренняго достоинства, а только ради ихъ значенія, какъ оборонительнаго орудія противъ Россіи (die in ihrer defensiven Wehrkraft verkanteten Institutionen) и, обращаясь къ своей публикѣ, предлагаетъ ей сообразить: что лучше и выгоднѣе для Нѣмецкой націи: чтобъ цѣлая, значительная по свосму протяженію область вовсе пропала для Германизма, или чтобъ она, хотя бы и въ формахъ строго аристократическаго быта, сберегалась *для него, въ чаяніи лучшихъ временъ?**) А если кто либо изъ читателей захочетъ составить себѣ болѣе ясное и точное понятіе объ этихъ чаемыхъ, лучшихъ временахъ, то мы предложимъ ему обратиться къ довольно распространенному въ Германіи обзорѣнью Вестермана „Наше время“ (Unsere Tage) части 16ой, приискать въ ней рядъ статей подъ заглавіемъ „Призваніе Пруссіи на востокъ“ (Preussens Beruf im Osten) и прочесть главу подъ № VII „о будущности Нѣмецкихъ Остзейскихъ провинцій подъ владѣтельствомъ Пруссіи (Zukunft der deutschen Ostseeprovinzen unter Preussens Herrschaft). Послѣ такого ряда печатныхъ заявленій, *отъ которыхъ никто не отрекся*, не знаю рѣшится ли ктонибудь (кромѣ развѣ редакціи Сѣверной Почты) упорствовать въ предна-

Unterstellung unter das Russische Reichsrecht heraufbeschwören würde.“ — Это пишетъ вице-президентъ Ливляндскаго Готтерихта, который самъ принималъ участіе въ занятіяхъ Балтійской Комиссіи, обсуждавшей вопросъ о судебной реформѣ. А мы добродушно воображаемъ себѣ, что тамъ заботятся о наилучшемъ устройствѣ вѣстии!

*) Sollte es nicht im wohlverstandenen Interesse der deutschen Nation liegen, dass ein so ansehnliches Gebiet dem Deutschthume doch lieber in ritterschaftlichen und patrieischen Lebensformen für bessere Tage herübergereitet worden ist, als gar nicht. (Livl. Beitr. V. t Lief. III S. 246, 290). А Сѣверная Почта недавно увѣрляла Россію, что Московская журналистика клеветаетъ на Балтійскую интеллигенцію, приписывая ей сепаратистическія стремленія! Что это: наивность или дерзость?

мѣренномъ игнорированіи правды. Наконецъ, я приведу еще одинъ отзывъ, какого то патриота скрывшаго свое имя, замѣчательный какъ полное изложене теоріи систематическаго противодѣйствія Балтійскихъ сословій всѣмъ безъ изыятія законодательнымъ проктамъ правительства: „оставляя въ сторонѣ сферу промышленности“ — говоритъ авторъ — „я полагаю, что въ настоящее время, мы должны добровольно ограничить себя охраненіемъ учреждений и бытовыхъ формъ перешедшихъ къ намъ по наслѣдству отъ нашихъ отцевъ, какъ бы сильно онѣ ни отзывались средними вѣками и періодомъ позднѣйшей чопорности (des Zopfes). Въ этомъ, покуда, наше призваніе. Конечно, мы должны также постоянно заботиться объ округленіи угловъ и сглаживаніи шероховатостей *обращенныхъ внутри и ощущаемыхъ внутри*, избѣгая въ тоже время всякаго повода къ соблазну для внѣшнихъ (на сколько это возможно безъ нарушенія нашей чести) и я совершенно раздѣляю мнѣніе, что на этомъ поприщѣ, дворянство не только можетъ, но обязано взять инициативу въ устройствѣ своихъ отношеній къ прочимъ *Нѣмецкимъ* сословіямъ. Тѣ, которымъ такое призваніе могло бы показаться мелочнымъ и слишкомъ скромнымъ, въ сравненіи съ происходящею подлѣ насъ (въ Россіи) шумливою вознею, пусть вспомнятъ, что домашнія дѣла всегда кажутся ничтожными поверхностному наблюдателю; но что однако устройство скромнаго домашняго порядка, по своимъ плодотворнымъ, далеко простирающимся послѣдствіямъ, важнѣе всего на свѣтѣ. Прибавлю, что благоразумные домохозяды всегда терпѣливо переносятъ неудобства роднаго жилья, когда дѣло идетъ не о томъ какъ бы устроить себѣ нанудобнѣйшія палаты, а о томъ, какъ бы, взаимною другъ къ другу снисходительностью и единодушіемъ, предупредить раззореніе роднаго крова и отводъ дароваго помѣщенія въ казармѣ

или фаланстеръ.*) Чтоже касается до обывателей *Ильменскаго* (Балтійскаго) *блоклауза* въ особенности, то они не только охотно перенесутъ его неудобства, но еще найдутъ ободреніе въ убѣжденіи, что все то, что изъ ихъ старыхъ твореній и изъ ихъ учрежденій образовавшихся путемъ мѣстной автономіи, будетъ убережено отъ покушеній благотворительной славящины, все это, даже ничтожнѣйшее, худшее и наиболѣе устарѣлое, всётаки чистое золото въ сравненіи съ прошедшими и вѣроятно даже съ будущими продуктами нескончаемыхъ опытовъ нашихъ сосѣдей (Русскихъ) въ области домашняго, сословнаго и политическаго быта, религіи и художества. Кстати привести въ заключеніе слово Александра фонъ Рейца: нужно защищать свое, хоть и негодное, ради того что оно свое.“**)

*) Едвали нужно объяснять, что казарма значитъ Россія, а фаланстеръ устройство прочнаго крестьянскаго земледѣлія.

**) Abgesehen von der rein industriellen Sphäre . . . sehe ich unsere Aufgabe in einseitigem resignirtem Conserviren unserer von den Vätern überlieferten Institutionen und Lebensformen, und ständen sie auch noch so sehr im Geruch der Mittelalterlichkeit und des Zopfs. Freilich werden wir dabei fort und fort bedacht sein müssen, ihre Ecken und Härten, soweit sie sich nach innen fühlbar machen, zu glätten und zu mildern, indem wir zugleich allen mit Ehren vermeindbaren Anstoss nach Aussen zu vermeiden suchen, und hier bin ich gewiss der Erste, der Ihnen zugiebt, dass dem Adel, zumal in seinen Beziehungen zu den anderen deutschen Ständen, die Initiative nicht sowohl zusteht, als obliegt. Wenn diese Aufgabe, gegenüber dem vollmauligen „jenseitigen“ Treiben, klein und allzubescheiden dünken sollte, der möge bedenken, dass häusliche Angelegenheiten dem oberflächlichen Beobachter allzeit geringfügig erscheinen, dass aber doch die grössten und nachthätigsten Wirkungen von der stillen Ordnung des Hauses ausgehen, und dass ferner die Genossen desselben seine Unbequemlichkeiten u. s. w. gern ertragen werden, wenn sie sich vergegenwärtigen, dass es sich für sie nicht darum handelt, den möglichst bequemen Palast herzustellen, sondern, durch gegenseitige Duldung und Einigkeit, zu verhindern, dass ihnen das väterliche Dach über dem Kopfe abgerissen und ihnen freie Wohnung angewiesen werde, sei es in der Kaserne, sei es im Phalanstere. Doch nicht nur gern ertragen werden die Genossen des deutschen Blockhauses seine Unbequemlichkeiten, sondern gehoben werden sie sich fühlen von dem Bewusstsein, dass das Geringste, Schlechteste und Veraltete, was ihnen von den alten autonomen Schöpfungen und Bildungen vor Slavischer Weltbeglückung zu retten gelingt, immer noch Goldes werth bleibt, ver-

Откиньте Пѣмецкое самохвальство и вы получите слѣдующую, совершенно выработанную, политическую программу: прежде всего нужно уберечь край для Германіи, въ ожиданіи лучшихъ временъ, а чтобъ этого достигнуть, необходимо держать его въ полномъ разобщеніи съ окружающею его Русскою средою, какъ бы подъ колпакомъ его средневѣковыхъ учреждений. Нельзя конечно оспаривать, что подъ этимъ колпакомъ душно, что эти учреждения неудобны, тѣсны и дряхлы — все это мы знаемъ и ощущаемъ, и всётаки мы не примемъ отъ Россіи ни воздуха, ни простора. Положеніе дѣйствительно трагическое! Сближаться съ Россіею они рѣшительно не хотятъ, а между тѣмъ, та почва, на которой они до сихъ поръ держались въ разобщеніи съ нею, проваливается подъ ихъ ногами. Какъ же быть? — Этотъ естественно возникающій и неизбежный вопросъ служить какъ бы переходомъ къ новой задачѣ и, такъ сказать, наводитъ на нее.

Первая и вторая — отмѣченіе Латышей и Эстовъ и внутреннее объединеніе Нѣмецкаго общества — дѣло домашнее. Оно вѣзмъ сподручно и по плечу; имъ орудуютъ на мѣстахъ помѣщики, пасторы, школьные учителя, каждый въ мѣру своего умѣнія и усердія.

Третья задача гораздо труднѣе и деликатнѣе; она касается внѣшнихъ отношеній края, какъ области, къ Россіи какъ государству, и потому ею завѣдуютъ преимущественно передовые люди, политики и публицисты высшаго полѣга, подвизающіеся на такъ называемомъ *сословно-дипломатическомъ* поприщѣ — auf ständisch-diplo-

gleichem mit Allem, was bis hiezu „jenseits“ auf irgend einem Gebiete des häuslichen, ständischen, politischen, religiösen und künstlerischen Lebens jemals herausexperimentirt worden und, aller Wahrscheinlichkeit nach, jemals herausexperimentirt werden dürfte. Ich schliesse mit dem Wahlspruch unseres Alexander v. Reitz: admodum tendam sent noster nec non vitiosa, sed tamen propria.“ Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 63, 64.

matischem Wege.^{*)} Заключается она въ томъ, чтобы, такъ сказать, перелить провинціальный Германизмъ изъ старыхъ, сильно поврежденныхъ сосудовъ сословныхъ привилегій, въ сосудъ новый, изъ другаго, болѣе прочнаго вещества, который бы въ состояніи былъ выдержать ожидаемыя впереди столкновенія; иными словами: довести правительство, незамѣтнымъ для него путемъ, до признанія Балтійскаго Германизма за политическую національность.

Я постараюсь доказать, что это вовсе не сумасбродная мечта какихъ нибудь случайно разгорячившихся головъ, а гораздо болѣе. Для Балтійской интеллигенціи, это совершенно правильный и неизбѣжный выводъ изъ всѣхъ ея политическихъ воззрѣній намъ уже отчасти извѣстныхъ; для насъ — это почти неизбѣжное, хотя на первый взглядъ и невѣроятное завершеніе цѣлаго періода бездѣйствія или криводѣйствія.

Какъ ли презрительно отзывается Балтійская интеллигенція о такъ называемой Старорусской партіи и о Московскихъ ея органахъ, какъ ли твердо уповаешь она на специальное, никогда ей не измѣнявшее покровительство главнаго управленія по дѣламъ печати, тѣмъ не менѣе не могла же она не признать какъ фактъ, что въ послѣднее время, въ Россіи, сталъ раздаваться какой то новый, до тѣхъ поръ неслышанный голосъ. Прежде, она имѣла дѣло только съ правительствомъ и потому приспособила свои политическіе приемы къ официальнымъ сношеніямъ и къ придворнымъ интригамъ. Теперь, волею неволею, приходится еще имѣть дѣло съ общественнымъ мнѣніемъ, котораго нельзя ни усмирить лестью, ни подкупить напыщенными выраженіями условной вѣрности; изъ всѣхъ доселѣ служившихъ средствъ, остается одно: клевета и

*) Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 65.

доносъ; но и это орудіе, такъ часто и такъ неразборчиво употребляется, что и оно скоро притупится“.*)

А между тѣмъ, неутомная Русская пресса *непрестанно обращается* къ дѣламъ Балтійскаго края (какъ заявляетъ съ неудовольствіемъ Сѣверная Почта) и, новидимому, намѣревается не отставать отъ нихъ до тѣхъ

*) Политическій доносъ употребляется въ дѣло не только противъ лицъ, но и противъ цѣлаго общества, противъ всей Россіи. Замѣчательные образцы въ этомъ родѣ можно найти въ произведеніяхъ Г. Фонъ Бокка. Я приведу два или три, взятые на удачу, для примѣра: „шпины усѣявъ путь къ любимому Монарху, окруженному, осажденному и лишенному всякой свободы дѣйствій враждебными силами, все болѣе и болѣе разоблачающейся Русской революціи“ (Livl. Beitr. V. I Lief. I S. 102). — Или: „пора пріобрѣсти въ общественномъ мнѣніи Бироны совѣтника Монарху, желающему добра, для подкрѣпленія его въ очевидно трудной и утомительной борьбѣ Его съ темными силами мшающими осуществленію Его благихъ желаній Каждый честный Ливляндецъ все еще признаетъ самодержавную власть за принадлежность своего Государя, а не темной силы и страстной оппозиціи Москвичей; иными словами: онъ читъ не *поларга* а *Монарха*, который самъ хорошо знаетъ какъ ему властвовать, съ одной стороны, надъ Кемчадами, Самодѣлами и Москалями, съ другой: надъ Филилидцами и Остзейцами Стрѣльцы! Вотъ та загадочная власть, отъ которой терпѣтъ честный Германизмъ и честное Протестанство Остзейскихъ губерній, и которая, какъ кажется, посягаетъ и на авторитетъ Всероссийскаго Самодержца. . . . Стрѣльцы! тѣ самыя, которые, недавно, на этнографической выставкѣ, самодовольно любовались собою, роаясь теперь подъ землю и подпалывають во мракѣ, съ намѣреніемъ, выждавъ благоприятной минуты, выскочить изъ засады и вырвать изъ рукъ законнаго Государя бразды правленія. (Livl. Beitr. V. I Lief. II S. 29, 31, 33, 34) „Какую стремительную силу въ последнее время пріобрѣли требованія Московской политики видно между прочимъ изъ того, что добрейшій Государь *вынужденъ* былъ отказать своему вѣрному Ливляндскому рыцарству въ просьбѣ выслать къ нему депутатовъ для объясненія ему крайности, до которой они доведены жестокими испытаніями (т. е. подтвержденіемъ указа о введеніи въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ Русскаго языка) (Livl. Beitr. V. I Lief. III S. 6). Или еще: „покойный Императоръ Николай I, во время своего пребыванія въ Палермѣ, давъ волю *своимъ попамъ* начать въ Ливляндіи Православную пропаганду и, тѣмъ самымъ, вдохнуть новую жизнь въ Протестанство; пресмникъ его, видя это, можетъ быть преднамѣренно дозволилъ Русской партіи сдѣлать покушеніе на Нѣмецкій языкъ, въ надеждѣ вызвать со стороны мѣстнаго Германизма противодѣйствіе, и такимъ образомъ, въ подкрѣпленіе самому себѣ; оживить тѣ силы, безъ помощи которыхъ ему бы не устоять противъ напора росущей волны Русской революціи.“ (Livl. Beitr. V. I Lief. II S. 130).

поръ, пока не добьется категорическаго разрѣшенія кореннаго вопроса о томъ: въ какихъ отношеніяхъ состоитъ и долженъ состоять этотъ край къ Россіи?

Страннымъ можетъ показаться, что это все еще вопросъ, открытая тема для спора, котораго мы не успѣли порѣшить въ полтораго лѣтъ. Странно! но чтоже дѣлать — это фактъ. У Балтійцевъ по этому предмету своя теорія, у Россіи — своя. Обѣ стороны давно знаютъ и чувствуютъ, что между ними стоитъ не простое недоразумѣніе, а коренное противорѣчіе, и обѣ, какъ будто по обоюдному соглашенію, обходятъ его и тщательно избегаютъ откровеннаго объясненія, какъ будто изъ опасенія договориться. Вотъ гдѣ источникъ всѣхъ агитацій, интригъ и столкновеній, нерѣдко смущающихъ правительство въ Петербургѣ и постоянно подрывающихъ авторитетъ его въ Ригѣ, Митавѣ и Ревелѣ.

По Балтійской теоріи, двѣ равноправныя, одна отъ другой независимыя и ничѣмъ въ своей свободѣ неограниченныя стороны, Балтійскія сословія и Русское правительство, въ началѣ XVIII вѣка, заключили между собою договоръ (einen Vertrag) въ формѣ *капитуляцій* — таково историческое начало и таково, понынѣ, законное основаніе взаимныхъ ихъ отношеній. Съ перваго же слова, читатель видитъ, что Балтійскіе юристы, такъ твердо знающіе свою старину, благоразумно забываютъ, что заключенію этого такъ называемаго договора предшествовала Сѣверная война и что Россія отвоевала свое Балтійское поморіе у Швеціи, а не у Ливляндскихъ Ландграфовъ и не у Ревельскихъ Бургомистровъ. А впрочемъ можетъ быть, въ мѣстныхъ дворянскихъ и городскихъ архивахъ хранятся какіе-нибудь неизвѣстные намъ документы, доказывающіе, что Россія, дѣбно неимоверныхъ усилій, выучилась наконецъ побѣждать Шведовъ только для того, чтобъ, очистивъ отъ нихъ Ливляндію и Эст-

ляндію, потомъ ударить отбой, сложить руки и выслушать отъ тамошнихъ сословій какимъ образомъ угодно имъ будетъ распорядиться собою: не пожелаютъ ли онѣ образовать изъ себя отдѣльное государство, или пристать опять къ Германской Имперіи, или какъ нибудь иначе устроить свою судьбу?

Какъ бы то ни было, по излагаемой теоріи, капитуляціи положили, въ основаніе отношеній Балтійскаго края къ Россіи, систему обоюдныхъ обязательствъ и правъ; затѣмъ, при заключеніи трактатовъ Ништатскаго (1721) и Абовскаго (1743),*) Россія, еще разъ, обязалась передъ Швеціею соблюдать на вѣчныя времена тѣ условія, которыми она предварительно связала себя въ отношеніи къ Лифляндіи и Эстляндіи. Такимъ образомъ, политическія права этихъ провинцій, выговоренныя въ капитуляціяхъ, приобрѣли новую гарантію и стали подъ защиту международнаго права — ein völkerrechtlich garantirtes bilateralstipulirtes Landesrecht.***) Сущность установившихся на этомъ двойственномъ основаніи взаимныхъ обязательствъ между Россіею и Балтійскимъ краемъ заключалась въ слѣдующемъ: одна сторона — Россія, приобрѣла право государственнаго владычества надъ Лифляндіею и Эстляндіею и право на политическую вѣрность тамошнихъ чиновъ; въ тоже время, Россія обязалась соблюдать и охранять неприкосновенность ихъ стародавнихъ учреж-

*) Само собою разумеется, что Балтійскіе чины, въ то время состоявшіе въ подданствѣ Россіи, не принимали ни малѣйшаго участія въ заключеніи этихъ договоровъ.

**) Die aus anerkannter und acceptirter Rechtsübung hervorgegangenen Kapitulationen dienen dem Czaren zur Grundlage der ständischen Erbhuldigungen; diese hinwiederum zur Grundlage des erst elf Jahre später zu Stande gekommenen Nystädter Friedens (1721) gediehen, welcher, wie sein Nachfolger, der Aboer Friede (1743) jene Sonderrechte der Landeskirche und des Landesstaates in Liv- und Ehstland auch unter völkerrechtlichen Schutz stellt (Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 254 Anmerk.).

дений, правъ и обычаевъ — короче: ихъ *привилегій*, при томъ: не которыхъ либо изъ нихъ, а *всѣхъ* безъ изъятія и безъ ближайшаго ихъ обозначенія (слѣдовательно, въ томъ числѣ, и stapleнаго права и браковки льна и цеховыхъ шрагъ, и замѣщенія полицейскихъ и судебныхъ должностей изъ среды матрикулированнаго дворянства, по его выбору, и наконецъ даже крѣпостнаго права со всѣми его прелестями). Другая сторона — мѣстные сословія и общества, приобрѣли на вѣчныя времена это широкое обеспечение неприкосновенности и неизмѣнности своей старины, и, подъ этимъ условіемъ, приняли на себя политическія обязанности подданства. Итакъ, Балтійскіе подданные Россійскаго Императора, присягая ему на вѣрность, предполагають, что и онъ, съ своей стороны, будетъ вѣренъ своимъ обязательствамъ*). „Die Treue der Monarchen — это нѣсколько странное выраженіе, встречающееся у Балтійскихъ публицистовъ, по ихъ теоріи, имѣеть, какъ видно, совершенно ясный и точно опредѣленный смыслъ. Отсюда слѣдуетъ, во первыхъ, что никакая мѣстная привилегія не можетъ быть *законнымъ* образомъ не только отиѣсна, но даже въ чемъ либо измѣнена, безъ вѣдома, участія и согласія пользующейся ею стороны; иными словами: въ Балтійскихъ губерніяхъ, законодательная власть принадлежитъ не одному высшему правительству, а правительству въ совокунности съ представителями мѣстныхъ чиновъ — вотъ что значить это право *законодательной инициативы* сословій, какъ называютъ его нѣкоторые, или право участія въ законодательствѣ, какъ называютъ его гораздо точнѣ другіе, право будто бы заключающееся въ привилегіяхъ и въ формулѣ ихъ утвержденія, но очень недавно въ нихъ

*) Das bilaterale facio ut facias — какъ выражается издатель Ливляндъ вкладовъ В. I. Lief. II. S. 8.

открытое, и на которое Балтійскіе публицисты стали такъ сильно налагать въ послѣднее время.*) Во вторыхъ, слѣдуетъ, что позволивъ себѣ, собственно своею властью, что либо отмѣнить или измѣнить въ утвержденномъ ею порядкѣ вещей (а это случалось очень часто и теперь еще случается**) верховная власть нарушила бы коренное условіе заключеннаго ею съ мѣстными чинами договора и сама потрясла бы свое право на ихъ политическую вѣрность. Тѣмъ самымъ, другая сторона приобрѣла бы право располагать собою, не стѣняясь условіями нарушенной сдѣлки, то есть, могла бы, по чистой (конечно Балтійской) совѣсти, сложить съ себя обязанности подданства, могла бы также, отказавшись добровольно отъ этого права и оставшись къ правительству въ прежнихъ отношеніяхъ, выставить это обстоятельство какъ подвигъ своего необязательнаго долготерпѣнія, дающій ей право на особенную признательность со стороны власти. — „Die sehr geduldigen Liefländer“ говоритъ авторъ Лявляндскихъ вкладовъ о своихъ землякахъ настоящаго времени, а другой землякъ его, перечисляя прежнія заслуги Эстляндцевъ, ставитъ правительству на видъ, между прочимъ и то обстоятельство, что они покорились указу Екатерины II о введеніи въ Балтійскихъ губерніяхъ общихъ учрежденій о намѣстничествахъ и терпѣливо вынесли это незаконное насиліе.***)

Въ третьихъ, слѣдуетъ, что всякое нарушеніе пра-

*) Das Recht der Mitberathung; иначе: das Recht, dass über Livland nichts ohne der Livländer Vorwissen (nihil in seculis Livonis) statuit werde. На практикѣ, выраженіе in seculis (безъ вѣдома) толкуется въ смыслѣ безъ согласія, или созволенія. Livl. Beitr. V. I Lief. II S. 16, 18.

**) Не говоря уже о коренныхъ преобразованіяхъ Екатерины II, Александра I и Николая I, почти все законы изданные правительствомъ для Балтійскаго края, съ первой четверти прошлаго вѣка, содержать въ себѣ болѣе или менѣе рѣшительныя нарушенія стародавнихъ порядковъ.

***) Livl. Beitr. V. I Lief. I S. 34. Lief. II S. 184.

вительствомъ мѣстныхъ привилегій можетъ послужить вполне основательнымъ поводомъ къ дипломатическому вмѣшательству Швеціи и побудить ее къ заступничеству за обиженную сторону. Правда, сама Швеція, по видимому, не признавала за собою такого права ни во времена Екатерины II, ни при покойномъ Императорѣ Николаѣ I; по крайней мѣрѣ, она имъ не пользовалась; но это не доказываетъ, чтобъ она не могла воспользоваться имъ въ послѣдствіи, при другихъ обстоятельствахъ, когда наступятъ тѣ такъ называемыя *лучшія времена*, о которыхъ Балтійскіе публицисты перекидываются теперь намѣками съ своею Германскою братьею. Что сегодня кажется невѣроятнымъ и несбыточнымъ, завтра можетъ сдѣлаться дѣйствительностью. Кто бы, на примѣръ, повѣрилъ лѣтъ двадцать тому назадъ, что наступитъ минута когда намъ придется выслушивать отъ Турціи наставленія о томъ какъ привлекать къ собѣ сердца покоренныхъ племенъ? Наши дальновидные Балтійскіе политики помнятъ это и потому находятъ не лишнимъ, на всякій случай, какъ можно чаще твердить о правѣ Швеціи и, кстати и не кстати, напоминать Европѣ о Ништатскомъ трактатѣ. Кто знаетъ: въ будущихъ, чаемыхъ complicацияхъ, ему предназначено можетъ быть разыграть такую же роль, какую игралъ еще такъ недавно Вѣнскій трактатъ въ вопросѣ Польскомъ?

Теорія условной преданности, въ вѣрноподаданныхъ адресахъ и вообще въ официальныхъ заявленіяхъ, обыкновенно нѣсколько замаскировывается формулою: „мы были и будемъ непоколебимо вѣрны престолу *изъ* чувства признательности *за* охраненіе нашихъ стародавнихъ учрежденій и правъ“ но въ произведеніяхъ Балтійской интеллигенціи издающихся за границую, также въ сущности мысль выражается опредѣлительнѣе: не *за* охраненіе, а *отъ той мѣри* и *пока* охраняются. Такъ какъ я излагаю не свои

догадки, а только своєю чужія свидѣтельства, то считаю не лишнимъ привести нѣсколько печатныхъ заявленій. Развивая политическія воззрѣнія своихъ земляковъ, издатель Лифляндскихъ вкладовъ говоритъ: „Балтійскія провинціи преданы Императору (sind gut kaiserlich) преданы и Россіи, но *съ оговоркою* (mit Vorbehalt); преданы же онѣ Императору собственно потому, что въ Императорѣ Всероссійскомъ онѣ видятъ лице обязанное, по договору, оберегать ихъ такъ называемыя привилегіи (den vertragsmässigen Schutzherrn ihrer sogen. Privilegien) которыхъ главное достоинство заключается именно въ томъ, что онѣ ограждаютъ край отъ гражданской и церковной Руссификаціи.“*) Далѣе, выясняя ту же мысль, авторъ продолжаетъ: „счастливъ Императоръ Всероссійскій, что сыны Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи чтутъ въ немъ *своею Герцога*, иными словами: могучаго, законнаго и свободнаго *отъ всякаго односторонняго Русскаго давленія* (von einseitig russischer Pression freien) оберегателя своихъ благопріобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ, обязавшагося передъ Богомъ и передъ людьми защищать ихъ данною ему властью.“**) Это сказано какъ бы въ отвѣтъ на слова произнесенныя Государемъ Императоромъ въ послѣдній проѣздъ Его черезъ Ригу. Государь говорилъ представителямъ тамошнихъ сословій: вы конечно поймете, оцѣните и примите какъ слѣдуетъ то, что я долженъ буду предпринять въ край въ общихъ интересахъ Россіи,***) слѣдовательно, по Балтійской терминологіи: то, что я сдѣлаю какъ Императоръ, а не какъ Герцогъ. — „Ваше Величество кажется забываете — отвѣчаетъ на это Балтійскій голосъ изъ за границы — что Вы нашъ Государь совсѣмъ

*) Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 245, 246.

**) Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 297, 300.

***) Не имѣя подъ рукою подлиннаго текста, я привожу слова Государя Императора на память, но ругаюсь за вѣрную передачу смысла.

не потому, что Вы Всероссийскій Императоръ, а потому, что Вы Герцогъ Лифляндскій, Эстляндскій и Курляндскій.

Въ другомъ мѣстѣ, теорія отношеній Балтійскаго края къ Россіи выражена еще отчетливѣе. Въ какой то запискѣ пущенной въ ходъ въ 1866 году, доказывалось, что положеніе 1832 года о Лютеранской Генеральной Консисторіи, какъ общій законъ, не могло отмѣнить ни мѣстной привилегіи, ни Именнаго указа. Подхвативъ эти слова, издатель Лифляндскихъ вкладовъ идетъ далѣе и говоритъ: „мало того, никакой указъ, никакое одностороннее выраженіе воли высшаго правительства не можетъ отмѣнить ободуобязательнаго, государственнаго или международнаго договора (staatsrechtliche oder völkerrechtliche bilaterale Stipulationen) каковы капитуляціи 1710 и Ниптатскій и Абовскій трактаты 1721 и 1743 годовъ. По существу этихъ договоровъ, принадлежащихъ къ области публичнаго и международнаго права, они, также какъ и гражданскіе, частные договоры, могли бы быть отмѣнены или измѣнены не иначе какъ по обоюдному, добровольному соглашенію между Императоромъ съ одной стороны, рыцарствами и городами Балтійскаго края съ другой, и между Императорскимъ Всероссийскимъ и Королевско-Шведскимъ правительствами. Ничто инымъ путемъ совершаемое не можетъ имѣть законной, нравственно обязательной силы и не выходить изъ области чисто фактическихъ проявленій физическаго закона (т. е. силы). Но, какъ говорить Руссо: *force ne fait pas droit* (сила не создаетъ еще права.“*) — Кажется, дѣло ясно и нельзя требовать болѣе радикальнаго отрицанія законодательнаго права верховной власти. Остается напомнить, что почти весь существующій нынѣ въ Балтійскихъ губерніяхъ поря-

*) Livl. Beitr. B. I Lief. I S. 139.

докъ вещей, по увѣренію тамошнихъ публицистовъ, основанъ на насиліи. Недопущеніе перехода изъ Православія въ Лютеранство и подчиненіе мѣстныхъ Лютеранскихъ консисторій Генералпой — насиліе; подчиненіе мѣстныхъ судебныхъ инстанцій Сенату и Дерптскаго университета Министерству Народнаго Просвѣщенія — насиліе; введеніе въ оффиціальное употребленіе Русскаго языка — насиліе, статья третья введенія въ 1^ю часть свода мѣстныхъ узаконеній — насиліе и т. д. Какъ же послѣ этого не желать „лучшихъ временъ!“

Такого рода отношеніе какое предполагаютъ Балтійскіе публицисты между своею родиною и Россіею, когда оно устанавливается между подданными одного государства и царствующею династіею, или между одного областію и государствомъ (какъ на примѣръ между Финляндіею и Россіею) называется конституціоннымъ; но если предположить его между государствомъ съ одной стороны и отдѣльными сословіями и обществами съ другой (ибо капитуляціи заключались не съ Балтійскимъ краемъ, даже не съ Лифляндіею и не съ Эстляндіею, а съ тамошними рыцарствами, съ Ревелемъ, съ Ригею и т. д. порознь) то спрашивается: гдѣ тогда отечество? На этотъ вопросъ мы уже слышали отвѣтъ; остается только припомнить его: *отечество* наше (говорятъ Балтійскіе публицисты) въ высшемъ и широкомъ значеніи слова — Германія; это стволъ, котораго мы вѣтвь — *unser Stammland*; *родина* наша: это Лифляндія, или Эстляндія, или Курляндія; а Россія — это государство, къ которому мы теперь приписаны. Мы состоимъ не *вв немъ*, а *подъ нимъ*, какъ состояли некогда подъ Польшею и Швеціею — *unter polnischer, unter schwedischer, unter russischer Herrschaft*. И вотъ, подхватывая эту мысль, Прусскіе публицисты, которымъ Балтійская теорія приходится какъ нельзя болѣе по сердцу, проэктируютъ теперь новый, будущій

периодъ исторіи Балтійскаго края: die Ostseeprovinzen unter preussischer Herrschaft. На такое безцеремонное обращеніе съ Русскою областью, конечно можно бы было коѣто возразить, даже съ точки зрѣнія законности, права и международныхъ трактатовъ; но кто сколько нибудь знакомъ съ пріемами Рижскихъ политиковъ и ихъ заграничныхъ друзей, тотъ не можетъ не знать, что всё это строго обязательно только для Россіи; а когда доходить дѣло до Пруссіи, тогда вводятся въ аргументацію совершенно иного рода соображенія, какъ на примѣръ: „тяга Германіи на востокъ (der Drang, der grosse deutsche Zug nach Osten) ея историческое призваніе (der historische Beruf) и тому подобное. Надобно сознаться, что никто не выразилъ политической доктрины Лифляндцевъ, Эстляндцевъ и Курляндцевъ такъ кратко и отчетливо какъ Г. Егоръ Сиверсъ, въ придуманной имъ для самаго себя квалификаціи: „*Ливонецъ* (по національности) *Лифляндецъ* (по рожденію) и, какъ таковой, *приписной къ Русскому государству* (ein Deutscher, der als geborener Livländer russischer Staatsangehöriger ist). Понятно, что еслибъ когда нибудь наступилъ тотъ четвертый періодъ, который теперь исподоволь подготавливается въ Пруссіи, то конечно это троичное и, чтобъ ни говорили, всётаки нѣсколько сложное и мудреное отношеніе, измѣнилось бы къ лучшему; по крайней мѣрѣ, оно упростилось бы въ значительной степени, ибо тогда можно бы было, по національности и по государственной припискѣ, тянуть къ одному центру, не дробя своихъ сочувствій на двое. Тотъ же Балтійскій публицистъ объясняетъ намъ свою формулу историческимъ примѣромъ; по поводу гдѣ то и кѣмъ то будто бы заявленнаго въ Русской прессѣ обвиненія Балтійцевъ въ наклонности къ Полякамъ и Шведамъ, онъ говоритъ: „исторія Рейнгольда фонъ Паткуля, этого мученика пострадавшаго за конституціонное право Лифляндіи (verfassungsmässige Recht) доказываетъ и

ставить выше всякаго сомнѣнія, что мы покончили съ Швеціею, какъ прежде покончили съ Польшею. Если бы Польша умѣла сдержать данныя ею обѣщанія, она бы не утратила Лифляндіи, какъ не утратила бы ея въ послѣдствіи Швеціи.*) Мы, Балтійцы, *никогда не забываемъ испытываемыхъ нами преслѣдованій и нарушеній нашей конституціи (Verfassungsbrüche)**)* и потому никогда не вернемся ни къ Польшѣ, ни къ Швеціи.“***)— Рейнгольдъ фонъ Паткуль былъ конечно человекъ одаренный замѣчательными политическими способностями и желѣзною волею; но онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ дѣятелей, которыхъ всегда пріятнѣ видѣть въ рядахъ непріятели чѣмъ въ своихъ, и потому лучше бы было не тревожить такъ часто его праха. Въ *сочувствіи* къ Полякамъ, никогда никто не обвинялъ Балтійцевъ; но говорили, и съ полнымъ основаніемъ говорятъ, о стачкѣ Балтійской интеллигенціи съ Польскою, для совокушной агитаціи въ заграничной прессѣ; о сочувствіи къ Швеціи, кажется, также не было рѣчи; да и Г. Егоръ Сиверсъ очевидно указываетъ на нее только въ предостереженіе другой державѣ; а чтобъ эта держава знала что это за права, нарушение которыхъ оправдываетъ государственную измѣну, онъ беретъ на себя трудъ перечислить ихъ и приводитъ между прочимъ: самоуправленіе посредствомъ чиновниковъ *нами* избираемыхъ; право *избирать* себя судей, и употребленіе *Польскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ.*

*) Авторъ рѣшительно игнорируетъ участіе въ историческихъ событіяхъ армій, международныхъ войнъ и дипломатическихъ трактатовъ; единственные исторические дѣятели, по его мнѣнію, это кажется Ливонскіе Ландтагы и Рижскіе Бургомістры.

**) Однако, недавно еще Остляндскій публицистъ хвалился великодушіемъ, съ которымъ его земляки простили учрежденіе Памѣстничества при Екатеринѣ II и перенесли доущеніе перехода Лагзшей въ Православіе, при покойномъ Императорѣ.

***) Appell an die Oeffentlichkeit etc. etc. S. VII, 16.

Итакъ, намъ объявлено печатно, на трехъ языкахъ, Пѣмецкомъ, Французскомъ и Англійскомъ, что если правительство вздумаетъ серьезно настаивать на введеніи Русскаго языка въ официальное употребленіе, если оно захочетъ, чтобы судьи назначались въ Балтійскомъ краѣ такимъ же порядкомъ какъ и въ остальной Россіи, если, въ послѣдствіи, оно потребуеть, чтобы полиція, въ этомъ краѣ какъ и въ Россіи, была въ его рукахъ, а не въ рукахъ дворянства; тогда пробьетъ послѣдній часъ его *законнаго* владычества и вѣрноодданные рыцари, ничего никогда не забывающіе, вспомнятъ про своего героя Рейнгольда фонъ Паткуля. Въ этомъ же духѣ преподается въ учебныхъ заведеніяхъ исторія края и воспитываются молодья поколѣнія.

Это одна теорія; а вотъ наша, основанная на историческомъ фактѣ, на смыслѣ и буквѣ капитуляцій, наконецъ на сводѣ законовъ. Хотя Князь Суворовъ и утверждалъ, что мы, Русскіе, не болѣе какъ младшіе колонисты Балтійскаго поморія, но намъ все еще помнится, что наши предки отвоевали его у Швеціи, сперва на поляхъ Полтавы, а послѣ, въ довершеніе, подъ Ревелемъ и Ригою. Это относится до Лифляндіи и Эстляндіи; что касается до Курляндіи, то хотя она сама отложила отъ Польши, но подчинилась Россіи безоговорочно и безусловно (Императрица Екатерина II не понимала международныхъ, дипломатическихъ отношеній между цѣлымъ государствомъ и сословіями). Далѣе, мы вычитали въ полномъ собраніи законовъ, что во всѣхъ трехъ Балтійскихъ губерніяхъ, верховная власть дѣйствительно признала и затѣмъ одновременно утверждала особенныя учрежденія, права и обычаи тамошнихъ сословій и обществъ, но утверждала ихъ условно; оговаривая права верховной власти и общія государственныя установленія, слѣдовательно, подчиняя силу и обязательность частнаго и мѣстнаго, интересамъ

общаго и цѣлаго. Этимъ оговоркамъ мы позволяемъ себѣ придавать серьезное значеніе, никакъ не считая ихъ ни за риторическія украшенія, ни за канцелярскія продѣлки, и потому думаемъ, что соглашеніе мѣстныхъ учреждений правъ и обычаевъ съ государственными интересами и установленіями составляло задачу *внутреннюю* законодательства, къ разрѣшенію которой призвана была верховная власть въ силу своего законодательнаго права, отъ котораго она никогда въ пользу Балтійскихъ сословій не отступалась и которымъ никогда съ ними не дѣлилась.

Наконецъ, развертывая сводъ законовъ, мы въ немъ читаемъ, что Балтійскій край управляется на основаніи частью общихъ, частью особенныхъ для него изданныхъ узаконеній, но что тѣ и другіе *заимствуютъ силу свою* (не отъ договоровъ и международныхъ обязательствъ) *а отъ единой власти самодержавной.**) Чтобы ни говорили Балтійскіе публицисты, мы не считаемъ этихъ словъ за мертвую букву.

Противоположность двухъ изложенныхъ теорій такъ очевидна, что на первый взглядъ трудно даже понять, какъ она можетъ такъ долго держаться. Дѣло въ томъ, что если мы поставимъ странный, невѣроятный и всётаки неминуемый вопросъ: кто въ этомъ случаѣ правъ и кто ошибается, Балтійская интеллигенція или Русское общество вѣрющее слову закона, и если захотимъ обратиться за разрѣшеніемъ къ правительственной практикѣ, то мы найдемъ въ ней факты, повидимому, подтверждающіе и то и другое воззрѣніе.

Такъ, въ 1712 году, Лифляндское шляхетство, ссылаясь на известную (сомнительной подлинности) привилегію Сигизмунда Августа, представило на Высочайшее имя меморіаль, которымъ просило о допущеніи уполномоченныхъ

*) См. мѣст. узак. для губ. Остзейск. Часть. I. введ. ст. 3.

Ландратовъ къ обсужденію въ мѣстныя комиссіи и *из Правленіе* (Kaiserliche Regierung) въ то время, по широкимъ правамъ предоставленнымъ главному пачальнику края, вѣдавшее и дѣла чисто законодательнаго свойства. На это ходатайство, Князь Менщиковъ, за отсутствіемъ Петра I и по уполномочію отъ него, отвѣчалъ: „когда земскія будутъ случаться дѣла, тогда имѣютъ всегда Ландраты противъ ихъ привилегій къ тому допущены быть, равно какъ въ Шведскія времена въ обыкновеніи было, *а чтобъ онымъ судить и опредѣленіе въ дѣлахъ чинить, того имъ позволить не можно.**)

Изъ этихъ словъ можно заключить, что К. Менщиковъ, дававшій резолюціи именемъ Государя, какъ видно, имѣлъ о значеніи привилегій, о законодательномъ правѣ дворянства и о границахъ самоуправленія, не такое понятіе какое теперь проводятъ Балтійскіе публицисты.

Позднѣе, однако все еще въ такое время, когда обстоятельства присоединенія Ливляндіи и Эстляндіи къ Россіи были у всѣхъ въ живой памяти, Императрица Ека-

*) Пол. Соб. зак. 1710. Марта 1 No. 2496. Въ 1865 году, въ Дерптѣ, вышло новое изданіе Ливляндскихъ капитуляцій съ подтвердительными грамотами, выписками изъ привилегій и разнаго рода приложеніями, въ томъ числѣ и Пѣмецкимъ переводомъ вышеприведенной резолюціи Ки. Менщикова, выписанной буквально изъ полнаго собранія Законовъ. Вотъ она въ переводѣ: *soll so oft ins Künftige etwas von denen Landafairen wird vorgenommen werden, allezeit denen Landrätthen, zufolge der Privilegien, die Admittirung erlaubt seyn, gleich bei Schwedischen Zeiten geschehen; was sie aber ferner suchen, diese Admittirung auch bei der Kayserlichen Regierung zu haben, solches kann nicht verstatet werden.* Вѣрность перевода засвидѣтельствована Секретаремъ Абрамомъ Веселовскимъ. Очевидно, что смыслъ текста резолюціи искаженъ въ переводѣ преднамѣренно, пропускомъ самаго существеннаго, именно того, что конечно было очень не по сердцу Ливляндскому дворянству. Какъ это случилось? — мы не знаемъ; но чтобы стало Г. Ширреву, которому открытъ доступъ въ Архивъ дворянства, поискать въ немъ: не найдетъ ли онъ въ секретныхъ актахъ объясненія этого страннаго lapsus calami? Порывшись хорошенько, онъ бы можетъ быть отыскать даже свидѣнія о цѣнѣ, въ которую обошелся дворянству *вольный* переводъ резолюціи Ки. Менщикова.

терина II преобразовала въ самомъ основаніи все тамошнее устройство администраціи, судовъ и сословій, ввела въ дѣйствіе общія учрежденія изданныя для всей Россіи, и нисколько не сочла этого ни превышеніемъ власти съ своей стороны, ни нарушеніемъ договора, которое могло бы лишить ее права на вѣрность ея Балтійскихъ подданныхъ. Шведское правительство также не опротестовало ея преобразованій.

По видимому, вопросъ рѣшенъ былъ окончательно и, еслибы насажденія великой Императрицы успѣли пустить корень, конечно новѣйшая теорія нами теперь изучаемая, никогда бы не увидала свѣта. Но ся преемникъ поспѣшилъ ввести вновь упраздненный ею старый порядокъ вещей, во всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ, придавъ этому дѣйствію характеръ возстановленія нарушеннаго права. Въ томъ же разумѣтся смыслѣ, было оно принято Балтійскими сословіями, не замедлившими объяснить ему, что этимъ только и могъ онъ приковать ихъ опять къ своему престолу, то есть приобрести вновь право на ихъ вѣрность, утраченное его предшественницею. Въ послѣдствіи, дворянство и города неоднократно повергали къ подножію престола изъявленія своей *условной* преданности, а правительство, какъ будто не замѣчая болѣе или менѣе замаскированной оговорки, благодарило ихъ за рыцарское ихъ великодушіе. Когда возникали законодательные вопросы, почти всегда по инициативѣ правительства, оно нерѣдко заявляло свои требованія въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ, не допускавшихъ ни отговорокъ, ни возраженій; но затѣмъ, хотя въ большей части случаевъ нерасположеніе мѣстныхъ сословій къ перемѣнамъ, которыхъ оно требовало, ни для кого не могло быть тайною, оно ввѣряло имъ же законодательную работу составленія проектовъ. Потомъ, когда проекты оказывались рѣшительно негодными (что случалось очень не рѣдко) правительство

всётаки не брало дѣла въ свои руки, а поручало переработку тѣмъ же сословіямъ; это повторялось иногда по нѣскольку разъ и придавало дѣлу такой видъ, будто бы законодательная власть, сомнѣваясь въ своемъ правѣ, признавала необходимымъ склонить мѣстныхъ сословія къ предъявленію отъ себя ходатайствъ о тѣхъ мѣрахъ, которыхъ, въ сущности, требовало отъ нихъ правительство. Затѣмъ, проекты приведенные въ окончательный видъ, разсматривались почти всегда только для формъ, сперва въ особомъ Остзейскомъ комитетѣ, потомъ уже, по приведеніи ихъ въ исполненіе, въ Государственномъ Совѣтѣ, но и въ Петербургѣ, также какъ въ Ригѣ, самыя дѣльныя возраженія почти всегда разбивались о всемогущее veto депутатовъ отъ мѣстнаго дворянства. Этотъ особенный порядокъ, установившійся исключительно для дѣлъ Балтійскаго края, преимущественно для дѣлъ сопряженныхъ съ интересомъ тамошняго дворянства, и столь непохожій на порядокъ, которымъ разрѣшаются законодательные вопросы первой величины для всей Имперіи (н. п. упраздненіе крѣпостнаго права, преобразование полиціи, судебная реформа) дѣйствительно какъ будто оправдывалъ предположеніе, что въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, правительство не пользуется полнотою законодательной власти. Сторонники этого толкованія находили также нѣкоторое ему оправданіе въ обычной выдачѣ подтвердительныхъ грамотъ при вступленіи на престолъ, и, хотя при этомъ всегда оговаривалась свобода законодательной власти, но нельзя не признать, что, по крайней мѣрѣ послѣ изданія свода мѣстныхъ узаконеній, самый актъ утвержденія особенныхъ правъ и обычаевъ одной области казался, по крайней мѣрѣ, излишнимъ и не вполне согласовался съ основными положеніями, такъ ясно высказанными въ начальныхъ статьяхъ этого мѣстнаго свода; ибо, если Балтійскія губерніи дѣйствительно „управляются на основаніи законовъ общихъ

и частных“ и если тѣ и другіе „исходятъ изъ подноты самодержавной власти“ то къ чему утверждать частные и мѣстные законы, когда не признается надобности утверждать общіе? Если, при вступленіи на престолъ, Государь не утверждаетъ общаго свода законовъ для всей Имперіи, къ чему утверждать сводъ мѣстныхъ узаконеній для губерній Остзейскихъ, составляющій *дополненіе* къ общему?

Вотъ чѣмъ, если не оправдывается, то по крайней мѣрѣ извиняется политическая теорія Балтійскихъ чиновъ. Въ томъ, что она могла сложиться и что приходится опровергать ее, виноваты не они, а мы.

Всему однако долженъ быть конецъ, даже недоразумѣніямъ питаемымъ Рижскою интеллигенціею. Кажется, что теперь и онѣ клонятся къ разрѣшенію. Съ одной стороны, Россія, видя передъ собою Нѣмецкое національное знамя такъ смѣло выкинутое тамошнею провинціальною оппозиціею, и слыша раздающіеся оттуда зовы къ Германіи еще не отрезвившейся отъ недавнихъ своихъ побѣдъ, естественно недоумѣваетъ и спрашиваетъ: да точно ли мы обязаны благоговѣнно склоняться передъ учрежденіями устарѣлыми и негодными, которыхъ единственное достоинство, по увѣренію ихъ почитателей, заключается въ томъ, что подъ ними наше Балтійское поморіе *сберегается для Германіи въ чинки какихъ то лучшихъ временъ?* Правда ли, какъ увѣряютъ Балтійскіе политики, что международные трактаты и государственное право ставятъ насъ въ необходимость, на вѣчныя времена, охранять и ремонтировать, въ завоеванной нашими предками пограничной области, *передовое укрѣпленіе Германизма?* Наконецъ, хорошо ли мы дѣлаемъ, держа въ немъ гарнизонъ людей, одѣтыхъ въ Русскіе мундиры и печатно заявляющихъ Германіи, что они полагаютъ свое призваніе въ *разбавленіи нашихъ народныхъ соковъ какою то своею Нѣмецкою подливкою?* . . . Все это такъ важно для полити-

ческой будущности Россіи, что любопытство кажется позволительно.

Съ другой стороны, и дальновиднѣйшіе изъ вожаковъ Балтійской фаланги уже не довольствуются игнорированіемъ, со стороны правительства, ихъ политическихъ теорій и тоже подвигаются, хотя осторожно, къ разрѣшенію вышеизложенныхъ противорѣчій. У нихъ на это есть особенныя причины.

Прислушиваясь къ несумлающему шопоту въ самыхъ высшихъ слояхъ правительственныхъ и придворныхъ, они давно успѣли свыкнуться съ мыслью, что рано или поздно (и вѣроятно ранѣе чѣмъ бы слѣдовало) сама верховная власть призоветъ землю на совѣтъ и, въ той или другой формѣ, дастъ ей голосъ въ дѣлахъ государственнаго управленія. Къ этой торжественной минутѣ они теперь исподоволь готовятся; но съ какимъ намѣреніемъ? Съ тѣмъ ли, чтобы воспользоваться случаемъ для прекращенія старыхъ счетовъ и споровъ? Чтобы побрататься съ Россією, чисто-сердечно и безусловно, на горе и радость, *per fas et nefas*? Чтобы сложить у порога будущаго собранія Всероссійскаго земства свои политическія мечты, и встрѣтить новую эру какъ встрѣтятъ ее представители другихъ областей, съ безоговорочною готовностью подчинить свои частныя интересы, мѣстныя права и племенные предубѣжденія благу общей отчизны? — Или съ тѣмъ, чтобы, по слѣдамъ своихъ дѣдовъ засѣдавшихъ въ законодательной комиссіи Екатерины II, и вдохновившись недавнимъ примѣромъ Венгріи, заявить во всеуслышаніе о нежеланіи своемъ объединиться съ Россією и опротестовать заранѣе всякое прикосновеніе къ ихъ провинціальнымъ особенностямъ? Къ несчастію, настроеніе общественнаго мнѣнія въ Балтійскомъ краѣ, выражаемое лучшими тамошними публицистами и представителями мѣстныхъ сословій, таково, что этотъ вопросъ можно считать для нихъ разрѣшеннымъ

окончательно, именно во второмъ смыслѣ. Сомнѣваться въ этомъ нельзя, а умышленно игнорировать было бы непростительно. Они сваряжаются на послѣднюю, рѣшительную битву. Но для борьбы съ новымъ противникомъ, нужно запастись и оружіемъ новымъ; старое не годится, оно отслужило. Отстаивать передъ лицомъ государственнаго представительства теорію условной, политической вѣрности было бы смѣшно — она бы лопнула какъ пузырь. Всѣ это знаютъ. Знаютъ также, что заслониться такъ называемыми привилегіями и поставить подъ защиту ихъ мнимой неприкосновенности притязаніе цѣлаго края на политическое обособленіе, было бы крайне не выгодно. На этой почвѣ, не было бы даже мѣста для серьезнаго состязанія; ибо, во первыхъ, привилегіи даны не Балтійскому краю, а дворянскимъ сословіямъ и городамъ; съ ними же заключены и капитуляціи; какъ юридическая личность, которая могла бы договариваться и обѣщать, Балтійскій край въ XVIII вѣкѣ не существовалъ и понынѣ не существуетъ. Во вторыхъ, послѣ присоединенія его къ Россіи, все сельское народонаселеніе, считавшееся прежде дворянскою собственностью, приобрѣло гражданскія права, и потому, прежде чѣмъ приковывать на вѣчныя времена будущее его развитіе къ результатамъ историческаго прошедшаго, въ которомъ оно не участвовало, справедливость потребовала бы опросить его и удостовѣриться въ его согласіи. Въ третьихъ, съ точки зрѣнія формально юридической, оговорки сопровождавшія утвержденіе привилегій отнимають всякую возможность отстаивать ихъ безусловную неприкосновенность, а что касается до ихъ содержанія, то можно смѣло сказать и доказать, что оно уже упразднено и отмѣнено болѣе чѣмъ на половину. Во всемъ мірѣ, столбовая дорога историческаго прогресса усеяна обломками привилегій и, въ этомъ отношеніи, не составляетъ исключеніе даже и Балтійскій край. Повторяю,

тамошніе политически развитые агитаторы знают все это лучше чѣмъ мы, и вотъ почему, даже теперь, они избѣгаютъ самаго слова *привилегіи* и, мало по малу, вытѣсняють его другимъ, лучше гармонирующимъ съ понятіями и потребностями настоящей минуты, словомъ: *Verfassung* или *Landesverfassung* — земская конституція. По земской конституціи, иначе: системы правъ и учрежденій общихъ всѣмъ сословіямъ и ограничивающихъ права верховной власти, въ наличности не имѣется; ее надобно *сочинить*, выработать изъ историческаго матерьяла, вывести путемъ отвлеченія и обобщенія изъ массы частныхъ, сословныхъ и общественныхъ правъ. Абрисъ ея, этой будущей конституціи, теперь только что намѣчивается Балтійскими публицистами, но читатель можетъ уже, до нѣкоторой степени, угадать ея будущія черты сквозь очень неопредѣленные выраженія, далеко не все то высказывающія, что подъ ними подразумѣвается: свобода совѣсти,^{*)} устройство мѣстной Лютеранской церкви совершенно самостоятельное и независимое отъ общаго для всей Имперіи управления Протестантскою церковью, полное самоуправленіе, замѣщеніе, по выбору, судебныхъ, полицейскихъ и административныхъ должностей, сословный судъ, замкнутое, корпоративное устройство дворянства (*geschlossene Matrikel*), Нѣмецкій языкъ, какъ языкъ оффиціальныи и языкъ преподаванія, самостоятельное завѣдываніе всѣми учебными

*) Когда въ брошюрахъ Балтійскихъ публицистовъ, или въ проектахъ тамошнихъ законодателей, вамъ попадается такъ часто употребляемое ими слово *свобода*, будьте осторожны и глядите себя подъ ноги; это вѣрный признакъ ловушки. Такъ, на примѣръ, свобода труда и передвиженія значитъ утрату права на землю и запрещеніе переходить за границу губерніи; свобода взаимнаго соглашенія значитъ необходимость подчиниться произволу помещика въ опредѣленіи размѣра повинностей, свобода перехода недвижимой собственности изъ рукъ въ руки значитъ право сгонять крестьянъ съ усадѣбъ, свобода совѣсти значитъ стѣсненіе Православной совѣсти (я это докажу при разборѣ вопроса о смѣшанныхъ бракахъ). Словомъ, въ Балтійскомъ краѣ, идѣже угнетеніе и стѣсненіе ту свобода.

заведеніями, участіе въ законодательствѣ, право голоса по всемъ дѣламъ касающимся края и т. д.

Дѣло ясно: чтобъ отстоять свое изолированное положеніе передъ лицомъ народнаго представительства, нужно, до ожидаемой съ нимъ встрѣчи, заблаговременно заручиться такимъ выраженіемъ Высочайшей воли, которымъ бы верховная власть *отвѣтственно* себя связала, и черезъ которое призванная на совѣтъ Россія усомнилась бы перешагнуть; иными словами: нужно выманить у правительства признанія политическихъ правъ Пѣмцкой народности, нынѣ, на нашемъ Балтійскомъ поморіѣ, постепенно сплачивающейся въ цѣльный организмъ.

Къ этому теперь все направляется; это главная цѣль передовыхъ дѣльцевъ. Судя по расположенію крупныхъ свѣтилъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, и прислушиваясь къ голосу „Вѣсти“ недавно возвыщавшей „что обстоятельства рѣшительно благопріятствуютъ дальнѣйшему развитію тѣхъ идей, которыя составляютъ основу этого изданія,“ они знаютъ, что настоящая минута представляетъ для нихъ совокупность особенно счастливыхъ условий, и потому вѣроятно не захотятъ долго медлить.*) Само собою разумѣется, что слово *конституція* произнесено не будетъ — къ чему пугать словами? Напротивъ, придумаютъ формулу самую не затѣливую и скромную, предложатъ самый благовидный, хоть бы на примѣръ: словомъ благоволеніе и милости съ высоты престола унадающимъ, вознаградить вѣрный край за распускаемыя про него клеветы; заблаговременно готовить все пути, распредѣлять роли, разставлять всехъ по мѣстамъ; при первомъ удобномъ случаѣ, пустятъ заведенную машину въ ходъ, и, въ одно прекрасное утро, проснувшаяся Россія, увидитъ

*) Чуть ли даже они не опоздали нѣсколькими мѣсяцами.

на мѣстѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, колыбель народившейся за ночь новой *Остзейской Финляндіи*.

Я не утверждаю, что это непременно случится, но къ этому исходу, неотразимою силою логики и обстоятельствъ, ведутъ и должны вести какъ политическая теорія господствующая въ интеллигентныхъ слояхъ Балтійскаго общества, такъ и тамошняя правительственная практика, по этой теоріи сложившаяся. Затѣмъ, я еще позволю себѣ спросить: точно ли этотъ исходъ такъ необыточенъ какъ съ перваго взгляда кажется, и наконецъ, еслибъ онъ даже былъ дѣйствительно и безусловно невозможенъ, даже при вышшихъ, для Россіи неблагоприятныхъ политическихъ complicаціяхъ, позволительно ли успокоиваться однимъ сознаніемъ такой невозможности, и не пора ли наконецъ понять, что самое стремленіе интеллигенціи цѣлаго края къ такому невозможному исходу, повторю опять: стремленіе логически обусловленное существующимъ въ немъ порядкомъ вещей, есть уже само по себѣ явленіе болѣзненное, опасное и требующее скораго, радикальнаго врачеванія?

Вотъ въ какомъ отношеніи важна настоящая минута и почему необходимо, чтобъ именно теперь, Россія не спускала глазъ съ своей Балтійской окраины. Время, кажется мнѣ, такъ дорого, что я рѣшился, съ перваго же слова, высказать въ какомъ видѣ представляется мнѣ положеніе дѣлъ, хотя я нисколько отъ себя не скрываю, что, для меня лично, было бы гораздо выгоднѣе уклониться на первыхъ порахъ отъ столкновенія съ укоренившимися у насъ понятіями и предпослать общимъ выводамъ простое изложеніе фактовъ. Но, навлекая на себя добровольно упрекъ въ произвольности сужденій, я надѣюсь, въ непродолжительномъ времени, отъ него очиститься. За фактическими доказательствами дѣло не станетъ и читатели найдутъ ихъ въ изобиліи въ послѣдующихъ, уже подго-

товленныхъ выпускахъ. Въ этомъ отношеніи, я прошу не довѣрія къ себѣ, а нѣкотораго только терпѣнія.

Мнѣ остается, въ заключеніе, сказать еще слово. На предшествующихъ страницахъ, я указалъ, между прочимъ, въ чемъ сходство и въ чемъ разница между вопросомъ Польскимъ и вопросомъ Балтійскимъ (котораго, при всемъ моемъ нежеланіи, я всѣтаки, къ стыду нашему, не могу не признать) но одной, очень существенной разницы я не коснулся.

Въ вопросѣ Польскомъ, наше общество и наше правительство долго находились подъ вліяніемъ фальшивыхъ понятій, ошибались за одно, вмѣстѣ, въ одно время, и оттого, какъ ни тяжелы, какъ ни обидны были послѣдствія ошибокъ, сознаніе общей и нераздѣльной за нихъ отвѣтственности не только, не ослабило нравственнаго авторитета правительства, а напротивъ, въ минуту прозрѣнія, заставило общество еще тѣснѣе примкнуть къ нему.

Нельзя будетъ сказать тогоже о вопросѣ Балтійскомъ, когда мы наконецъ перестанемъ его игнорировать.

Въ своевременныхъ предостереженіяхъ недостатка не было. Сами политическіе враги наши раскрыли передъ нами свои виды, замыслы и надежды, всю систему своихъ дѣйствій, прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ, такъ что мнѣ осталось только сгруппировать ихъ признанія и подвести имъ итогъ.

Опечатки.

Напечатано:	Стр.	Стр.	Читай:
перебрасываемся	У	19	перебрасываемся
стыдиться	5	28	стыдиться
отмеченія	13	3 прим.	отмеченія
отмечилось	—	7 прим.	отмечилось
отмечить	—	11 прим.	отмечить
выдруженная	14	27	водруженная
отмеченныхъ	20	30	отмеченныхъ
спрошено	22	12	ясрошено
бреднями	23	26	бреднями
бредъ	—	27	бредъ
убьжище	31	21	убьжище
отмеченію	39	6	отмеченію
отмеченіе	40	3 прим.	отмеченіе
изъ	47	10	изъ
ein	69	27	ein
изисканіе	76	18	изысканіе
опытности	97	14	опытности
разршенія	103	22	разршенія
сбылись что,	113	3	сбылись, что
отмечившимся	123	15	отмечившимися
это	132	23	это
домогаться	133	3	домогаться